

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 7 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1970

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН

В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Марьина.</i> Первый опыт создания пролетарского государства в Чехословакии	3
<i>Мито Исусов</i> (НРБ). Структурные изменения в экономике Болгарии (1944—1947 гг.)	13
<i>Валенты Дашкевич, Владимир Т. Ковальский, Станислав Лопатнюк</i> (ПНР). Опыт периодизации истории польско-советских отношений 1917—1968 гг.	28
<i>К. Л. Струкова.</i> Из эпистолярного наследия П. Д. Драганова	42
<i>Н. Богомолова.</i> Возрождение классицистских тенденций в польской поэзии начала XX века	48
<i>Ю. А. Карпенко.</i> Лингвистика — география — история (Проблемы топонимического этимологизирования)	64

К XIII Международному конгрессу исторических наук. Доклады на международной славянской комиссии конгресса

<i>А. С. Мыльников.</i> К вопросу о положении и культурно-политической роли чешского города побелогорского времени	71
<i>И. И. Лециловская.</i> Роль города в формировании хорватской национально-освободительной идеологии в первой половине XIX века	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. М. Стецкевич.</i> P. Kaleniczenko. Polacy w Rewolucji Pzdziernikowej i wojnie domowej na Ukrainie 1917—1920	90
---	----

<i>И. Яжборовская.</i> «Ураїstwowieie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948)»	91
<i>А. М. Панченко, И. П. Смирнов.</i> Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой . . .	93

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в конце 1969 — начале 1970 г.	95
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С. И. Сидельников, Г. И. Чернявский.</i> V межвузовская научная конференция историков-славистов	103
<i>П. Ольшанский.</i> Научная сессия в Кракове	109
<i>Л. Н. В</i> Институте славяноведения и балканистики АН СССР	110
О золотых медалях имени Карла Маркса	111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

■ **И. И. КОСТЮШКО** (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**.
 Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

В. В. МАРЬИНА

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Более полувека назад была создана Словацкая Советская Республика — первое пролетарское государство на территории Чехословакии. Словацкая республика была четвертой советской республикой (после Российской, Венгерской и Баварской), возникшей в Европе на гребне революционной волны, поднятой Великой Октябрьской социалистической революцией. Словацкая Советская Республика просуществовала недолго: всего три недели. Но несмотря на это она вписала яркую страницу в историю словацкого и международного революционного движения. Чехословацкая буржуазия и ее идеологи сделали все возможное, чтобы предать забвению сам факт установления Советской власти на части территории Словакии, фальсифицировать историю Словацкой Советской Республики. Основной целью всех буржуазных работ, в той или иной степени касающихся истории Советской Словакии, было обвинить ее создателей в стремлении отторгнуть Словакию от Чехословакии. Пытаясь скрыть от народа правду о Советской Словакии, чехословацкая буржуазия и ее историография объявили Словацкую Советскую Республику делом рук венгерских националистов и словацких сепаратистов¹.

Недоступность документов, касающихся истории создания Советской Словакии, и то обстоятельство, что словацкий народ в течение многих веков угнетался венгерскими правящими классами², способствовали довольно широкому распространению буржуазной лжи о революционных событиях в Словакии летом 1919 г.

Коммунистическая партия Чехословакии еще в период буржуазной республики предприняла ряд попыток разоблачить те ложные обвинения, которые были возведены на Словацкую республику и ее создателей правящими классами Чехословакии и их пособниками из лагеря правых социал-демократов (выступления депутатов-коммунистов в Национальном

¹ См. работы: «Vpád maďarských bolševikov na Slovensko r. 1919». Bratislava, 1936; I. D e g e r. Slovensko v prevrate a po ňom. Bratislava, 1924; F. H o u d e k. Vznik hraníc Slovenska. Bratislava, 1931; K. M e d v e s k ý. Slovenský prevrat. Zv. 1—4. Trnava, 1930—1931.; F. P e r o u t k a. Budování státu. Sv. 1—5. Praha, 1933—1936.

² Правительство Кароли, образовавшееся в Венгрии осенью 1918 г., также не признавало словаков самостоятельным народом. Венгерские коммунисты, занявшие правильную позицию в национальном вопросе, тем не менее не провозгласили право словацкого народа на самоопределение. Кроме того, их точка зрения в этом вопросе не была достаточно известна широким слоям чехословацкой общественности. После падения Венгерской Советской Республики в хортистской Венгрии ирредентистские настроения были весьма сильны. В 1939 г. они вылились в вооруженное нападение на Чехословацкую республику, отторжение значительных территорий южной Словакии и присоединение их к Венгрии.

собрании, статьи в печати, книга П. Реймана «История Коммунистической партии Чехословакии», изданная в 1931 г. к 10-летию КПЧ). Вскоре после освобождения страны от фашизма чехословацкие историки-марксисты приступили к изучению архивных материалов по истории Словацкой Советской Республики. Уже первые марксистские работы, вышедшие в начале 50-х годов, сняли со Словацкой Советской Республики ту завесу молчания и лжи, которой окутала ее буржуазная историография. В книгах М. Госиоровского, В. Краля, М. Вьетора, М. Дзвоника³, в фундаментальных статьях, напечатанных в исторических журналах, была дана марксистская оценка значения создания первого пролетарского государства на территории Чехословакии, опровергнута лживая легенда о нападении венгерской Красной Армии на Чехословакию, убедительно показана агрессивность чехословацкой буржуазии, принявшей участие совместно с империалистами Антанты в подавлении революционного очага в центре Европы.

Эти работы положили конец фальсификациям истории возникновения и существования Словацкой Советской Республики, сняли клеймо предателей с первых борцов за установление Советской власти в Словакии.

Однако в некоторых из этих работ еще сказывалось влияние прежних оценок роли и места Советской Словакии в истории чешского и словацкого народов. Провозглашение самостоятельной Словацкой Советской Республики рассматривалось как ошибочный акт, подрывающий единство Чехословацкой республики. На состоявшейся в конце 1958 г. в Институте истории КПС научной дискуссии по этому вопросу подобная точка зрения была решительно отвергнута⁴. При подведении итогов дискуссии отмечалось: «...реализация представлений инициаторов создания Словацкой Советской Республики превратила бы нашу родину в прочное государство, естественный дом наших народов, освобожденных не только в национальном, но и в социальном отношении. Реализация представлений создателей Словацкой Советской Республики привела бы к поражению тех сил, которые вели чехословацкую политику и государство к Мюнхену, гарантировала бы не антисоветскую, а просоветскую ориентацию внешней политики Чехословацкой республики, которая, как стало ясно, является единственной гарантией нашей самостоятельности. Поэтому традиция Словацкой Советской Республики является традицией интернациональной, является не сепаратистской, а глубоко национальной и государственной традицией с точки зрения решающего вопроса, вопроса власти в государстве...»⁵.

Итоги десятилетнего исследования истории Словацкой Советской Республики были подведены во время научной конференции в Прешове в июне 1959 г., посвященной 40-летию ССР⁶.

К 45-й годовщине Советской Словакии были подготовлены новые материалы. В частности, вышла интересная книга З. Горжени, посвященная первому председателю революционного Словацкого советского правительства Антонину Яноушке⁷. В течение последних пяти лет чехословацкие

³ M. G o s i o r o v s k ý. Príspevok k dejinám slovenského robotníckeho hnutia. Bratislava, 1951; V. K r a l. Intervenční válka československé buržoazie proti Maďarské Sovětské republice v roku 1919. Praha, 1954; M. V i e t o r. Slovenská sovětská republika. Bratislava, 1955; M. D z v o n i k. Ohlas Vel'kej októbrovej socialistickej revolúcie na Slovensku. Bratislava, 1957.

⁴ Материалы дискуссии были опубликованы в журнале «Příspevky k dějinám KSČ», 1958, № 6, 7.

⁵ «Příspevky k dějinám KSČ», 1958, № 7.

⁶ Материалы конференции изданы в сборнике «Slovenská republika rád». Bratislava, 1960.

⁷ Z. H o ř e n í. Antonín Janoušek. Praha, 1964.

историки продолжали углубленное изучение истории Словацкой Советской Республики. Результаты новейших исследований были обсуждены на состоявшейся в июне 1969 г. в Прешове научной конференции, посвященной 50-летию Советской Словакии.

История Словацкой Советской Республики получила освещение и в советской исторической литературе⁸.

Возникновение Словацкой Советской Республики самым тесным и непосредственным образом связано с установлением пролетарской диктатуры в Венгрии. Ее провозглашение в марте 1919 г. встретило в Словакии живой и горячий отклик. Население Словакии, особенно рабочие, отказывалось являться на призывные пункты для отбывания воинской повинности. В некоторых местах новобранцы ушли в горы и создали вооруженные партизанские отряды (Рожнява). Происходили вооруженные столкновения между рабочими, с одной стороны, и жандармерией и войсками — с другой. Участились случаи нападения на военные гарнизоны. Слухи об установлении власти пролетариата в Венгрии безусловно активизировали революционное движение словацких трудящихся.

Всю осень и зиму 1918—1919 гг. Словакия бурлила. Выступления трудящихся, вызванные голодом, безработицей, плохим снабжением, низкой заработной платой, разочарованием в первых социальных мероприятиях нового правительства, режимом военной диктатуры, по существу установленным в Словакии, не прекращались. В феврале 1919 г. в Словакии началась всеобщая забастовка, продолжавшаяся целый месяц. В течение всего марта как отголоски этой забастовки то в одном, то в другом месте Словакии происходили рабочие выступления. Поэтому не удивительно, что сразу после установления Советской власти в Венгрии чехословацкое буржуазное правительство поспешило установить строжайшие заградительные кордоны на чехословацко-венгерской границе, объявило Словакию на чрезвычайном положении и произвело аресты представителей левого крыла словацкой социал-демократии.

Однако сведения о событиях, происходящих в соседней Венгрии, все же проникали в Словакию и будоражили умы. Особенно много сделали для этого представители чешского и словацкого пролетариата, находившиеся в Венгрии и объединенные в чехословацкой секции Венгерской социалистической партии. Словацкая секция существовала еще и в Венгерской социал-демократической партии. При Венгерской коммунистической партии, созданной осенью 1918 г., также была сформирована словацкая секция. В Венгрии, и особенно в Будапеште, в то время находилось очень много словацких рабочих; некоторые из них работали там уже давно, другие бежали от преследований у себя на родине. Зимой 1919 г. Бела Кун, один из основателей и руководителей Венгерской коммунистической партии, обратился к чехословацким социал-демократам с просьбой прислать опытного товарища для работы среди словацких рабочих. И в январе 1919 г. в Будапешт прибыл Антонин Яноушек, чех по национальности, рабочий по профессии, журналист по призванию, который уже тогда был одним из видных представителей левых социал-демократов в Кладно. В то время ему было 42 года, он был опытным организатором, хорошим оратором, умел просто и доходчиво выступать на рабочих митингах и собраниях, заражая окружающих своим оптимизмом и неистощимой энергией, имел большой опыт журналистской работы.

⁸ См.: «История Чехословакии», т. III, М., 1961; В. М а р ь и н а. Революционное движение в Словакии в 1918—1919 гг. В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957; В. М а р ь и н а. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918—1920 гг. В кн. «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М., 1959.

Уже тогда он был близко знаком с А. Запотоцким и Алоизом Муной, видными деятелями чешского рабочего движения. Яноушек сразу же активно включился в работу и был избран председателем словацкой секции Коммунистической партии Венгрии. Он познакомился с Белой Куном, который был высокого мнения о его организаторских способностях и человеческих качествах⁹. После объединения коммунистической и социал-демократической партий Венгрии в единую социалистическую партию была создана и единая словацкая секция этой партии. В апреле 1919 г., когда по инициативе Яноушека была организована чешская секция, обе эти секции объединились в чехословацкую секцию. Председателем ее был также Яноушек. Секция имела свою программу, которая в мае-июне была опубликована в газете «Червене новины», издаваемой в Будапеште на словацком языке. Программа провозглашала главной задачей чехословацкого рабочего класса добиваться при содействии русского и венгерского пролетариата, а также рабочих всех национальностей Словакии, Чехии, Моравии и Силезии установления диктатуры пролетариата и перехода всей власти в чехословацком государстве в его руки¹⁰.

При этом руководители чехословацкой секции исходили из представлений о том (а эти представления были тогда характерны для всего международного рабочего движения), что пролетарская революция будет постепенно распространяться в восток на запад, что после России и Венгрии пролетариат придет к власти в Польше, Германии, Австрии, Чехословакии, что все пролетарские государства сплотятся в тесный союз для защиты против атак мирового империализма и что на основе этого сотрудничества и совместных действий возникнет международная советская республика. Скорая победа мировой революции тогда не вызывала сомнений. В программе чехословацкой секции социалистической партии Венгрии это было сформулировано следующим образом:

«Пролетарские государства советских республик... создадут федерацию отдельных национальных пролетарских государственных образований, где не будет места национальным и религиозным распрям и где не будет границ, которые вызывают споры и войны. Общие вопросы будут решаться Советом объединенных пролетарских республик»¹¹.

Руководство чехословацкой секции поддерживало связи с чешским рабочим движением и на основании тех сообщений, которые оно получало из страны (а сообщения эти не могли быть полными), полагало, что Чешские земли находятся накануне революции. Однако эти представления были ошибочными. Чешский пролетариат не был тогда готов к выступлению. Идеализируя Масарика, полагая, что его можно убедить и привлечь на сторону пролетариата, Яноушек послал ему 29 марта письмо, где призывал его отдать власть в руки чешского пролетариата без борьбы, как это произошло в Венгрии. Ответа на письмо он, конечно, не получил.

Более тесные связи чехословацкая секция имела со Словакией. В те дни на ее территорию доставлялась и там распространялась масса пропагандистских материалов, подготовленных секцией: брошюры, листовки, плакаты, воззвания, газеты¹², в которых разъяснялся смысл социалистической революции. Из Словакии, где также стали возникать коммунистические группы, в Будапешт прибывали посланцы словацкого рабочего класса. Секция развернула большую агитационную работу и в частях чехо-

⁹ Z. Hoření. Ibid., s. 45, 75.

¹⁰ «Cervené noviny», 31 V, 1 VI 1919.

¹¹ Ibid.

¹² «Cervené noviny», «Armada proletářů», «Košické červené noviny», «Naša červená zastava».

словацкой буржуазной армии, которая в конце апреля приняла участие в интервенции против Советской Венгрии.

Однако в конце мая венгерская Красная Армия, усиленная рабочими полками, сумела остановить продвижение чехословацкой армии и предприняла контрнаступление. На северном фронте сражался и «Международный Красный полк», состоящий в значительной части из словаков. Развивая наступление, преследуя отступающие части чехословацкой армии, венгерская Красная Армия вступила на территорию Словакии и продвигалась на север, намереваясь через Галицию соединиться с Красной Армией Советской России.

В освобожденные словацкие города чехословацкая секция социалистов-коммунистов посылала своих представителей. Яноушек полагал, что присутствие венгерской Красной Армии создаст в Словакии благоприятные условия для установления диктатуры пролетариата. «Мы не можем медлить, — писал он, — на освобожденной территории мы должны как можно скорее провозгласить республику Советов. Это будет сигналом для пролетариата остальных частей страны. Словакия начнет, чешский пролетариат своим выступлением дело завершит»¹³. Однако в этом последнем он, к сожалению, ошибался. Именно в это время Яноушек послал в Прагу и Кладно двух очередных курьеров, одним из которых была его жена, переехавшая в апреле вместе с четырьмя детьми в Венгрию. Яноушек послал с курьерами письмо, в котором речь шла о всеобщей забастовке в Чешских землях. Но они не прибыли в Кладно. Изменник, который оказался в чешской секции, выдал их пражской полиции, и они были арестованы.

Со вступлением венгерской Красной Армии в Словакию Венгерское правительство должно было определить свое отношение к освобожденной территории, где в это время возникали рабочие, солдатские и крестьянские советы, организовывались отряды красной милиции, росло число добровольцев, желающих вступить в Красную Армию.

Чехословацкая секция социалистов-коммунистов высказалась за создание самостоятельной Словацкой Советской Республики, которая должна была стать базой для активизации революции в Чешских землях. К такому же решению вопроса склонялось и правительство Советской России. 9 июня народный комиссар иностранных дел Российской Советской Республики Г. В. Чичерин послал Беле Куну телеграмму: «... Радио Антанты сообщает, что венгерская Красная Армия занимает невенгерские территории. Может быть, на территории Словакии необходимо осуществить право на самоопределение, чтобы не дать новой пищи чешскому национализму?»¹⁴. На эту телеграмму Бела Кун ответил положительно.

Выехавшие в Словакию члены руководства чехословацкой секции готовили провозглашение Советской Республики. Яноушек задержался в Будапеште, где он должен был выступить на общевенгерском съезде Советов, собравшемся 12—14 июня. В своем выступлении Яноушек гневно осудил действия чехословацкой буржуазии, принявшей участие в интервенции, и вероломство правых социал-демократов. Сообщив делегатам, что в Словакии рождается новая республика Советов, он сказал: «Социальная революция из Словакии распространится на Моравию, и, охватив сердце Европы, ее волны понесутся дальше на Запад... Диктатура пролетариата в Чехословацкой республике не является сном, и недалек тот час, когда Чешская и Словацкая советские республики войдут в общий федеративный союз Венгерской, Украинской и Российской советских

¹³ Z. Hořený. Ibid., s. 53.

¹⁴ Печатается в переводе со словацкого языка. «Vojový odkaz roku 1919». Bratislava, 1959, s. 201.

республик»¹⁵. Сразу же после окончания съезда Яноушек отбыл в Словакию.

16 июня в Прешове в 13 часов перед городской ратушей состоялся многотысячный митинг, на котором было провозглашено создание Словацкой Советской Республики и принято обращение к «Пролетариям мира». В нем говорилось: «Первым интуитивным шагом пролетариата, освобожденного из-под ярма чешского империализма, было осуществление права на самоопределение... Новорожденная Словацкая Советская Республика своими естественными союзниками считает своих победоносных братьев, Российскую и Венгерскую советские республики, и становится под защиту всего международного пролетариата, под охрану его единого и солидарного рабочего Интернационала. Ее первые приветствия обращены к чешским братьям, которые до сих пор угнетаются империалистами...»¹⁶.

На митинге был избран Временный революционный исполнительный комитет, обосновавшийся в Кошице. На его заседании 20 июня был создан Словацкий революционный правительственный совет, председателем которого стал Яноушек. Он исполнял также (совместно с Эрнестом Пором¹⁷) и обязанности комиссара иностранных дел. Всего было создано 11 народных комиссариатов: иностранных дел, военных дел, финансов, внутренних дел, сельского хозяйства, торговли и железных дорог, национализации и социального производства, школ, здравоохранения и социального обеспечения, юстиции, общественного снабжения. Каждый из них возглавлялся двумя комиссарами. В состав Словацкого советского правительства вошли представители словацкой, венгерской и чешской национальностей.

На первом же заседании Словацкого революционного правительственного совета была составлена и отослана приветственная телеграмма В. И. Ленину. Одновременно были посланы телеграммы Российскому, Украинскому и Венгерскому советским правительствам. В телеграмме народному комиссару иностранных дел Советской Украины сообщалось о том, что Советское правительство Словакии назначает своим временным представителем на Советской Украине г. Ружичку, который был тогда председателем ЦИК чехословацких коммунистических групп России и Украины. Этот акт хотя и не имел практических последствий, но являлся доказательством того, что словацкие революционеры стремились установить самые тесные связи со своими советскими товарищами.

Советская Словакия просуществовала всего три недели, но работа, проделанная за это время ее правительством, которое функционировало и того меньше, практически всего 10 дней, была, поистине, огромна. Старый буржуазный государственный аппарат был сломан. Власть осуществлялась или Директориями, или, если им удавалось провести выборы, местными Советами. Советское правительство приступило к национализации важнейших средств производства, банков, торговых предприятий и транспорта, к проведению аграрной реформы. Был издан ряд распоряжений об улучшении материального положения трудящихся: об установлении 8-часового рабочего дня в промышленности, о повышении заработной платы, о выплате пособий по безработице, пенсий вдовам, сиротам, инвалидам, об освобождении от налогов крестьян, имеющих менее 100 ютаров земли, и т. д.

Советское правительство приступило к созданию словацкой Красной Армии. 24 июня ее главнокомандующим был назначен Ференц Мюнх —

¹⁵ Z. Hoření. Ibid., s. 54.

¹⁶ «Servené noviny», 17 VI 1919.

¹⁷ Э. Пор был одним из основателей Коммунистической партии Венгрии и членом ее первого ЦК.

политический комиссар 6-й дивизии венгерской Красной Армии. Впоследствии он вспоминал: «Тогда у нас не было проблемы с набором людей в Красную Армию, проблема была в вооружении. Поэтому в день моего назначения командующим словацкой международной Красной Армией я отправился в Будапешт к комиссару обороны Беле Санто. Просьба Словацкого революционного совета о предоставлении вооружения для словацкой Красной Армии была немедленно удовлетворена. Я возвращался обратно с обмундированием и вооружением для 5000 человек... Но этого было очень мало. Людей, которые хотели вступить в Красную Армию только в Кошице, было гораздо больше»¹⁸.

В самый разгар работы по строительству нового государства пришло известие о решении Венгерского советского правительства вывести свои войска с территории Словакии. Как известно, это решение было принято под прямым нажимом Антанты и в результате ее обещания прекратить наступление румынской армии.

Словацкое правительство оказалось перед альтернативой: оставить Словакию или защищаться. Сначала мнения разделились, и большинство высказалось за то, чтобы защищаться. Это мнение было поддержано рабочими митингами в ряде городов: Кошице, Лученце, Зволене, Прешове. Была объявлена всеобщая мобилизация, армия готовилась к обороне Словацкой Советской Республики. Именно в это время Республика получила поздравления от Российского советского правительства и от Коммунистического Интернационала.

Однако вопрос о том, как поступить, правительством еще не был решен окончательно. Когда были взвешены все «за» и «против» и было выяснено, что одного энтузиазма мало, что части словацкой Красной Армии еще очень слабы, так как времени для ее организации практически не было, что надежды на выступление чешского пролетариата в тылу буржуазной чехословацкой армии не осуществились, было решено отвести армию на территорию Венгерской Советской Республики и там готовиться к дальнейшей борьбе, одновременно оказав помощь Советской власти в Венгрии.

1 июня начался отход Красной Армии со словацкой территории. Вместе с нею выехало в Будапешт и Словацкое советское правительство¹⁹. Сло-

¹⁸ «Vojový odkaz roku 1919», s. 206.

¹⁹ После установления в Венгрии власти контрреволюционного правительства Хорти и начала белого террора большинство народных комиссаров Словацкого революционного правительства приняло решение перейти в Австрию. Те, которые остались в Будапеште, а среди них был и А. Яноушек, были арестованы. Весной 1920 г. началось следствие по делу словацких народных комиссаров, а в июне состоялся судебный процесс. Всем им было предъявлено обвинение в стремлении отторгнуть Горную страну (Словакию) от Венгрии. В то же время чехословацкое буржуазное правительство и его пресса обвиняла Яноушека и его товарищей в обратном: в попытке отторжения Словакии от Чехословацкой Республики. В 1919 г. был подписан ордер на арест Яноушека в случае его появления на территории ЧСР. Заключительное слово, произнесенное Яноушком на суде, характеризует его как пламенного революционера и интернационалиста. Призвав себя коммунистом и заявив, что он гордится этим, Яноушек сказал: «В вашей власти присудить мне столько лет, сколько вы захотите. Но ваш приговор, каким бы он ни был, не остановит борьбу за светлое дело освобождения пролетариата. И в этой борьбе мы победим, победит рабочий класс под руководством своих русских братьев... Да здравствует русская революция! Да здравствует пролетарский Интернационал!» (Z. H o ř e n í. Ibid., s. 74). Яноушек был осужден на три года тюремного заключения. В конце 1920 г. между правительством Советской России и правительством Хорти было достигнуто соглашение об обмене 400 венгерских коммунистов, находящихся в тюрьмах, на венгерских офицеров, находящихся в плену. Среди этих 400 был и Яноушек. Однако при проходе транспорта с венгерскими коммунистами через территорию Чехословакии Яноушек был арестован уже чехословацким правительством и заключен в тюрьму. Только вмешательство Советского правительства и выступление в защиту Яноушека Коммунистической партии Чехословакии заставили чехословацкое буржуазное правительство отправить его в Советскую

вацкая Советская Республика прекратила свое существование. На ее бывшей территории, занятой армией чехословацкого буржуазного правительства, был установлен режим жесточайшей военной диктатуры.

Каковы же были причины поражения Словацкой Советской Республики, в чем состоит ее историческое значение?

Некоторые в определенной степени новые оценки в этом плане были даны на упомянутой выше последней научной конференции в Прешове. В нашем распоряжении нет пока материалов конференции, но о результатах ее работы можно судить на основании нескольких сообщений, помещенных в газете «Руде право». Подводя итоги конференции, газета писала: «В то время как в прошлом в связи с возникновением и существованием Словацкой Советской Республики переоценивались некоторые внутренние факторы, на этот раз историки уделяют должное внимание и внешним факторам, прежде всего международному аспекту»²⁰. Газета поместила также краткое интервью с одним из основных докладчиков на конференции М. Дзвоником, который в общих чертах изложил результаты последних исследований по истории Словацкой Советской Республики²¹. Была напечатана также статья М. Вьетора «Некоторые причины падения первой пролетарской власти»²². Все эти материалы дают основание для размышления.

Уточнения касаются прежде всего вопроса о возникновении Словацкой Советской Республики и состоят в следующем: если раньше создание Советской Словакии рассматривалось как логическое следствие революционного процесса, происходящего внутри страны, то теперь в словацкой историографии высказывается мнение, что установление Советской власти в Словакии опережало этот процесс, было попыткой решить еще не назревшие в Словакии вопросы, поэтому Словацкая Советская Республика не встретила такой широкой поддержки, на которую рассчитывали ее организаторы²³.

Отвечая на вопрос, был ли готов к революции рабочий класс, М. Дзвоник сказал: «Провозглашение пролетарского правительства на части территории Словакии произошло тогда, когда рабочий класс Словакии еще не был готов к революции... Подтвердилось, что социалистическая революция никогда не сможет победить, если она не привлечет на свою сторону большинство решающего класса общества. Когда основную роль играют внешние факторы, в случае Словацкой Советской Республики — приход венгерской Красной Армии, то революции трудно рассчитывать на успех, пока она не получит поддержки широких слоев общества». Такова в общих чертах новая точка зрения. В моем распоряжении нет ни материалов, ни аргументов, которыми располагали словацкие историки для ее подтверждения, но я попытаюсь высказать некоторые свои предварительные соображения по этому вопросу.

Можно ли считать основной причиной поражения Словацкой Советской Республики то обстоятельство, что она будто бы не получила достаточно широкой поддержки со стороны словацкого рабочего класса и остальных трудящихся, что будто бы словацкий рабочий класс не был подготовлен к социалистической революции?

Разумеется, словацкий рабочий класс был весьма малочислен и распылен. В политическом, идейном и организационном отношении он находил-

Россию, куда он и прибыл весной 1922 г. В конце 1922 г. Яноушек стал членом РКП(б). До конца своей жизни (он умер 30 марта 1941 г.) Яноушек жил и работал в СССР.

²⁰ «Rudé právo», 6 VI 1969.

²¹ Ibid., 9 VI 1969.

²² Ibid., 13 VI 1969.

²³ Ibid., 9 VI 1969.

ся на довольно низком уровне. К тому же надо учитывать, что Словацкая социал-демократическая партия занимала в основном правые позиции и процесс кристаллизации и выделения левых сил в ней только еще начинался. Нельзя забывать и того обстоятельства, что всего восемь месяцев назад было создано Чехословацкое государство, словацкий народ сбросил тысячелетнее венгерское ярмо и получил долгожданную национальную свободу. Поэтому антивенгерские настроения были достаточно сильны во всех слоях словацкого общества, в том числе и в рабочем классе, особенно в его отсталых отрядах.

Однако мне представляется, что, характеризуя позиции и состояние рабочего класса, нельзя абсолютизировать все эти факторы и абстрагироваться от той атмосферы революционного подъема, которая существовала тогда в мире и, безусловно, оказывала влияние на настроение рабочего класса. Пролетарская революция в России, затем в Венгрии, Баварии, широкое распространение идей Октября, рождение III Коммунистического Интернационала и его призыв к решительной борьбе за диктатуру пролетариата, за победу Советов во всех странах, наконец, чрезвычайно обостренный в этот период классовый инстинкт пролетариата, подсказывавший ему, что каждая советская власть независимо от ее национальной формы является властью трудящихся и что ее необходимо защищать, — все это, безусловно, содействовало приобщению словацкого рабочего класса к идеям социализма, укреплению в нем духа пролетарского интернационализма. И в течение всего 1918 г., вопреки всем перечисленным выше факторам внутреннего порядка, шел глубинный, подспудный, стихийный процесс воспитания словацкого рабочего класса в духе социализма. Этот процесс значительно ускорился после образования Венгерской Советской Республики и в результате той колоссальной пропагандистской работы по разъяснению смысла социалистической революции, которую провела чехословацкая секция Венгерской социалистической партии на территории Словакии. Кроме того, думается, что словацкие трудящиеся, в частности рабочий класс, раньше стали освобождаться от иллюзий национальной свободы, чем трудящиеся Чешских земель. Это было связано с методом присоединения Словакии к ЧСР в конце 1918 — начале 1919 г., с первыми непопулярными мероприятиями чехословацкого буржуазного правительства на территории Словакии, с тяжелым экономическим положением ее трудящихся масс. В результате всего этого рабочий класс Словакии был, на мой взгляд, в достаточной мере подготовлен к восприятию идей социализма и Советской власти. Ему не хватало лишь руководящей и организующей силы, которую он и получил после создания Словацкой Советской Республики в лице чехословацкой секции социалистов-коммунистов. И в других международных условиях установление пролетарской власти в Словакии и присутствие на ее территории венгерской Красной Армии могло положить начало углублению и развитию революционного процесса в направлении к социализму. Даже за те две-три недели, что Советская власть просуществовала в Словакии, она доказала, что является властью для трудящихся. Те мероприятия, которые были ею осуществлены, проводились в интересах в первую очередь городского и сельского пролетариата, который не мог не поддерживать их. Процесс политического и идейного созревания пролетариата в это время сделал огромный скачок вперед. И хотя, видимо, будет преувеличением утверждать, что Словакия к моменту вступления в нее венгерской Красной Армии находилась накануне социалистической революции, мне представляется, что, несмотря на все неблагоприятные факторы, о которых говорилось выше, рабочий класс Словакии уже в этот период был готов не только к восприятию идей социализма и Советской власти, но и к их защите. Доказательством этого

служит огромный прилив добровольцев в словацкую Красную Армию, решимость защищать Советскую власть в Словакии, выраженная на митингах в ряде городов после принятия решения об уходе частей венгерской Красной Армии со словацкой территории. По сведениям, имеющимся в литературе, в Венгрию ушло из Словакии около 30 тыс. добровольцев²⁴. Это большая цифра для Словакии, кроме того, в это число не включены еще те, которые попали в плен к румынам, ушли в Австрию и т. д.

Одной из причин поражения Советской власти в Словакии была кратковременность ее существования и недостаточная теоретическая подготовленность ее организаторов и руководителей. В результате ошибок, допущенных Советской властью в Словакии (национализация земли и мелких промышленных предприятий), она не получила поддержки крестьянства и мелкой городской буржуазии. За три недели существования Советская власть в Словакии не успела исправить допущенные ошибки, постепенно завоевать на свою сторону большинство трудящихся, углубить и расширить революционный процесс, придав ему социалистическую направленность.

Как и Советская Венгрия, Словацкая Советская Республика пала под напором внешней интервенции и в результате допущенных ошибок.

Словацкая Советская Республика не может рассматриваться как некий искусственно трансплантированный орган, который был оторгнут реципиентом в силу того, что еще не были подготовлены условия для его приживания.

Представляется, что в последних исследованиях словацких историков, касающихся Словацкой Советской Республики, наметилась тенденция к преувеличению национального момента, к преувеличению стремления пролетариата, особенно словацкого пролетариата, строить национальное государство совместно с буржуазией в ущерб своим классовым интересам в условиях, когда представилась возможность создать национальное, но пролетарское государство.

Думается, что в этот период шел бурный процесс становления не только национального, но и классового самосознания словацкого пролетариата. И недооценка этого последнего фактора может привести к построению новой схемы в вопросе о причинах возникновения и гибели Словацкой Советской Республики, к недооценке поддержки ее революционным движением внутри страны.

Словацкая Советская Республика являлась первой попыткой установления диктатуры пролетариата на территории Чехословакии. Ее история была для чехословацких трудящихся школой пролетарской революции, школой пролетарского интернационализма.

Существование Советской власти в Словакии оказало положительное влияние на дальнейшее развитие рабочего и революционного движения в Чехословакии, ускорило кристаллизацию и организационное оформление левых сил в чехословацкой социал-демократии. Идеи социализма и коммунизма стали более популярными среди трудящихся масс, а рабочий класс — политически более зрелым и боеспособным.

Опыт, полученный словацким пролетариатом в борьбе за установление Советской власти в Словакии, был использован им в последующих классовых битвах. Идеи и заветы Словацкой Советской Республики воплотились в жизнь в результате победы в стране социалистической революции.

²⁴ «Vojový odkaz roku 1919», s. 208.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ БОЛГАРИИ (1944—1947 гг.)

В сентябре 1944 г. в Болгарии была установлена народная власть. Началось осуществление программы Отечественного фронта, в которую входил и широкий круг экономических проблем. Наиболее важная роль среди них принадлежала проблеме восстановления экономического потенциала страны. Одновременно было положено начало важным структурным преобразованиям народного хозяйства, которые создали возможность для перехода от капитализма к социализму в области экономики.

Процесс изменения структуры экономики начался с передачи государственно-капиталистических предприятий в собственность народно-демократического государства. Непосредственно после победы восстания 9 сентября собственностью народно-демократического государства был объявлен железнодорожный, морской и общественный автомобильный транспорт. Общепринадлежностью стали также средства связи в стране, фонды Болгарского народного банка, поступления в бюджеты государства и местных органов власти, все материально-техническое оснащение армии и других органов государственного насилия — милиции, органов безопасности, тюрем, все движимое и недвижимое имущество государственных и муниципальных органов и ведомств.

В руки государства перешел ряд предприятий, имевших огромное значение для народного хозяйства. Значительным был государственный сектор в добывающей промышленности. К концу 1944 г. в Болгарии имелось 158 концессий по разведке и разработке полезных ископаемых. Собственностью государства было 39 из них, но это составляло 75,7% площади всех концессионных участков в стране¹. Из отраслей добывающей промышленности наиболее развитой была добыча каменного угля. Исключительная роль принадлежала шахтам «Перник». Государственными были и каменноугольные шахты «Бобов дол», «Марица», «Николаево» и медные рудники Бургасского округа, медный рудник «Радка» и пиритный рудник «Елшица»². Государство имело долю участия и в добыче некоторых ценных руд.

В руки государства перешел также ряд крупных предприятий перерабатывающей промышленности. Особая роль в этом отношении принадлежала металлообрабатывающим и машиностроительным предприятиям и, в первую очередь, заводам металлоизделий и машин при болгарских государственных железных дорогах, которых в 1946 г. было 46³. Кроме

¹ П. Петков. Ликвидиране на капиталистическата собственост в България. София, 1965, стр. 16.

² Там же, стр. 16.

³ Месечни известия на Главната дирекция на статистиката, 1948, № 9—10, стр. 218—238.

того, весьма значительной и важной была продукция военных заводов Казанлыка и Сопота, авиаремонтных военных заводов в Сопоте, Ловече, Карлово и Казанлыке и военного завода средств связи в Софии, оснащенных самым современным по тогдашним условиям оборудованием ⁴.

Государству принадлежали и некоторые другие значительные машиностроительные и ремонтные предприятия, такие как государственные корабельные верфи в Варне и Русе, завод судовых двигателей в Бургасе ⁵. Весьма значительной была доля государства в производстве электроэнергии ⁶. В руки государства перешли также Костенецкая спичечная фабрика, софийские государственная и военная типографии, нижнечифликское государственное земледельческое хозяйство «Тича», несколько деревоперерабатывающих предприятий, консервных фабрик и др. ⁷.

Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, народно-демократическое государство с первых дней своего существования начало вкладывать капиталы в новое железнодорожное и шоссеное строительство, в создание мелиоративных сооружений и небольших электростанций. Началось строительство водохранилищ «Росица», им. В. Коларова («Каменное ущелье») и Тополница. Были завершены и пущены в эксплуатацию первая очередь Мездъенской электростанции, гидроэлектростанций «Подъём» на реке Черни Вит, «Калин» в Рильских горах и станции около села Койнаре. В Софии развернулось строительство теплоэлектростанции «Надежда» ⁸.

К середине 1947 г. из предусмотренных планом 53 новых промышленных объектов 26 находились в процессе строительства, в отношении остальных велись подготовительные работы. Важное значение имело строительство завода азотных удобрений на ст. Раковский (Димитровград), первой печи цементного завода «Вулкан», заводов по химической переработке древесных отходов в с. Царево и близ Рильского монастыря и др. ⁹ Все это, хотя и медленно и постепенно, способствовало расширению государственной (общественной) собственности в стране.

Одновременно с этим существенное значение имели унаследованные от прошлого формы государственно-монополистического капитализма ¹⁰, ряд экономических институтов и хозяйственное законодательство, созданное в свое время под нажимом крупного капитала, система взаимоотношений между государственными органами и отдельными капиталистическими предприятиями, фирмами и обществами. Многие из этих институтов и законов были использованы народной властью для ограничения хозяйственных функций монополистических объединений, например, такие, как Водные синдикаты, Дирекция «Храноизнос» («Зерноэкспорт»), Дирекция гражданской мобилизации, Главный комиссариат по снабжению, Ди-

⁴ Централен държавен архив на Народна република България (ЦДА НРБ), ф. 136, оп. 1, ед. хр. 478, л. 15.

⁵ Там же, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1—4.

⁶ М. С а к е л а р о в. Значението на електрификацията в стопанското развитие. «Ново време», София, 1947, кн. 9, стр. 795. В конце 1945 г. из всех 126 электростанций Болгарии 9 были государственными и 36 муниципальными. Мощность последних составляла 74 100 *квт* (59% действовавших мощностей). В 1945 г. государственные и муниципальные электростанции давали 65% общего производства электроэнергии в стране.

⁷ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 5, ед. хр. 21; ф. 77, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1—4.

⁸ Т р. К о с т о в. Отчет на правителството пред българския народ. «Производство, пени, снабдяване», 1947, кн. 10, стр. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Подробно о формах государственно-монополистического капитализма см.: С т. Ц о н е в. Държавно-монополистическият капитализъм в България. София, 1968.

рекция внешней торговли, внешнеторговые акционерные общества «Болгарская промышленность» и «Болгарская торговля» и др.

На основе некоторых унаследованных от прошлого норм и законов народно-демократическое государство осуществляло свой контроль за деятельностью частных предприятий, торговых фирм и др. Контроль за деятельностью капиталистических промышленных предприятий проводился через посредство государственных производственных нарядов, годовых производственных планов, производственного снабжения, годовых отчетов перед министерством торговли, промышленности и труда, путем регулирования цен на промышленные товары и др. В сентябре 1945 г. был принят декрет о ценах и снабжении¹¹, которым регулировалось промышленное производство. Контроль над деятельностью промышленных предприятий осуществлялся также на основе ряда законов о налогообложении, принятых в 1946 г. (Закон об изменении налога на доходы военного времени, Закон о прогрессивном обложении, Закон о налоге на оборот и др.)¹².

В своеобразной форме государственный контроль осуществлялся и в области внешней торговли¹³. Широкая система такого контроля была создана в 1947 г. В начале этого года в стране насчитывалось около 3000 частных импортно-экспортных предприятий. Для усиления роли государства в импортно-экспортной торговле была создана система государственных и смешанных импортно-экспортных предприятий¹⁴. Помимо ряда государственных было создано шесть смешанных акционерных предприятий, в которых участвовали государство, кооперативные организации и частные торговые фирмы¹⁵.

Формирование и расширение государственного сектора в экономике было связано с постепенной ликвидацией капиталистической собственности в Болгарии. Началом этому было положено системой мер по конфискации капиталистических предприятий и фирм, собственники которых совершили тяжелые политические преступления перед народом или, используя выгодную экономическую конъюнктуру накануне и во время второй мировой войны, накопили большие богатства.

Первой мерой была конфискация иностранного и прежде всего немецкого капитала. К сожалению, полных сведений о размерах иностранных капиталов, вложенных в хозяйство Болгарии к моменту победы народно-демократической революции, нет, поскольку Главная дирекция статистики и Болгарский национальный банк получали сведения только о деятельности тех акционерных обществ, которые были созданы частично или целиком с помощью иностранного капитала¹⁶.

В 1947 г. общая стоимость иностранных капиталов, вложенных в болгарскую промышленность, составляла около 3416,6 млн левов¹⁷. В том числе в хлопчатобумажную промышленность было инвестировано около 900 млн, в промышленность строительных материалов — 876 млн,

¹¹ «Държавен вестник», № 213, 13 IX 1945 г.

¹² Там же, № 134, 17 VI 1946; № 234, 12 X 1946; № 302, 31 XII 1946 и др.

¹³ Б. Симов, Б. Благоев, О. Асланян. Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ. 1944—1948. София, 1968, стр. 91.

¹⁴ Так были созданы государственные предприятия «Булгаррозэкспорт», «Булгаррудэкспорт», «Металлоимпорт», «Химимпорт» и Государственное фармацевтическое предприятие. Важную роль играли экспортный отдел при Дирекции «Зерноэкспорт» и Государственная табачная монополия. И в. Тутев. Реорганизация на външнотърговския апарат. «Производство, цени, снабдяване», 1947, кн. 5—6, стр. 164—166.

¹⁵ Там же, стр. 166—167.

¹⁶ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 11, ед. хр. 26.

¹⁷ Там же, оп. 1, ед. хр. 272, л. 41. Сюда не включены капиталы немецкого происхождения.

в сахарную промышленность — 659 млн, в бумажную — 420 млн левов и т. д.¹⁸

Иностранный капитал в Болгарии был одним из главных компонентов, составивших частнокапиталистический сектор.

Хозяйственная деятельность предприятий с участием иностранного капитала проходила в рамках установленной народной властью регламентации, что вызывало немалую тревогу у иностранных капиталистов. Некоторые дипломатические миссии предпринимали даже специальные шаги для защиты интересов своих сограждан, вложивших деньги в болгарскую промышленность. Так, в 1945 г. швейцарское посольство проявило исключительный интерес к положению швейцарских акционеров крупного акционерного общества «Гранитоид»¹⁹. Два года спустя французский посол в Болгарии весьма остро поставил перед болгарским министром иностранных дел К. Георгиевым вопрос о судьбе французских капиталов, вложенных в большое горное акционерное общество «Будущее», решительно возразив против любого одностороннего решения о выкупе акций французских подданных²⁰.

15 сентября 1944 г. Совет Министров принял постановление, согласно которому собственность Германии и ее подданных, находящаяся на территории Болгарии, переходила под надзор государства. Соглашение о перемирии, подписанное месяцем позже, обязывало Болгарию сохранять немецкую собственность. На Потсдамской конференции, состоявшейся летом 1945 г., было решено передать немецкое имущество в Болгарии Советскому Союзу в качестве частичной компенсации за ущерб, нанесенный СССР фашистской Германией во время второй мировой войны. В соответствии с этим Народное собрание Болгарии приняло специальный закон о передаче немецкой собственности Советскому Союзу²¹. В мае 1946 г. советский заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии генерал-лейтенант Черепанов и министр иностранных дел Болгарии Кулишев подписали протокол с приложенным к нему списком предприятий и фирм, в которых участвовал немецкий капитал. Активы немецкого капитала, вложенного в эти предприятия и фирмы, передавались в собственность Советского Союза²². Эта передача практически завершилась в 1947 г.²³

На основании данных Министерства финансов, а также банков и суда, в котором регистрировались фирмы, хозяйственные органы Болгарии установили, что немецкий капитал участвовал в деятельности 159 предприятий и фирм. Общая сумма капитала, вложенного в эти предприятия и фирмы, составляла 2 138 870 тыс. левов, в том числе капиталы немецкого происхождения — 1 314 602 тыс. левов, т. е. 61,46%²⁴. При этом в промышленность было вложено 979 051 тыс., в строительство — 19 455 тыс., в банки и страховые компании — 70 729 тыс., в транспортные организации — 13 076 тыс., в торговые компании и фирмы — 227 777 тыс. и в культурные институты — 4514 тыс. левов²⁵. Таким образом, активы, переходившие в собственность Советского Союза, составляли главным

¹⁸ Там же, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 272, л. 41. Первое место по объему капиталовложений принадлежало Швейцарии — 1 105 023 701 левов, за ней следовали Чехословакия — 778 578 277, Италия — 449 007 839, США — 266 913 191, Англия — 124 658 282, Франция — 60 437 147, Бельгия — 54 247 081 левов и другие.

¹⁹ Там же, ф. 163, оп. 22, ед. хр. 390.

²⁰ Там же, оп. 1, ед. хр. 27, л. 145.

²¹ «Държавен вестник», № 120, 31 V 1946.

²² ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 5, л. 67 и след.

²³ П. Петков. Там же, стр. 35—36.

²⁴ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 5, л. 67 и след.

²⁵ Там же.

образом акции промышленных предприятий и внешнеторговых компаний и фирм.

В результате этих мер сразу изменилась национальная принадлежность значительного по своим размерам капитала, функционировавшего в различных сферах экономики страны. Но главное состояло в том, что был нанесен удар по крупному капиталу в Болгарии. Это было шагом к полной ликвидации капиталистической собственности. Советский Союз стал участвовать в промышленных, торговых, строительных, транспортных и кредитных предприятиях наряду с частнокапиталистическими компаниями и государственными организациями. Представители советской стороны участвовали в выборах правлений и контрольных советов предприятий, в организации их хозяйственной деятельности, в пропорциональном распределении доходов.

Участие Советского Союза в экономической жизни Болгарии происходило на основе действовавшего в стране хозяйственного законодательства, а также на основе специальных регламентов, введенных в военное время и определявших государственный контроль, снабжение и распределение в промышленности, кредитование промышленных и торговых заведений и фирм, налоговое обложение и т. д. Советские органы осуществляли свои функции в непосредственном контакте с хозяйственными органами Болгарии, созданными после революционных перемен 1944 г.

Советский Союз не вывозил технического оборудования и других активов, составлявших бывшую немецкую собственность. С участием советского капитала были созданы смешанные болгаро-советские общества. Это были предприятия с равным количеством болгарских и советских капиталов и с равным участием обеих сторон в управлении ими, функционировавшие в соответствии с болгарским законодательством²⁶. Еще в начале 1946 г. Народное собрание Болгарии приняло закон о создании смешанного болгаро-советского общества «Горубсо», которое было создано несколько позже. Советская сторона участвовала в нем частью капитала, вложенного в акционерное общество «Пирин», болгарская же сторона — частью капитала, вложенного в то же общество и в акционерное общество «Родопски метал». Капитал «Горубсо» вскоре составил 10 млрд левов²⁷. На основе разработки обществом «Горубсо» рудных месторождений позже были построены обогатительные фабрики в Мадане, Рудоземе, Вырли бряге, Росене и др.

В последующие годы были созданы еще три крупных смешанных болгаро-советских общества, приобретших солидную техническую базу: судостроительное «Корбсо», авиатранспортное «Табсо» и общество промышленного строительства «Совболстрой». Вскоре Советский Союз отказался от своей доли участия в них, в счет чего болгарская сторона обязывалась выплатить 50% стоимости советского участия. Выплата должна была произойти в течение десяти лет в форме платежей за долгосрочные кредиты. Советский Союз решил передать Болгарии также остаток бывших немецких активов, в связи с чем 10 января 1948 г. было заключено специальное соглашение. Сумма в 9 млн долларов, которую Болгария должна была выплатить за них, решением Советского правительства от конца июля 1948 г. была сокращена наполовину²⁸.

Удар, нанесенный немецкому капиталу в Болгарии, сопровождался конфискацией имущества фашистских преступников на основе приговоров

²⁶ Е. Г. Каменов. Икономическата помощ на Съветския Съюз — решаващ фактор за изграждането на социализма в България. София, 1955, стр. 108.

²⁷ П. Петков. Там же, стр. 36.

²⁸ А. Накоев. Помощта на Съветския Съюз за възстановяване на народното стопанство. «Профсъюзни летописи», т. 2, София, стр. 133.

народного суда. Народные суды были созданы в период с 9 сентября до конца 1944 г. по инициативе революционных политических сил при широком одобрении народных масс. Против 11 122 обвиняемых было проведено 135 процессов²⁹. Значительная часть подсудимых — 2730 человек — было приговорено к смертной казни. Кроме того, 3087 человек были приговорены к 10—20 годам строгого тюремного заключения. 2530 человек были осуждены на срок от 1 года до 8 лет тюремного заключения. Остальные подсудимые были оправданы или получили условные наказания³⁰. Помимо политической изоляции приговоры народного суда в 6663 случаях предусматривали конфискацию имущества осужденных³¹. Имущество 3303 человек подлежало полной конфискации. В остальных случаях конфискация распространялась на большую часть движимого и недвижимого имущества осужденных³².

Конфискациями по приговору народного суда было затронуто 146 промышленных предприятий³³. Из них 78 имели существенное хозяйственное значение. Целиком было конфисковано 9 предприятий, в том числе такие крупные, как «Текстиль» и «Галата» в Варне. В 20 предприятиях была конфискована большая часть капиталов — от 50 до 99%. Согласно некоторым вычислениям, относящимся к 99 конфискованным предприятиям, из суммы 302 млн левов капитала в собственность государства перешло 209 млн.³⁴ Государство получило в конфискованных текстильных предприятиях 56,7% капиталов, в деревоперерабатывающих — 46,9%, в холодильных — 83,3%, в табачных — 49,4%, в мукомольных — 48,7% и т. д.

Руководство предприятиями, конфискованными по решению народного суда, стало осуществляться или целиком государством, или, в зависимости от степени государственного участия в них, в форме привлечения к управлению ими в той или иной степени представителей государства. 8 февраля 1945 г. Совет Министров принял специальное постановление по этому поводу. Через два месяца, 26 апреля, был принят и обнародован декрет о приведении в исполнение приговоров народных судов в отношении конфискаций. Конфискованное движимое и недвижимое имущество передавалось в распоряжение Дирекции государственных имуществ.

Конфискация капиталистической собственности в пользу государства проводилась также на основе измененного и дополненного § 52 Закона о торговле, согласно которому все акции отдельных обществ и предприятий подлежали обязательной регистрации в книге акционеров. В середине октября 1944 г. Совет Министров принял постановление, обязывающее владельцев акций в месячный срок заявить обо всех незарегистрированных акциях. 16 апреля 1945 г. был принят специальный декрет о внесении незарегистрированных акций, принадлежащих иностранным подданным, в книгу акционеров³⁵. Целью этой меры было ограничить возможности для спекуляции акциями.

Конфискация незарегистрированных акций затронула 87 промышленных предприятий, причем некоторые из них имели важное хозяйственное значение³⁶. Конфискация акций затронула ряд кредитных учреждений. Так, у банка «Болгарский кредит» было конфисковано 3409 акций по 1000

²⁹ «Работническо дело», № 268, 1 VIII 1945.

³⁰ И. П е й к о в. Подготовка, проведение и значение на народный съезд през 1944—1945 г. «Исторически преглед», 1964, № 2, 3, стр. 168.

³¹ ЦДА НРБ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 1.

³² Там же.

³³ Там же, ф. 47, оп. 5, ед. хр. 65.

³⁴ П. П е т к о в. Там же, стр. 40.

³⁵ «Държавен вестник», № 97, 27 IV 1945.

³⁶ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 5, ед. хр. 65.

левов каждая, у «Франко-болгарского банка» — 8265 акций на сумму 1653 тыс. левов, у «Македонского народного банка» — 3242 акции на сумму 1621 тыс. левов³⁷.

Всего на 1 июня 1947 г. на основании § 52 Закона о торговле было конфисковано акций более чем на 178 млн левов³⁸. Конфискация происходила в пользу государства, и благодаря этому возросло количество смешанных государственно-частных предприятий. Число предприятий этого типа увеличилось и благодаря отдельным конфискациям, проводившимся на основании декрета о снабжении и ценах³⁹.

Значительное изъятие капиталистической собственности было проведено также на основании Закона о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и в обход законов. Проект этого закона был выработан еще в ноябре 1944 г. Однако в связи с тем, что такой закон затрагивал значительную часть нефашистской буржуазии, а также в связи с рядом обстоятельств международного характера, принят он был только весной 1946 г. Закон распространялся на прибыли и богатства, накопленные во всех сферах хозяйства за 1935—1944 гг. Он отличался двумя особенностями. С одной стороны, капиталисты, привлеченные к ответственности, сами должны были доказать законность источников, явившихся основой их состояния. С другой стороны, право указать собственников, разбогатевших незаконным образом, предоставлялось комитетам Отечественного фронта и общественным организациям⁴⁰.

Закон о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и в обход законов, вызвал сопротивление со стороны демократической партии⁴¹, оппозиционного Земледельческого союза⁴² и со стороны оппозиционных сил Народного союза «Звено». Оппозиционная социал-демократическая партия открыто не выступила против этого закона. Свое решительное несогласие с законом выразили филиалы и местные отделения Общего союза болгарской промышленности, а также хозяева отдельных предприятий. Но несмотря на это сопротивление закон фактически вступил в силу еще в 1946 г., когда в соответствии с ним в судах были заведены первые дела. К 1 марта 1947 г. число таких дел достигло 442⁴³.

Законом о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и в обход законов, в наибольшей степени были затронуты владельцы предприятий текстильной и пищевкусовой отраслей промышленности. Против них было заведено соответственно 134 и 126 дел. В металлической промышленности было заведено 32 дела, в деревообрабатывающей — 28, в химической — 27, в меховой и кожевенной — 24 и т.д. Всего этим законом было затронуто около 10% общего числа промышленных предприятий или около 22% ведущих предприятий, число которых, по определению Верховного экономического совета, составляло 2020⁴⁴.

Страх перед конфискацией, охвативший владельцев предприятий, неблагоприятно отразился на ходе восстановления промышленного производства. Судебная процедура по определению законности или незаконности доходов и накопленных состояний была длительной и сложной. Пред-

³⁷ Там же, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 30, л. 157.

³⁸ Там же.

³⁹ П. Петков. Там же, стр. 43.

⁴⁰ Н. Генчев. Национализацията на промишлеността в България. «Годишник на Софийския университет». ФИФ, т. LV, 1962, кн. 2, стр. 378.

⁴¹ «Знаме», № 72, 29 I 1946.

⁴² «Народно земеделско знаме», № 20, 29 I 1946.

⁴³ Центральный партийный архив (ЦПА), ф. 1. Хозяйственный отдел (ХО) ЦК БРП(к) [необработанный]. Заявление председателя Верховного экономического совета Д. Терпешева Политбюро ЦК БРП(к) от 1947 г. [без даты].

⁴⁴ Там же.

приятия, хозяева которых были заподозрены в нарушении Закона, на долгое время лишались права получать кредиты. Деятельность представителей государства в них была затруднена. Это было одной из причин того, что Совет Министров 27 мая 1947 г. назначил специальную комиссию, которая должна была «рассмотреть переписку с промышленными предприятиями, заведенную в связи с законом о конфискации, и определить дела, которые должны быть прекращены, с тем чтобы остальные были закончены в судах»⁴⁵.

За два месяца с 3 июня по 7 августа 1947 г. комиссия Совета Министров рассмотрела все дела с конфискацией. Она внесла предложение прекратить дела, заведенные против 340 предприятий (102 из них были заведены в 1946 г. и 238 — в 1947 г.)⁴⁶. В отношении 329 предприятий Совет Министров немедленно поддержал предложение комиссии⁴⁷. Тем самым следствие было прекращено и в отношении ряда крупных промышленных предприятий.

К 10 декабря 1947 г. число предприятий, затронутых Законом о конфискации, составило 247⁴⁸. Некоторые предприятия целиком перешли в собственность государства. В других случаях конфискации подлежала часть акций, часть основного и оборотного капитала и т. д. Так, целиком были конфискованы каучуковые фабрики «Иболит» и «Гранит» в Пазарджике, вакуумные заводы Тевекелиевых на ст. Кричим и в Плевене. У владельцев ряда предприятий было конфисковано от 10 до 50 и более процентов акций⁴⁹.

Результатом проведенных мероприятий было расширение государственной и кооперативной собственности. Предприятия, конфискованные целиком, передавались государственным хозяйственным органам. Частичные конфискации привели к созданию ряда смешанных государственно-частных предприятий. Имеющиеся данные свидетельствуют о постепенном увеличении числа общественных (государственных и муниципальных) промышленных предприятий. Если в 1945 г. таких предприятий было 176, то в 1946 г. — уже 226, а в 1947 г. — 303⁵⁰.

Рост общественного сектора в промышленности становится все более очевидным при рассмотрении стоимости производимой им продукции. Так, если в 1946 г. общественная промышленность давала 20,6% всей промышленной продукции, в то время как частная и государственно-частная промышленность — 70,6%⁵¹, то в 1947 г. доля общественной промышленности возросла до 29,5% общего объема промышленного производства, а доля частной и государственно-частной промышленности сократилась до 61,1%⁵².

В процессе обобществления капиталистической собственности важное значение имело создание некоторых государственных монополий, а также выкуп акций некоторых капиталистических предприятий. В конце декабря 1944 г. Союз табачных коопераций разработал проект декрета о кооперативной табачной монополии. В январе 1945 г. был обнародован проект создания государственно-кооперативной монополии по закупке, перера-

⁴⁵ ЦДА НРБ, ф. 136, оп. 1, ед. хр. 490, л. 2. В состав правительственной комиссии, работавшей под председательством Тр. Костова, были включены министры и ответственные государственные деятели.

⁴⁶ Там же, ф. 47, оп. 5, ед. хр. 26.

⁴⁷ Там же, ф. 136, оп. 1, ед. хр. 494, 499, 503, 513 и 518.

⁴⁸ П. Петков. Там же, стр. 70.

⁴⁹ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 5, ед. хр. 67-а.

⁵⁰ Там же, ф. 210, оп. 1, ед. хр. 1671, л. 1—18.

⁵¹ Д-р Х. С. Мъдров. Обсег и задачи на общественната индустрия у нас. «Производство, цени, снабдяване», 1947, № 3, 4, стр. 98.

⁵² П. Петков. Там же, стр. 96.

ботке и продаже табака. Однако выработанные проекты не были утверждены в качестве нормативных актов. Было введено только монопольное право кооперативных и государственных хозяйственных организаций на закупку табака у производителей⁵³. В начале 1947 г. законопроект об утверждении государственной табачной монополии был внесен в Великое народное собрание. После тщательного обсуждения законопроект был принят и утвержден⁵⁴. В ходе обсуждения против законопроекта выступили некоторые представители оппозиции, утверждая, что будто государственные органы не способны производить закупку и переработку табака⁵⁵.

В связи с созданием государственной табачной монополии было ликвидировано много частных предприятий по закупке и переработке табака. Все табачные фабрики и склады перешли в руки государства, а индивидуальные собственники и акционерные общества получили соответствующую компенсацию. В итоге в этой отрасли возросли общественные производственные фонды.

Вслед за табачной монополией была создана государственная монополия по производству и торговле спиртом и спиртными напитками⁵⁶. Оценивая создание обеих монополий, Г. Димитров указывал: «Государственные табачная и спиртная монополии положили конец неограниченной эксплуатации, которой грабительский крупный капитал подвергал болгарских производителей, и дали возможность болгарскому народу почувствовать себя хозяином своего труда»⁵⁷.

В 1946 г. начался выкуп акций некоторых крупных важных предприятий. В 1947 г. этот процесс усилился и затронул отдельные финансовые учреждения. Особенно характерным был выкуп акций некоторых предприятий, в которых значительная доля капитала принадлежала французским акционерам⁵⁸. Так была выкуплена большая часть акций «Франко-болгарского банка», картеля «Объединенные табачные фабрики», текстильного общества «Берсв — Хоринек и К^о», горнопромышленного акционерного общества «Будущее» и др. Был принят закон о принудительном выкупе акций и некоторых других предприятий, главным образом горнопромышленных акционерных обществ⁵⁹. Особенно важную роль сыграл выкуп большей части акций акционерных компаний «Вулкан», «Гранитоит» и «Лев»⁶⁰.

В системе мер по конфискации крупной капиталистической собственности большое значение имел также Закон о трудовой поземельной собственности. Проблема преодоления земельного голода была чрезвычайно сложной в Болгарии из-за ограниченности обрабатываемой площади в стране. Источников «излишней» земли было всего два: общественные земельные фонды и крупные капиталистические хозяйства. Согласно данным Министерства сельского хозяйства и государственных имуществ от декабря 1944 г. общее количество свободной земли (площади, исключенные из границ лесохозяйств, пустующие земли, ссушенные участки, земли, полученные в результате исправления русел рек и в результате аррондации сельских пастбищ, нерозданные фондовые земли, школьные участки, фонды, предназначенные для скотоводства, площади крестьянских коопераций и сельскохозяйственных училищ, фуражные нивы⁶¹ и церковно-

⁵³ Там же, стр. 78.

⁵⁴ «Държавен вестник», № 96, 28 IV 1947.

⁵⁵ Стенографски дневници на ВНС, 1948, кн. V, стр. 602.

⁵⁶ «Държавен вестник», № 178, 4 VIII 1947.

⁵⁷ Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 13, стр. 490.

⁵⁸ П. П е т к о в. Там же, стр. 83 и след.

⁵⁹ «Държавен вестник», № 147, 28 VI 1947.

⁶⁰ П. П е т к о в. Там же, стр. 86 и 87.

⁶¹ ЦДА НРБ, ф. 113, оп. 2, ед. хр. 106, л. 210.

монастырские земли ⁶²⁾ составляло более чем 800 тыс. га. Однако при проведении аграрной реформы выяснилось, что использовать эти площади можно в весьма ограниченной степени, так как для того, чтобы сделать их пригодными для обработки, необходимы были большие дополнительные капиталовложения. Около 600 тыс. га этих земель вообще не могли быть использованы непосредственно для сельскохозяйственных целей. Но к указанному количеству земли, согласно данным того же министерства, могли быть присоединены еще 110,5 тыс. га земли, частично конфискованной в крупных капиталистических хозяйствах, число которых, по мнению Министерства сельского хозяйства и государственных имуществ, составляло в то время 12 558 ⁶³.

Проведение аграрной реформы в Болгарии началось летом 1946 г. ⁶⁴ Для реализации Закона о трудовой поземельной собственности была создана сеть комиссий при Министерстве сельского хозяйства и государственных имуществ, при околийских агрономических службах и при крестьянских общинах. Общинные комиссии в 1946 г. изъяли и передали в государственной земельный фонд 120 тыс. га земли. Это были главным образом общественные земли ⁶⁵. В первой половине 1947 г. процесс передачи новых земель в государственный земельный фонд продолжался: с 1 января по 10 июня этот фонд возрос еще на 30,6 тыс. га, 8,9 тыс. га из них прежде принадлежали частным лицам, а 21,7 тыс. га были взяты из общественных фондов ⁶⁶.

Проведение Закона о трудовой поземельной собственности не внесло существенных изменений в общую картину земельной собственности и социальных отношений в болгарской деревне. К середине 1947 г. после передачи части земли в государственный земельный фонд соотношение между общественными и частными землями составляло 4 : 1. В результате проведения Закона о трудовой поземельной собственности в государственный земельный фонд было передано 243 тыс. га. Большая часть этой земли — 136,5 тыс. га была разделена между 128 825 крестьянскими хозяйствами, 77,5 тыс. га было использовано для создания государственных хозяйств. Остальные 20 тыс. га были распределены между кооперативными хозяйствами и некоторыми государственными и общественными учреждениями ⁶⁷.

Национализация частнокапиталистических промышленных предприятий и шахт, проведенная в декабре 1947 г., явилась решающим этапом в процессе экспроприации крупной капиталистической собственности в Болгарии. Весной этого года в Политбюро ЦК БРП (к) поступило предложение председателя Верховного экономического совета Д. Терпешева по вопросу о применении Закона о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и в обход законов. Д. Терпешев предложил приступить к национализации или выкупу ведущих промышленных предприятий, которых в то время насчитывалось 360 ⁶⁸.

Это предложение не получило поддержки, так как при его реализации все еще сохранялась бы значительная часть капиталистической собственности в промышленности. Однако в связи с этим предложением Полит-

⁶² ЦДА НРБ, ф. 113, оп. 2, ед. хр. 106, л. 183—185.

⁶³ Там же, л. 211.

⁶⁴ Для применения Закона о трудовой поземельной собственности необходимо было выработать правила, которые были опубликованы в газете «Държавен вестник» только в августе 1946 г.

⁶⁵ ЦДА НРБ, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 391.

⁶⁶ Там же, ед. хр. 390, л. 36.

⁶⁷ Там же, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 111-а.

⁶⁸ ЦПА, ф. 1. ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Заявление председателя Верховного экономического совета ЦК БРП(к) от весны 1947 г.

бюро ЦК БРП (к) 17 мая 1947 г. создало специальную комиссию, которой было поручено выработать предложения о национализации предприятий⁶⁹. Комиссия закончила свою работу в конце лета 1947 г. В разработанном ею проекте предлагалось осенью того же года провести национализацию, которая должна была охватить все ведущие предприятия в различных отраслях промышленности⁷⁰.

Вопрос о национализации промышленности был вынесен на обсуждение XIII пленума ЦК БРП (к), состоявшегося в октябре 1947 г. Пленум обязал Политбюро выработать программу структурных преобразований экономики страны. О необходимости подобных преобразований заявили также Национальный комитет Отечественного фронта и другие политические партии — БЗНС, Народный союз «Звено», БРСДП и радикальная партия⁷¹. 26 октября 1947 г. была опубликована декларация, подписанная Национальным комитетом ОФ и руководством политических партий. В декларации подчеркивалась необходимость расширения государственного и общественного сектора народного хозяйства и усиления планирования общественного производства⁷².

Перед осуществлением национализации была проведена политическая, организационная и техническая подготовка. Прежде всего был составлен список предприятий, подлежащих национализации. В первую группу этого списка входили 40 отраслей промышленности, полностью подлежащих национализации. В остальных отраслях промышленности национализации подлежали предприятия, располагавшие определенным минимумом орудий производства, рабочей силы, производственных мощностей и т. д.⁷³ В связи с опасностью перегибов и возможностью превращения экспроприации во всеобщую, что могло затронуть и некоторые мелкие ремесленные предприятия, 31 октября 1947 г. ЦК БРП (к) разослал специальное письмо, в котором обращалось внимание на политические аспекты национализации⁷⁴.

Для проведения национализации частнокапиталистических промышленных предприятий, шахт и банков необходимо было принять государственный нормативный акт. Этот акт опирался на Конституцию, принятую 4 декабря 1947 г. Великим народным собранием. В начале декабря министр промышленности и ремесла П. Кунина направил премьер-министру законопроект о национализации для утверждения его Советом Министров⁷⁵. 18 декабря 1947 г. законопроект о национализации был утвержден ЦК БРП (к)⁷⁶, а 23 декабря Советом Министров направлен в Великое народное собрание с рекомендацией к незамедлительному принятию⁷⁷. Проведение национализации возлагалось на министра промышленности и ремесла⁷⁸.

Закон о национализации частнокапиталистических промышленных предприятий и шахт был принят Великим народным собранием 23 декабря 1947 г. в первом чтении. В тот же день в 11 часов началось исполнение закона. Немедленно были заняты намеченные предприятия. Национализированы были и некоторые предприятия, оказавшиеся пропущенными

⁶⁹ Там же, ф. 11, оп. 11, ед. хр. 138.

⁷⁰ Там же, ф., 1, ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Доклад П. Кунина Секретариату ЦК БРП(к) от лета 1947 г.

⁷¹ Н. Генчев. Национализацията на промишлеността в България. «Годишник на Софийския университет», ФИФ, т. LV, София, 1962, кн. 2, стр. 387.

⁷² «Работническо дело», № 250, 20 X 1947.

⁷³ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 5, л. 103—105.

⁷⁴ Н. Генчев. Там же, стр. 390.

⁷⁵ ЦДА НРБ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 5-в, л. 8 и след.

⁷⁶ Н. Генчев. Там же, стр. 392, 393.

⁷⁷ ЦДА НРБ, ф. 136, оп. 1, ед. хр. 574, л. 7.

⁷⁸ Там же, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 120, л. 3.

в предварительных списках. Общее число национализированных предприятий составляло около 6100⁷⁹, в том числе 268 предприятий металлической и машиностроительной промышленности, 363 — промышленности строительных материалов, 149 — химических, 595 — текстильных, 1205 — пищевкусовой и консервной промышленности, 57 — горнорудной промышленности и т. д.

За национализацией промышленных предприятий последовала их реконструкция. Еще до национализации предусматривалось создание 20 государственных индустриальных объединений: 16 их них общенационального значения и 4 регискального⁸⁰. Однако создание таких объединений могло иметь смысл только после реконструкции (укрупнения) промышленных предприятий. Согласно данным Министерства промышленности, из всех национализированных предприятий действительно индустриальный характер имели только 2229 предприятий⁸¹. Министерство предлагало реконструировать эти предприятия и укрупнить их, сведя их число к 1455. В наибольшей степени реконструкция должна была охватить предприятия металлической, бумажной, химической и консервной промышленности⁸².

Существенные изменения в структуру экономики Болгарии внесли качественные сдвиги, происшедшие после победы народно-демократической революции в характере, функциях и задачах кооперативных союзов и объединений. В конце 1945 — начале 1946 г. в стране насчитывалось более 4500 кооперативных обществ, объединявшихся в районные кооперативные союзы, а последние — в национальные объединения и союзы⁸³. Всего национальных объединений и союзов было 12, а кооперативных организаций, действовавших в масштабе всей страны, — 8. В кооперативы входило более 1200 тыс. индивидуальных членов⁸⁴.

Широкая сеть кооперативных организаций существовала в различных отраслях экономики Болгарии. Кооперациям принадлежало значительное число промышленных предприятий: в 1945 г. таких предприятий было 493, в 1946 г. число их сократилось до 483, а в 1947 г. возросло до 690⁸⁵. Этот рост был связан главным образом с созданием ремесленных производственных коопераций. Стоимость продукции, произведенной кооперативной промышленностью, составила, по сведениям Министерства промышленности и ремесла, в 1946 г. 1052,7 млн, а за девять месяцев 1947 г. — 648,2 млн левов⁸⁶.

При значительном объеме производственной и торговой деятельности кооперативные организации в Болгарии остро нуждались в кредите. В 1945 г. кредит, использованный отдельными кооперативными объединениями и союзами, составил 14 234,6 млн левов⁸⁷, что превысило кредит, использованный болгарской промышленностью. Но лучше всего о действительном значении хозяйственной деятельности болгарской кооперации говорит оборот кооперативных производственных, торговых и кре-

⁷⁹ Н. Генчев. Там же, стр. 398; П. Петков. Там же, стр. 106.

⁸⁰ ЦДА НРБ, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 120, л. 4.

⁸¹ Там же, ед. хр. 181, л. 1—198.

⁸² Там же.

⁸³ ЦПА, ф. 1. ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Сведения об организационной структуре и хозяйственной деятельности кооперативных союзов и объединений, датированные началом 1946 г.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ЦДА НРБ, ф. 210, оп. 1, ед. хр. 1671, л. 1—18.

⁸⁶ ЦПА, ф. 1. ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Сведения об организационной структуре и хозяйственной деятельности кооперативных союзов и объединений, датированные началом 1946 г.

⁸⁷ Там же.

дитных средств: общая сумма кооперативного оборота составила в 1945 г. 364 774,8 млн левов ⁸⁸.

Развитие производственной ремесленной и крестьянской кооперации вносило важные структурные изменения в экономику Болгарии. Обе эти формы производственного кооперирования возникли еще до победы народно-демократической революции. В конце 1944 г. в стране насчитывалось 92 производственных кооператива ремесленников ⁸⁹. В конце следующего года число кооперативов, входивших в Общий союз ремесленных производственных кооперативов, составило 119, а число их членов — 4 тыс. ⁹⁰ Однако указанный союз охватывал в то время всего лишь пятую часть кооперативов. Фактически в конце 1945 г. насчитывалось 616 ремесленных производственных кооперативов. 121 из них были пошивочными (3500 членов), 71 — сапожными (3500), 80 — деревоперерабатывающими (1700), 73 металлическими (1600) и т. д. ⁹¹

Производственное кооперирование трудящихся ремесленников вначале происходило в двух формах: производственные кооперативы, объединяющие только ремесленных рабочих, и производственные кооперативы, в которые входили ремесленники-собственники, являвшиеся самостоятельными хозяевами, и ремесленные рабочие. Более устойчивой оказалась вторая форма ⁹². Однако в 1946 г. произошел отлив из ремесленной кооперации средних собственников ⁹³. Вместе с тем увеличилось значение деятельности бедных ремесленников и ремесленных рабочих.

В 1947 г. в Общий союз входил 291 промышленный кооператив. Они объединяли уже значительную группу ремесленников-собственников и ремесленных рабочих ⁹⁴. В результате мер по ограничению и конфискации капиталистической собственности некоторые акционерные общества во второй половине 1947 г. зарегистрировались в качестве производственных кооперативов. При национализации было обнаружено более 25 таких лжекооперативов. Большинство из них было связано с производством напитков, мехов, с переработкой дерева и т. п. ⁹⁵

Движение за кооперативную обработку земли возникло в Болгарии также еще в условиях капитализма ⁹⁶. В период 1924—1944 гг. возникло 53 сельскохозяйственных кооператива, многие из которых были распущены фашистскими властями по политическим соображениям ⁹⁷. С 9 сентября и до конца 1944 г. в Болгарии было образовано 82 новых сельскохозяйственных кооператива, в которые входило 5561 хозяйство. Новые хозяйства располагали примерно 22 548 га земли, причем 20 900 га были собственностью членов кооперативов, а 1648 га были получены из общественных земельных фондов. Одновременно происходила подготовка к созданию 46 новых сельскохозяйственных кооперативов ⁹⁸.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Б. Георгиев. Развитие на занаятите у нас. «Стопански фронт», 1945, кн. 6—7, стр. 13.

⁹⁰ С. т. Георгиев. Общият съюз на занаятчийските кооперации през изтеклата 1945 г. «Кооперативно движение», 1946, кн. 1, стр. 29.

⁹¹ Там же, стр. 30.

⁹² Там же.

⁹³ С. т. Георгиев. Постигания и слабости на занаятчийските трудови производители кооперации през 1946 и задачите им през 1947 г. «Кооперативно движение», 1947, кн. 1, стр. 17.

⁹⁴ ЦДА НРБ, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 273, л. 13, таблица 3.

⁹⁵ Там же, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 5, л. 15.

⁹⁶ Б. Матвеев. Движението за кооперативно земеделие в България при условията на капитализма. София, 1967.

⁹⁷ Там же, таблица — приложение 1.

⁹⁸ ЦПА, ф. 1, ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Таблица «Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, созданные до 31 XII 1944 г.»]

В 1945 г. это движение приобрело широкий размах, охватив ряд сел. Крестьяне вступали в кооперативы с энтузиазмом⁹⁹. К концу 1945 г. уже насчитывалось около 425 кооперативных хозяйств¹⁰⁰. В 31 населенном пункте кооперативы были самостоятельными организациями. В них входили 1884 крестьянских хозяйства, они располагали 8818 га земли. В остальных 394 случаях кооперативные хозяйства были отделениями кредитных кооперативов. Они объединяли 41 211 хозяйств и имели 150 тыс. га земли¹⁰¹. Всего в тех населенных пунктах, где возникли сельскохозяйственные кооперативы, насчитывалось 165 158 хозяйств, которым принадлежало 803,9 тыс. га земли. В этих местах было кооперировано 26% крестьянских хозяйств и 21% земли¹⁰².

Для оказания реальной экономической помощи трудовым кооперативным сельскохозяйственным хозяйствам (ТКЗХ) в конце декабря 1945 г. был поставлен вопрос о создании в стране машинно-тракторных станций¹⁰³. Специальная комиссия министерства земледелия и государственных имуществ решила, что МТС следует создавать как смешанные кооперативно-государственные предприятия. На основе решений, принятых комиссией, в конце января — начале февраля 1946 г. были проведены учредительные собрания и образовано 18 МТС¹⁰⁴.

В 1946 г. движение за кооперативную обработку земли приняло в Болгарии еще более массовый характер, укрепились его хозяйственные и организационные основы. В конце этого года министерством было утверждено 444 кооперативных хозяйства. 73 из них были самостоятельными, 371 — отделениями кредитных крестьянских кооперативов. С кооперативами была связана судьба 49 400 крестьянских хозяйств. Им принадлежало 147,8 тыс. га земли¹⁰⁵. Интересен профессиональный состав кооператоров: 39 860 занимались земледелием, 1974 были ремесленниками, 50 — промышленниками, 240 — торговцами, 2287 — служащими, 1364 — рабочими, 770 — домашними хозяйствами и 751 — лицами свободных и других профессий¹⁰⁶.

Социальная структура участников движения за кооперативную обработку земли в конце 1946 г. не изменилась существенным образом по сравнению с 1945 г. Преобладающая часть их состояла из сельских пролетариев, полупролетариев и бедных крестьян. Так, 3689 членов ТКЗХ были безземельными. Число членов кооперативов, владевших участком земли до 1 га, составляло 6246, от 1 до 2 га — 9630, от 2 до 5 га — 20 346, от 5 до 8 га — 4920 и от 8 до 10 га — 1241. Доля хозяйств, в собственности которых находились большие участки земли, была незначительной. Так, 861 человек владел от 10 до 15 га земли, 212 — от 15 до 20 га, 117 — от 20 до 30 га и 34 — свыше 30 га¹⁰⁷.

В начале февраля 1947 г. была проведена первая национальная конференция ТКЗХ. Ей предшествовала 21 региональная конференция, которые созывались по инициативе Национального комитета ОФ¹⁰⁸. На

⁹⁹ ЦДА НРБ, ф. 89, оп. 5, ед. хр. 468, л. 40.

¹⁰⁰ В некоторых документах и исследованиях называется 382 кооперативных хозяйства. Это связано с тем, что некоторые авторы принимают во внимание число утвержденных министерством земледелия и государственных имуществ, а не число созданных хозяйств.

¹⁰¹ ЦДА НРБ, ф. 89, оп. 5, ед. хр. 240, л. 24.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, ф. 121, оп. 1, ед. хр. 110, л. 143.

¹⁰⁴ Там же, л. 127, 133, 160 и др.

¹⁰⁵ Там же, ф. 9210, оп. 1, ед. хр. 2191, л. 1.

¹⁰⁶ Там же, л. 9.

¹⁰⁷ Там же, л. 4.

¹⁰⁸ Там же, ф. 121, оп. 1, ед. хр. 13, л. 3.

конференции присутствовало 1200 делегатов от всех ТКЗХ страны, от околийских комитетов кооперативных хозяйств, от Болгарского Земледельческого кооперативного банка, от Общего союза болгарской сельскохозяйственной кооперации и др.¹⁰⁹. Участники конференции заслушали 8 докладов, в которых ставились различные проблемы организации, жизни и деятельности кооперативных хозяйств¹¹⁰. Особенное значение имело участие в работе конференции Г. Димитрова. Он изложил основные принципы создания и развития ТКЗХ¹¹¹.

Изменения, происшедшие в структуре экономики Болгарии за 1944—1947 гг., имели историческое значение. В этот период были заложены основы перехода от капитализма к социализму в области экономики. Особенности процесса экспроприации крупной капиталистической собственности и переустройства мелкой городской и сельской частной собственности на основе производственной кооперации обусловили своеобразие политической системы народной демократии в стране. Все это обеспечило условия для широкого социалистического строительства в последующие годы.

¹⁰⁹ ЦПА, ф. 1, ХО ЦК БРП(к) [необработан]. Информация П. Кунина от 10 II 1947 г. Политбюро ЦК БРП (к).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ЦДА НРБ, ф. 121, оп. 1, ед. хр. 13, л. 203—213.

ВАЛЕНТЫ ДАШКЕВИЧ,
ВЛОДИМЕЖ Т. КОВАЛЬСКИЙ,
СТАНИСЛАВ ЛОПАТНЮК

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1917—1968 гг.

Вопрос взаимоотношений между Польшей и СССР является основной проблемой внешней политики нашей страны. В прошлом возникали различные концепции и теории решения этой проблемы. Их конкретная реализация зависела в значительной мере от расстановки общественно-политических сил внутри обеих стран, направления внешней политики, а также от ситуации, складывавшейся на международной арене.

Проблема отношений между польским народом и его восточными соседями приобрела особенно важное значение после победы Октябрьской революции, когда на обломках царской империи возникло первое социалистическое государство — Советская Россия, а позднее Союз Советских Социалистических Республик. Советское правительство, руководствуясь ленинским учением по национальному вопросу, провозгласило новую внешнюю политику, политику мира без аннексий и контрибуций, а также право народов на самоопределение. Победа Октябрьской революции оказала решающее влияние на возрождение польского государства после более чем вековой неволи и разделов. Сложившиеся реальные условия, сделавшие возможным также и исторический поворот в отношениях между Польшей и Советской Россией.

Однако позиция правящих кругов польского буржуазно-помещичьего государства, враждебно относившихся к Советскому государству, не благоприятствовала дружбе народов обеих стран. Только перемены, начало которым положила совместная борьба польского и советского народов против их общего врага — немецкого фашизма, и образование народной Польши, где власть взял в свои руки рабочий класс в союзе с крестьянством, создали благоприятные условия для коренного пересмотра внешней политики польского государства. Глубокие изменения в общественно-политической и экономической структуре Польши обусловили ее переход на путь тесного и всестороннего польско-советского сотрудничества во имя коренных, жизненных интересов народов Польши и СССР, а также мира и безопасности в Европе.

История польско-советских отношений на протяжении последнего пятидесятилетия является для обеих стран необыкновенно ценным историческим уроком. Поэтому вполне очевидна необходимость глубокого и всестороннего изучения взаимоотношений Польши и Советского Союза. Главным образом в последние 25 лет появились многие ценные публикации документов, например, фундаментальное издание, осуществляемое совместно Польской академией наук и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, а также монографии, докторские работы, статьи и исследования, посвященные отдельным вопросам польско-советских

отношений: дипломатическим отношениям, военному сотрудничеству в период второй мировой войны, экономическим связям, культурному и научно-техническому сотрудничеству. Однако пока ни в советской историографии, которая располагает ценными монографиями о внешней политике СССР и об отношениях между Страной Советов и Францией, Германией и Великобританией, США, Японией и Скандинавскими странами, ни в польской науке еще нет фундаментальных исследований по проблеме советско-польских отношений.

Подготовка синтетического труда по этой проблеме предполагает и дальнейшее изучение взаимоотношений Польши и СССР и, в частности, разработку периодизации польско-советских отношений.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть вопрос о периодизации польско-советских отношений. Проведенные исследования и доступные источники позволяют, на наш взгляд, предпринять попытку периодизации взаимоотношений Польши и Советского Союза в минувшее пятидесятилетие.

Великие исторические перемены определяют границы двух наиболее важных периодов в польско-советских отношениях: 1917 год, а точнее победа Октябрьской революции и создание предпосылок для возрождения польского государства; 1944 год — образование народной Польши. В обоих случаях изменяется социальный характер одного из государств, появляется партнер, качественно новый в классовом отношении, в результате чего польско-советские отношения приобретают принципиально иную, классово-новый характер. В рамках этих периодов можно выделить этапы, обусловленные спецификой внутренних и международных событий.

При периодизации польско-советских отношений авторы старались принять во внимание — в возможно максимальной степени — как узловые процессы, повлиявшие на внутреннее положение в Польше и Советском Союзе, преобразования общественно-политического и экономического характера, происходившие в этих странах, так и главные направления внешней политики правительств Польши и СССР и международную обстановку во всем мире, особенно в Европе, ибо нередко события внутри страны были тесно связаны с международными проблемами, и наоборот, часто международные события оказывали существенное влияние на внутренние процессы в обеих странах.

Вместе с тем учитывалось то обстоятельство, что в отдельные периоды или этапы выдвигалась на первое место различная проблематика — политическая, дипломатическая, военная и в особенности в последнее двадцатилетие — партийная (отношения между ПОРП и КПСС, как партиями руководящими социалистическим и коммунистическим строительством), а также экономическая и научно-техническая (имея в виду удельный вес советской помощи в развитии экономики Польши и развивающееся и углубляющееся экономическое сотрудничество).

Польско-советские отношения последнего периода и связанная с ними сложность исторических процессов определяют большую условность периодизации; разнородные критерии, совпадающие друг с другом при более или менее длительных периодах времени, действуют различно в течение короткого времени.

Авторы отдают себе отчет в недостатках и неизбежных пробелах этой первой попытки периодизации и полагают, что она может послужить основой для обмена мнениями и дальнейшей разработки проблемы.

Первый период в истории польско-советских отношений начинается со времени падения царизма и победы Октябрьской революции в России. Социалистическая революция обеспечила народам, проживавшим в

России, право на самоопределение и способствовала подъему революционного движения в Германии и Австро-Венгрии и ускорила их поражение в войне. В результате этого сложились благоприятные условия для восстановления независимости Польши. Польский народ, сохранивший, несмотря на длительное национальное угнетение, свой язык, культуру и национальные связи, героически боровшийся за свободу и независимость своей родины, смог в этих условиях осуществить большую историческую задачу — создать независимое польское государство. В силу ряда обстоятельств власть в Польше, однако, оказалась в руках имущих классов. Поэтому Польша в своих отношениях с Советской страной выступала как буржуазно-помещичье государство. Этот период заканчивается летом 1944 г., когда образовалась народно-демократическая Польша. Анализ процессов и событий, происходивших в 1917—1944 гг., позволяет выделить семь этапов в первом периоде польско-советских отношений.

Первый этап — от свержения царизма и победы Октябрьской революции в России до заключения Рижского мирного договора в марте 1921 г.

Исходным пунктом польско-советских отношений следует считать события, происшедшие после свержения царизма и победы Октябрьской революции и до образования польского государства (ноябрь 1918 г.). Эти события оказали решающее влияние на характер взаимоотношений Польши и СССР в межвоенный период и даже позднее, в годы второй мировой войны и после нее.

Уже в марте 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в обращении к польскому народу заявил о праве Польши на самоопределение и полную независимость. Три дня спустя Временное правительство опубликовало воззвание, в котором ставило определенные условия: окончательно польский вопрос мог быть решен новым российским парламентом. Польша же должна была состоять в военном союзе с тогдашней буржуазно-империалистической Россией, что фактически сводило на нет признание права на ее самоопределение. Этой точки зрения придерживались и западные союзники России. Только взятие власти большевиками во главе с Лениным в октябре 1917 г. ясно и однозначно определило позицию России по польскому вопросу.

В Декрете о мире, принятом 8 ноября II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, выдвигалось предложение о немедленном заключении мира без аннексий и контрибуций. Эта позиция затем была выражена в Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 г., а также в декрете от 29 августа 1918 г., в котором официально указывалось: «Все договора и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империей, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признающего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно». Этим документом была окончательно перечеркнута политика царизма и русской буржуазии и в отношении Польши.

Победа революции в России, ее отношение к польскому вопросу и прежде всего ее социальные реформы оказали влияние на политическую дифференциацию польской эмиграции в России и поляков в стране. Укрепились влияние левых партий (СДКПиЛ и ППС-левицы). В программах и деятельности ППС-фракции, ППСД и отдельных течений людовцев, наряду с лозунгом национального освобождения, сильнее, чем до этого времени, проявляются тенденции борьбы за социальные преобразования. Эта дифференциация была особенно сильной среди поляков, находящихся

в России. Если реакционные польские партии и связанные с ними царские офицеры польского происхождения объединились с русской реакцией, то значительная часть рабочих и солдат-поляков, а также польской интеллигенции приняла активное участие в борьбе с контрреволюцией и иностранной интервенцией в рядах Красной Армии, в организации и укреплении Советской власти, в создании аппарата для борьбы с контрреволюцией, в пропагандистской работе и других делах.

С созданием независимого польского государства качественно новыми стали польско-советские отношения. При этом время образования польского государства является определенным внутренним рубежом в рамках первого этапа, датируемого 1917—1921 гг.

Господствующие классы в Польше — буржуазия и помещики — с самого начала заняли враждебную позицию в отношении молодого Советского государства. Их классовые интересы сказывались на польско-советских отношениях в течение всего межвоенного периода. Польско-советская война, которая в 1919 г. вначале развернулась на территории Белоруссии и Литвы, была следствием стремления польской буржуазии и помещиков задушить социалистическую революцию в России и установить свое господство на белорусских, литовских и украинских землях.

Борьба польского народа за свое независимое существование (Великопольское восстание, Силезские восстания, плебисцит в Силезии, Вармии и Мазурах) была справедливой. Напротив, война против Советских республик велась в интересах имущих классов, которые хотели свергнуть Советскую власть и по возможности расширить свое господство на востоке. Ища поддержки у народных масс, эксплуататорские классы использовали традиции национально-освободительной борьбы против царизма и пытались убедить их в том, что Советское правительство якобы является продолжателем царской политики. Сильное влияние на позицию польских имущих классов оказывали державы Антанты, которые стремились задушить социалистическую революцию и восстановить капитализм. Различные комбинации этих политических тенденций и интересы отдельных групп польской буржуазии и помещиков обуславливали различные концепции польской внешней политики, общими для них были борьба с «большевизмом» и враждебность к Советским республикам. Отличались они друг от друга лишь тем, что касалось путей урегулирования отношений между Польшей и ее восточным соседом в будущем.

Попытки Советского правительства урегулировать военный конфликт путем переговоров не дали никакого результата. Только неудачный авантюристский поход на Киев, а позднее битва под Варшавой и тяжелые бои в Белоруссии и на Украине заставили польское правительство подписать 12 октября 1920 г. прелиминарные условия мира и 18 марта 1921 г. в Риге — мирный договор.

Рижский мирный договор положил начало второму этапу в истории польско-советских отношений. Одной из наиболее характерных черт этого этапа был вопрос выполнения условий Рижского договора и нормализации отношений между Варшавой и Москвой. В это время завершается репатриация, проводятся работы, связанные с возвращением исторических и культурных памятников польского народа и предпринимаются попытки заключения торгового договора. Важное значение имели также переговоры в Риге, а позднее в Москве относительно разоружения, которые велись при участии прибалтийских государств, и другие формы сотрудничества между Польшей и Советским Союзом.

Напряженность в польско-советских отношениях на рубеже 1923—1924 гг. постепенно начала смягчаться. Летом и осенью 1925 г. имели

место даже попытки сближения между Польшей и СССР. Во время визита народного комиссара Г. В. Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 г. была определена позиция обеих сторон по основным вопросам взаимных отношений. Однако заметного прогресса в сотрудничестве обоих государств не последовало. Польша, демонстрируя желание сблизиться с СССР, хотела укрепить свои позиции на приближающейся конференции в Локарно. Вместе с тем она стремилась к тому, чтобы ее отношение к СССР не помешало польским контактам с западными государствами, главным образом с Великобританией и Францией, и пыталась осложнить отношения между СССР и Германией. Советский Союз, ведя переговоры с Польшей, стремился к улучшению отношений между обеими странами. Он был заинтересован и в сохранении нормальных политических и экономических отношений с Германией. Позиция Польши ограничивала существенным образом возможность сближения между Варшавой и Москвой, а развитие событий после конференции в Локарно еще более уменьшило эти возможности. В таких условиях начался третий этап в польско-советских отношениях, который продолжался до 1932 г.

В Польше после отставки кабинета Вл. Грабского премьером и министром иностранных дел стал А. Сквишский. Он пытался приспособить внешнюю политику к новым условиям, сложившимся в Европе. В марте 1926 г. Польша возобновила союз с Румынией и заключила с ней секретную военную конвенцию. Весной того же года она вела переговоры с прибалтийскими странами относительно предложения СССР о заключении пакта о ненападении. Советский Союз в октябре 1925 г. подписал торговый договор с Германией. В декабре начались его переговоры с Литвой о заключении договора о дружбе и нейтралитете, который был подписан в сентябре 1926 г. В апреле 1926 г. он заключил договор о дружбе и о нейтралитете с Германией.

Майский переворот в Польше, хотя не сразу повлиял на изменение польской политики в отношении СССР, вызвал у советских авторитетных кругов большую настороженность. Советская дипломатия связывала приход к власти Пилсудского с общей неблагоприятной для СССР международной ситуацией, инспирированной консервативным английским правительством, которое через год разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Проходившие в это время польско-советские переговоры относительно заключения договора о ненападении были прерваны осенью 1927 г. по распоряжению Пилсудского. В июне этого же года было совершено убийство советского посла П. Войкова, а почти год спустя без результата закончились переговоры о подписании торгового договора.

Подписание пакта Бриана-Келлога несколько изменило положение. В декабре 1928 г. правительство СССР предложило Польше и другим государствам Восточной Европы ускорить введение в действие постановлений пакта. В результате Эстония, Латвия, Польша, Румыния и СССР в феврале 1929 г. подписали соответствующий документ (Московский протокол). Однако это не повлекло за собой существенного улучшения польско-советских отношений. Лишь осенью 1931 г. в политике Польши произошел сдвиг в направлении улучшения польско-советских отношений. Он был частично связан с позицией Франции, которая после неудачных попыток сближения с Германией, и будучи заинтересованной в советском рынке в связи с усиливающимся экономическим кризисом, стремилась к сотрудничеству с СССР. Эволюция французской политики, а также все ухудшающиеся польско-германские отношения побудили Польшу согласиться подписать в 1932 г. пакт о ненападении с Советским Союзом. Правительство СССР, учитывая изменения в позиции европейских стран, при-

давало важное значение улучшению отношений с Францией и ее союзниками в Восточной Европе. Являясь последовательным поборником мира, оно предложило создать систему коллективной безопасности на европейском континенте.

Подписание пакта о ненападении открыло четвертый этап в польско-советских отношениях. После заключения пакта улучшились политические отношения, расширилось культурное и научное сотрудничество, увеличился товарооборот, было продлено соглашение о деятельности «Совпольторга». Но это продолжалось недолго.

Заключение пакта о ненападении между Польшей и гитлеровской Германией свидетельствовало об изменении курса польской внешней политики. Польское правительство перешло на позиции тесного сотрудничества с Германией не только на двусторонней основе, но и на международной арене.

В то же время усилия Советского Союза были направлены на мобилизацию всех сил на борьбу с фашизмом, изоляцию гитлеровской Германии на международной арене и создание в Европе системы коллективной безопасности.

Внешнеполитическая позиция Польши привела снова к обострению взаимоотношений с СССР, что с особенной силой проявилось во время переговоров относительно заключения так называемого Восточного пакта (1934—1935 гг.). Советская дипломатия считала, что такой пакт при тогдашнем международном положении явился бы эффективным средством для предотвращения агрессивных акций со стороны Германии и обеспечения коллективной безопасности в Европе. Противодействие польской и германской дипломатии воспрепятствовало осуществлению этой меры.

В последующие годы взаимоотношения Польши и СССР были внешне мирными, обе стороны стремились избежать столкновений в своих отношениях. Вместе с тем сократились товарообмен и контакты в области культуры и науки. Это происходило во время гражданской войны и германо-итальянской интервенции в Испании, аннексии Австрии, чехословацкого кризиса 1938 г., а также переговоров, которые вело правительство СССР с правительством Великобритании и Франции весной 1939 г. В большой дипломатической игре, которая предшествовала второй мировой войне, Польше принадлежала второстепенная роль, однако она недвусмысленно поддерживала Германию до осени 1938 г., отрицательно относилась к предложению СССР об организации коллективной безопасности.

Попытки улучшить польско-советские отношения были предприняты на рубеже 1938—1939 гг., когда возникла непосредственная угроза Польше со стороны Германии. Результатом их было заключение только торгового соглашения (февраль 1939 г.). Польское правительство не желало, однако, сотрудничать с Советским правительством. Двуличная игра правительств Великобритании и Франции во время переговоров с СССР весной и летом 1939 г., а также напряженная обстановка на восточной границе СССР склонили Советское правительство принять предложение Германии и подписать с ней 23 августа 1939 г. пакт о ненападении.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Эта война стала началом второй мировой войны. Польша вела справедливую оборонительную войну, в которой участвовал весь польский народ. Ее сопротивление было сломлено превосходящими силами врага. 17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла польско-советскую границу и взяла под свою защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии.

События осени 1939 г. определяют начало пятого этапа в польско-советских отношениях. По своим последствиям они выходят за пределы этого этапа и первого периода. Это относится прежде всего к осу-

щественным в октябре и ноябре 1939 г. территориальным изменениям, которые фактически завершили исторический процесс объединения украинского, белорусского и литовского народов. Эти перемены, отвечающие этнографическим требованиям, стали основой окончательного решения вопроса о послевоенных границах Польши на востоке.

Правительство СССР не признавало польского правительства, находившегося в эмиграции. Польское эмигрантское правительство считало, что после 17 сентября 1939 г. Польша и СССР находятся в состоянии войны. Однако в связи с изменением стратегической ситуации, особенно после поражения Франции, появились новые элементы в позиции обоих правительств. Премьер-министр эмигрантского правительства генерал Сикорский указывал на необходимость нормализации польско-советских отношений, имея в виду возможность создания в СССР польской армии для борьбы с Германией.

Шестой этап в польско-советских отношениях начался 22 июня 1941 г. и продолжался до 25 апреля 1943 г. Нападение гитлеровской Германии на СССР и вступление США в войну против держав оси коренным образом изменили расстановку сил в Европе и во всем мире.

Главным фактором польско-советских отношений в это время являются попытки установления сотрудничества между польским эмигрантским правительством и правительством СССР. Одновременно начинается процесс глубоких перемен в сознании польского общества, в особенности под влиянием героической борьбы Красной Армии: складывается мнение, что СССР является союзником в общей борьбе с немецкими захватчиками и силой, которая реально может способствовать воссозданию независимой Польши. Одним из проявлений этого была помощь советским военнопленным, находящимся на территории Польши.

После длительных и трудных переговоров 30 июля 1941 г. было подписано польско-советское соглашение. Были восстановлены дипломатические отношения и созданы условия для польско-советского военного сотрудничества. В соответствии с этим соглашением на территории СССР начала формироваться польская армия. Устанавливая сотрудничество с польским эмигрантским правительством, Советское правительство исходило из общих интересов народов обеих стран в их борьбе с гитлеровской агрессией и имело в виду важное значение существования независимой и дружественной Польши для безопасности западной границы СССР в будущем. Оно информировало об этом Сикорского в декабре 1941 г. и руководствовалось этими принципами в своих отношениях к Польше в дальнейшем.

При осуществлении польско-советских соглашений, однако, обнаружились существенные различия во взглядах обоих правительств на вопросы послевоенного устройства мира в Европе и польско-советской границы. Соглашение от 30 июля 1941 г., а также позднейшие переговоры оставляли в стороне проблему границы со всеми отрицательными последствиями такого положения.

Часть центристско-левых групп в эмигрантском правительстве — между прочим, и под влиянием западных союзников — была склонна к ревизии официальной антисоветской политики. Влиятельные же политические группировки правых (санация и эндеция) считали позицию Сикорского соглашательской, просоветской. Нажим правых групп парализовал действия значительной части сторонников более реалистической политики. Правые группы, как и близкие им английские и американские политические группировки, распространяли слухи о неминуемом поражении СССР, а позднее твердили о необходимости ослабления как СССР, так и Германии, что позволило бы западным державам продиктовать условия будущего мира.

Нажим правых групп на правительство Сикорского и вывод в августе 1942 г. польской армии из СССР привели к ухудшению польско-советских отношений, которые в первые месяцы 1943 г., еще более обострились. Окончательный разрыв наступил в момент, когда правительство Сикорского приняло клеветническую немецкую версию относительно убийства польских офицеров под Катынью. 25 апреля 1943 г. правительство СССР прервало дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, что, однако, не означало изменения генеральной линии советской внешней политики в отношении Польши.

Антисоветская позиция польского эмигрантского правительства и реакционных группировок в стране в последующие месяцы и особенно в начале освобождения польских земель явилась источником значительной напряженности и конфликтов, наиболее ярким проявлением которых были действия части Армии крайовой и решение о начале Варшавского восстания.

Седьмой этап датируется маем 1943 г. — июлем 1944 г. Здесь можно отметить три характерные черты в польско-советских отношениях.

В мае 1943 г. начинается процесс формирования первых частей народного Войска Польского, которое должно было своим участием в боях на Восточном фронте не только приблизить момент освобождения страны, но и заложить прочный фундамент для польско-советского сотрудничества. Формирование и обучение этих частей стало возможным благодаря лояльной позиции правительства СССР, которое выделило необходимое снаряжение и вооружение и советских военных инструкторов. 12 октября 1943 г. 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко начала свой боевой путь. Продолжалось формирование других соединений Войска Польского.

Одновременно в Польше и на оккупированной территории Советского Союза расширялось и крепло боевое сотрудничество польских и советских партизан. Под руководством Польской рабочей партии активизируется боевая деятельность Гвардии людовой, а позднее Армии людовой. В июле 1944 г. в результате объединения Армии людовой и 1-й польской армии, прибывшей из СССР, создается народное Войско Польское, которое становится вооруженным оплотом польского народа.

Другой чертой этого этапа является активизация дипломатических усилий, направленных на разрешение польского вопроса путем нормализации взаимоотношений между польским эмигрантским правительством и правительством СССР. Советский Союз был заинтересован в установлении дружественных отношений с Польшей. При этом он принимал во внимание интересы антигитлеровской коалиции. Важное значение имел и вопрос безопасности тыла наступавшей Красной Армии. Однако вследствие антисоветской позиции польского эмигрантского правительства попытки нормализации отношений с ним оказались безрезультатными. Советское правительство, разделяя точку зрения демократических сил Польши, выступающих за тесное сотрудничество между обеими странами, признало Крайову раду народову и созданный ею в июле 1944 г. Польский комитет национального освобождения как подлинные представители польского народа.

Третья черта рассматриваемого этапа заключалась в том, что Советское правительство постепенно осуществляло при участии остальных союзников главные принципы своей политики в отношении Польши. Во время дипломатических переговоров и на международных конференциях правительство СССР защищало концепцию создания сильной Польши с границами на Одере и Балтике. Предварительное соглашение по этому вопросу было достигнуто на Тегеранской конференции.

Второй период в истории польско-советских отношений начинается в июле 1944 г. и продолжается до сегодняшнего дня. Он отличается от первого тем, что впервые оба партнера — Польша и СССР — являются одноклассными государствами: власть в них принадлежит рабочему классу и всем трудящимся, они объединяются общей идеологией, марксизмом-ленинизмом, и общими целями построения социализма и коммунизма. Этот период характеризуется постоянно углубляющимся сотрудничеством во всех областях взаимоотношений Польши и СССР.

Таким образом, полностью подтвердилось основное программное положение лагеря польских левых сил, сформулированное в годы второй мировой войны, прежде всего Польской рабочей партией, что свержение власти буржуазии и помещиков в Польше, переход политической власти в руки трудящихся, проведение демократическим правительством мирной внешней политики устранят главные препятствия на пути польско-советского сотрудничества и создадут предпосылки для сотрудничества в политической, экономической, культурной областях, продиктованного самыми жизненными интересами народов обеих стран, убежденных в том, что сильная и демократическая Польша не может существовать без всесторонней поддержки Советского Союза, а существование сильной, союзной Польши имеет важное значение для международной позиции СССР и, в частности, для безопасности его западной границы.

Анализ польско-советских отношений этого периода позволяет, по нашему мнению, выделить в нем три основных этапа.

Первый этап — 1944—1949 г. Он связан с восстановлением независимости польского народа и образованием народного польского государства. Это были героические годы в истории польского народа, годы освобождения еще оккупированных врагом польских земель, возвращения земель по Одре, Нисе Лужицкой и Балтийскому побережью, начала восстановления хозяйства и постепенной стабилизации внутреннего положения в Польше после потрясений, вызванных второй мировой войной.

Этот этап, вероятно, можно разделить на два подэтапа. В таком случае рубежом между ними был бы август 1945 г. Первый подэтап определяется польско-советским сотрудничеством в военной, дипломатической и экономической областях, происходившим в ходе войны против гитлеровской Германии и в первые месяцы после ее окончания. В результате переговоров между представителями ПКНО и Советским правительством в июле 1944 г. были определены послевоенные границы Польши на востоке и северо-востоке и позиция Польши и СССР относительно западных границ Польши. Позднее ПКНО были подписаны соглашения с правительствами Советских республик — Белорусской, Украинской и Литовской о двусторонней репатриации населения. Реализация этих соглашений ликвидировала одну из важных причин напряжения, существовавшего до этого времени.

Правительство СССР оказало Польше большую помощь военным снаряжением для формирования частей Войска Польского, которое приняло участие и в последней битве второй мировой войны — Берлинской операции.

21 апреля 1945 г. был подписан польско-советский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, которым закреплялся исторический поворот в польско-советских отношениях, происшедший в ходе совместной борьбы с немецким фашизмом. Вместе с тем этот договор являлся одним из важных оплотов системы коллективной безопасности в Европе, создаваемой советской дипломатией в период войны (договоры с Великобританией, Францией, Чехословакией и Югославией) для предотвращения возможной агрессии со стороны германского милитаризма в будущем.

Советское правительство активно участвовало в обсуждении вопроса о создании польского правительства национального единства. Поддерживая политическую линию ПКНО, оно в значительной мере способствовало решению этой проблемы. Создание 28 июля 1945 г. Правительства национального единства содействовало нормализации международного положения Польши и устраняло один из главных источников недоразумений по польскому вопросу, которые имели место между правительствами великих держав.

Польша получала и разнообразную экономическую помощь от Советского Союза (особенно важное значение имели соглашения, подписанные в августе и октябре 1944 г., а также в феврале 1945 г.). Благодаря советским поставкам сырья удалось быстро ввести в действие многочисленные промышленные объекты, в первую очередь, на восточных территориях, освобожденных от фашистской оккупации. До создания Правительства национального единства доля СССР во внешней торговле народной Польши составляла почти 100%. Начиная с июля 1945 г. это положение постепенно изменяется. Признание Правительства национального единства рядом государств позволило Польше начать торговлю и с этими государствами.

Необходимо отметить отношение советской дипломатии к вопросу участия Временного правительства Польши в международной конференции в Сан-Франциско (апрель-май 1945 г.), на которой была создана Организация Объединенных Наций. Благодаря решительной поддержке СССР Польша стала одним из основателей этой международной организации.

Огромное значение имело решение вопроса о западных границах Польши. Советское правительство, сотрудничая с ПКНО, а затем Временным правительством и Правительством национального единства, совместно выработывая общую тактику на совещаниях, состоявшихся осенью 1944 г. и весной 1945 г., добилось на Потсдамской конференции установления границы Польши по Одре и Нисе Лужицкой. 16 августа 1945 г. было подписано польско-советское соглашение об окончательном определении польско-советской границы, а также соглашение о разделе между СССР и Польшей военных репараций, полученных Советским Союзом от Германии.

Второй подэтап начинается, по нашему мнению, после Потсдамской конференции, в августе 1945 г. Решение основных проблем, связанных с международным положением Польши, а также постепенная нормализация обстановки в Европе, начало восстановления экономики, разрушенной войной, обусловили то, что наряду с военно-политическим сотрудничеством все более расширялось политическое, экономическое и культурное сотрудничество. В 1945—1949 гг. осуществлялись очередные торговые соглашения, в том числе и соглашение о разделе немецких репараций. Впервые значительно расширились культурные и научные связи. Польская дипломатия вместе с советской дипломатией содействовала нормализации международных отношений в Европе, участвовала в подготовке мирных договоров с бывшими сателлитами гитлеровской Германии (примером такого сотрудничества была мирная конференция в Париже летом 1946 г.), в работе Организации Объединенных Наций, внесла ряд предложений относительно разоружения, запрещения производства и использования оружия массового уничтожения и других проблем, имеющих важное международное значение.

Сотрудничество между Польшей и СССР развивалось в условиях усиливающегося международного напряжения, порожденного политической руководящих кругов империалистических государств, прежде всего США и Великобритании, стремившихся затормозить прогрессивные, демократические и социалистические преобразования в Европе. Западные державы переходят к политике покровительства немецкой реакции,

содействия возрождению немецкого империализма, заигрывания с реваншистскими организациями в Западной Германии. Это нашло свое выражение, между прочим, в выступлениях государственного секретаря США Бирнса в Штутгарте, Черчилля в Фултоне и представителей США и Великобритании на конференции министров иностранных дел в Москве в марте-апреле 1947 г., где прямо и открыто подверглись атаке потсдамские решения по вопросу польских западных границ. Эти выступления встретили решительный протест со стороны Польши и Советского Союза.

Правительство СССР одновременно оказало решительную поддержку польскому правительству во время нажима США и Великобритании на Польшу перед выборами в законодательный сейм, которые проводились в январе 1947 г.

После провозглашения так называемой «доктрины Трумена» (март 1947 г.) и особенно «плана Маршалла» (июль того же года) значительно усилилась напряженность международной обстановки. «План Маршалла» формально представлял собой программу восстановления хозяйства европейских государств, пострадавших от войны, фактически же был направлен на то, чтобы воспрепятствовать общественно-экономическим преобразованиям в странах народной демократии. Он также имел антисоветскую направленность. Правительства Советского Союза, Польши и других стран Восточной Европы отвергли этот «план», противопоставив ему летом 1947 г. собственную программу развития всестороннего экономического сотрудничества государств с различным общественно-политическим строем без каких-либо политических условий. Однако это предложение не было принято США и другими западными государствами. Следствием «доктрины Трумена» и «плана Маршалла» было обострение международного положения.

События 1948—1949 гг. открывают в т о р о й э т а п польско-советских отношений, который, по нашему мнению, продолжался до 1956 г. Краткая его характеристика содержится в докладах и выступлениях руководителей коммунистических партий на XX съезде КПСС и VIII пленуме ЦК ПОРП в 1956 г., а также в ряде официальных документов правительств СССР и Польши. Пока еще нет работ, обстоятельно освещающих политические события, межпартийные и экономические отношения этого времени.

Польско-советские отношения на этом этапе развивались в обстановке складывания мировой социалистической системы и возросшей в конце 40-х — начале 50-х годов напряженности в международных отношениях, получившей наименование «холодной войны». Отражение натиска международной реакции, пытавшейся остановить поступательное движение народов по пути к социализму, требовали тесного объединения и сотрудничества СССР и стран народной демократии, принятия с их стороны необходимых мер для защиты своей безопасности. Все это оказало влияние на польско-советское сотрудничество, которое продолжало расширяться и углубляться. Особенно интенсивно развивалось экономическое сотрудничество в годы, когда в связи с отказом Польши «от плана Маршалла» западные державы бойкотировали торговлю с социалистическими странами. В 1949—1950 гг. Советский Союз предоставил Польше большое количество оборудования и технической документации, что способствовало созданию новых отраслей тяжелой промышленности, а также химической и автомобильной (символами этого сотрудничества являются в числе других Новая Гута, Люблин, Жерань). Одновременно было положено начало координации многолетних хозяйственных планов Польши и СССР. Важное значение имели соглашения от 29 июня 1950 г. о поставках в 1951—1958 гг. в Польшу оборудования для капитального строительства,

а также об увеличении товарного кредита для нашей страны со 100 млн долларов до 500 млн долларов, что в значительной мере обеспечило успешное выполнение нашего шестилетнего плана.

Существенное значение имело сотрудничество Польши и СССР также в деле укрепления многосторонних экономических связей между социалистическими государствами. Если непосредственно после окончания второй мировой войны международный социалистический рынок только еще создавался, то в конце 40-х годов страны народной демократии с утверждением социалистических отношений в области производства и началом многолетнего планирования экономического развития приступили к расширению и углублению экономического сотрудничества, переходя от сотрудничества двустороннего, прежде всего с СССР, к многостороннему. Существенную роль в этом должен был сыграть Совет Экономической Взаимопомощи, созданный в январе 1949 г. В него вошли СССР, Польша и другие европейские социалистические страны. Значительно расширилось также сотрудничество в области культуры, и особенно искусства. Оба государства вместе с другими социалистическими странами во все большей степени координировали свои действия на международной арене. Они выступили против сепаратистской политики западных государств, намеревавшихся разбить Германию и создать западно-германское государство. После создания ФРГ (сентябрь 1949 г.), а потом ГДР (октябрь этого же года) Польша вместе с СССР и другими странами Восточной Европы стремилась мирным путем разрешить германскую проблему и обеспечить коллективную безопасность в Европе. Об этом свидетельствовали результаты конференций министров иностранных дел СССР, Польши и других государств Восточной Европы, происходивших в мае 1948 г. в Варшаве, в октябре 1950 г. в Праге и ноябре 1954 г. в Москве. Продолжением этой политики явились подписание 15 мая 1955 г. Варшавского договора, решительная позиция правительства СССР в отношении границы по Одре и Нисе Лужицкой и проблемы европейской безопасности в целом. Благодаря этому проблема защиты и гарантии западных границ Польши стала важнейшим вопросом международных отношений в Европе. Любая попытка нарушения этой границы означала бы нарушение не только границ страны социалистического содружества, но и мира и безопасности в Европе.

С весны 1953 г. происходит постепенное ослабление международной напряженности. В 1953—1954 гг. прекратилась война в Корее и Индокитае. Это явилось результатом усилий Советского Союза и всех миролюбивых сил, стремившихся к полной нормализации международных отношений и выступавших за мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим и экономическим строем. Дальнейшим проявлением этой политики была, возбуждавшая большие, но не оправданные до конца надежды, конференция руководителей четырех держав в Женеве в июле 1955 г., а также подписание в мае того же года государственного договора с Австрией.

На успешно развивавшиеся в эти годы польско-советские отношения в известной мере отрицательно сказались явления, связанные с культом личности.

На рубеже 1955—1956 гг. начинается новый, третий этап польско-советских отношений, который, по нашему мнению, продолжается до сегодняшнего дня. Наиболее характерной его чертой является постоянно возрастающее польско-советское сотрудничество во всех областях. Разделение этого этапа на отдельные подэтапы, представляется затруднительным, так как проблематика польско-советских отношений далеко еще не изучена.

XX съезд КПСС в феврале 1956 г., учитывая важные изменения в международной обстановке, в международном коммунистическом и рабочем движении, все возрастающий оборонительный потенциал стран социалистического содружества, особенно в области ракетно-ядерного оружия, выработал ряд новых положений, касающихся узловых международных проблем, прежде всего мирного сосуществования, проблемы войны и мира, мирного перехода от капитализма к социализму, а также национально-освободительного движения. Важным моментом следует считать состоявшиеся после VIII пленума ЦК ПОРП, на котором было выбрано новое партийное руководство, переговоры 15—18 ноября 1956 г. в Москве между партийно-правительственными делегациями ПНР и СССР, посвященные всему комплексу польско-советских отношений. В результате этих переговоров были подписаны декларация об отношениях между Польшей и СССР и ряд соглашений по отдельным вопросам. Правительство СССР предоставило Польше кредит в сумме 1100 млн валютных злотых на покупку зерна в СССР и 700 млн валютных злотых на приобретение других советских товаров, было заключено соглашение по взаимным расчетам. 17 декабря 1956 г. в Варшаве было подписано соглашение о правовом статусе советских войск, временно размещенных на территории Польши, а затем и другие соглашения по вопросам, интересующим обе стороны. Все это способствовало развитию польско-советских отношений и укреплению сотрудничества между Польшей и СССР на основе суверенитета, полного равноправия и взаимной выгоды. Важное значение в этом отношении имела декларация Советского правительства от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами.

В результате польско-советские отношения упрочились и были созданы предпосылки для дальнейшего углубления существующих форм и выработки новых форм всестороннего плодотворного польско-советского сотрудничества в политической, экономической, военной, культурной и других областях.

Польша и СССР тесно сотрудничают в борьбе за разрядку международной напряженности, за разоружение и безопасность в Европе. Об этом свидетельствуют советские проекты договора о всеобщем и полном разоружении (1956—1960 гг.), польские предложения относительно создания безатомной зоны, ограничения ядерного вооружения в Центральной Европе (в 1957, 1958, 1962 и 1969 гг.), согласованное сокращение вооруженных сил Польши, СССР и других социалистических стран.

В это время появилась новая форма контактов — рабочие встречи и совещания партийно-правительственных руководителей ПНР и СССР на самом высоком уровне, в отличие от существовавших до этого официальных визитов дружбы. В последующие годы эта форма контактов станет своеобразным органом политического сотрудничества, рассматривающим основные вопросы, интересующие партии и правительства обеих стран.

В экономической области появились новые формы координации хозяйственной деятельности. 10 марта 1960 г. было подписано торговое соглашение на 1961—1965 гг., 19 мая 1961 г. — соглашение о поставках советского оборудования в 1962—1967 гг., о технической помощи Польше для развития тяжелой промышленности; в апреле 1963 г., в январе, сентябре и октябре 1965 г. велись переговоры об экономическом сотрудничестве в период до 1980 г. и прежде всего в 1966—1970 гг. Значительные сдвиги произошли в области интеграции экономики социалистических стран и социалистического разделения труда в рамках СЭВ, особенно после разработки в 1961—1962 гг. принципов международного социалистического разделения труда.

Странами-членами СЭВ было заключено соглашение о многосторонних расчетах в переводных рублях и создании международного банка экономического сотрудничества (22 октября 1963 г.), о создании и использовании общего парка товарных вагонов (21 декабря того же года), о введении в эксплуатацию северного (польского) ответвления нефтепровода «Дружба» (28 декабря 1963 г.).

8 апреля 1965 г. был подписан новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Польшей и СССР, который является продолжением договора, заключенного в апреле 1945 г. В нем учтены изменения, происшедшие в мире и прежде всего в Европе, и содержатся гарантии Советского Союза относительно нерушимости польских границ на Одре и Нисе Лужицкой. Этот договор, как и аналогичные договоры, заключенные правительством ПНР с правительствами ГДР, Чехословакии, Болгарии и Венгрии в 1967—1968 гг., является важным дополнением Варшавского договора, дополнительной гарантией мира и безопасности в Восточной Европе.

Культурное и научное сотрудничество по сравнению с экономическим и политическим сотрудничеством в 1957—1967 гг. развивалось несколько слабее.

Совместные многочисленные совещания и встречи, происходившие в 1957—1967 гг. между партийно-правительственными делегациями ПНР и СССР, показали и показывают рост роли Польши как партнера СССР и возрастающее значение позиции, занимаемой ее партийным и государственным руководством. Об этом ярко свидетельствует сотрудничество правительств Польши и СССР в Консультативном политическом комитете стран, подписавших Варшавский договор, на конференции представителей коммунистических и рабочих партий Европы в Карловых Варах (апрель 1967 г.), а также в ООН, Комитете по разоружению и других международных организациях.

В ходе осуществления программы социалистического и коммунистического строительства народная Польша стала в настоящее время одним из важнейших партнеров Советского Союза на европейском континенте и особенно в Восточной Европе. Характер политического, экономического, военного и культурного сотрудничества Польши с ее могучим восточным соседом в значительной степени определяет ее место на международной арене.

К. Л. СТРУКОВА

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ П. Д. ДРАГАНОВА

Петр Данилович Драганов — автор «историко-литературных, этнографических, филологических и главным образом библиографических и критических трудов»¹ — был ученым широкого профиля. Круг его научных интересов был многообразен: славянские языки и литературы, история народов Балканского полуострова, России, Бессарабии и др.²

В Ленинграде, в Архиве Академии наук, хранятся представляющие известный историко-культурный интерес письма П. Д. Драганова к В. И. Ламанскому, А. А. Шахматову, А. И. Соболевскому, а также к представителям С.-Петербургского славянского благотворительного общества. Особенно тепла и откровенна была переписка П. Д. Драганова с В. И. Ламанским, его учителем по Петербургскому университету, который и в дальнейшем сохранял интерес к судьбе своего ученика, помогал его научному росту. Для Драганова Ламанский всегда оставался «незабвенным, глубокоуважаемым профессором», любимым наставником.

В этих письмах содержатся сведения, позволяющие нам полнее представить биографию ученого, его личные и деловые качества. Вот что писал он о своем происхождении: «...я по языку и по племени и с отцовской, и с материнской стороны, как свидетельствует наша фамильная родословная, принадлежу к чистейшим болгарам из недр Балкан»³.

До Петербургского университета Драганов какое-то время учился в Харьковском. В частности в письме от 25 декабря 1888 г. он пишет о М. С. Дринове как о своем бывшем преподавателе славяноведения в Харьковском университете.

Окончив в 1885 г. русско-славянское отделение⁴ историко-филологического факультета со степенью кандидата, Драганов уехал на работу в гимназию болгарской экзархии в Салониках, где провел около трех лет (1885—1887). Поселившись в Салониках, Драганов сразу погрузился «в бездну разнообразных занятий»: принимал участие в приеме годичных экзаменов, работе педагогических курсов для македонских учителей⁵. Затем приступил к занятиям в гимназии Кирилла и Мефодия — преподавал всеобщую историю, церковно-славянский язык, болгарский язык и литературу, латынь, географию. Помимо всего у него был «частный» курс «Деяния Кирилла и Мефодия»⁶.

¹ П. Д. Драганов. Bessarabiana, Кишинев, 1911, стр. 54.

² См. список научных трудов П. Д. Драганова в кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905.

³ Архив Академии наук (Ленинград), ф. 35, д. 492, л. 33 об. См. также л. 32 об., 33, 35.

⁴ Там же, ф. 134, д. 480, л. 6.

⁵ Там же, ф. 35, д. 492, л. 5, 5 об.

⁶ Там же, ф. 134, д. 480, л. 8 об.

Драганов был недоволен своим руководством в Константинополе, зато об учениках отзывался с большой похвалой. В 1887 г. несколько гимназистов по окончании курса собирались, по-видимому не без влияния своего нового учителя, ехать в Россию, в Петербург, для получения высшего образования. Драганов заверял Ламанского, что они будут вполне подготовлены для университетских занятий «по всем научным отраслям». Вместе с тем он выражал сожаление по поводу ухода учащихся вследствие недовольства местных общин экзархией и отъезда молодежи старших классов в Болгарию на государственную службу ⁷.

Пребывание в Салониках Драганов использовал для ознакомления с юго-западной частью Балканского полуострова. Весной 1886 г. во время пасхальных каникул, прибавив к ним еще две недели, он побывал в окрестностях Салоник, в Велесском и Скопльском санджаках, заезжал на Афон. Летом того же года Драганов посетил Пловдив и Константинополь.

Далее — возвращение в родной Комрат (осень 1887 г.) и поездка в Петербург, где Драганов пробыл, по-видимому, до июля 1888 г. Тяжелая, полная лишений жизнь в Петербурге («горькая нужда и совершенная необеспеченность») заставили его принять предложение занять место учителя русского языка и словесности в открываемом Комратском реальном училище ⁸.

Но жизнь в маленьком заштатном городке («почти что в сельской глуши») не удовлетворяла Драганова, стремившегося к научной деятельности. Он хлопотал о получении штатного места при библиотеке Новороссийского университета. Драганову не удалось переехать в Одессу, но он перевелся осенью 1890 г. в Севастопольское реальное училище.

В 1895 г. Драганов уже в Кишиневе, в женской гимназии ⁹. С начала 1896 по 1904 г. он пишет из Петербурга. В это время он работает помощником библиотекаря рукописного отдела Публичной библиотеки, следит за поступлениями литературы «галицко-русской, малорусской, всех сербских и всех болгарских земель» ¹⁰. Этим занятиям способствовало хорошее знание языков. В письме к А. И. Соболевскому в 1902 г. Драганов писал, что он «ч и т а е т почти на всех западноевропейских языках, кроме английского, шведского, финского и венгерского; на в с е х двенадцати славянских наречиях, на румынском языке, и, само собой разумеется, по-гречески и по-латыни» ¹¹.

Скромной зарплаты помощника библиотекаря не хватало Драганову для содержания семьи, состоящей из больной жены, двух детей и матери, поэтому он обращался к А. И. Соболевскому с просьбой о подыскании ему какой-нибудь добавочной, «хотя бы и самой крохотной должности» ¹². Писал и печатал всякие мелочи «из-за куска хлеба».

По-видимому, материальные трудности были вновь причиной отъезда Драганова из Петербурга в Комрат ¹³. Но и здесь он оставался недолго. В 1906—1912 гг. Драганов работал инспектором реального училища в Астрахани, директором учительской семинарии в с. Ровное Самарской губернии.

Таковы основные биографические данные, которые можно почерпнуть из переписки Драганова.

⁷ Там же, ф. 35., д. 492, л. 8, 8 об., 14 об., 15.

⁸ Там же, л. 9, 19, 19 об., 27, 27 об., 28.

⁹ Там же, ф. 241, д. 28, л. 17.

¹⁰ Там же, ф. 134, д. 480, л. 10.

¹¹ Там же, ф. 176, д. 142, л. 18 об., 19. Выделено всюду Драгановым.

¹² Там же, л. 18.

¹³ Там же, ф. 134, д. 480, л. 35.

Остановимся теперь на сведениях, характеризующих его научные интересы и научную деятельность.

Еще будучи студентом II курса, Драганов перевел на болгарский язык «Анти-Энциклику» Холмогорова-Платонова. На III курсе под влиянием лекций Ламанского «История славян до IX в.» он на многие годы заинтересовался деятельностью Кирилла и Мефодия¹⁴.

Несмотря на огромную занятость Драганов к августу 1886 г. подготовил и отослал Ламанскому статью «Болгарские учебные заведения и народное просвещение в Македонском и Адрианопольском вилайетах в сравнении с Княжескими и Восточно-Румелийскими в течение 1885/86 учебного года». Статья эта была написана в Салониках, отредактирована в Константинополе и еще раз исправлена и дополнена в Пловдиве.

К следующему лету Драганов подготовил к этой статье небольшое дополнение о профессиях родителей учеников Салоникской гимназии (по формулярным спискам 1886/87 учебного года), в котором отмечал, что в гимназии Кирилла и Мефодия воспитывалось очень мало детей зажиточных и влиятельных лиц. Большинство учеников принадлежало к мелкой торгово-ремесленной прослойке и чиновничеству, причем детей «простых ремесленников и рабочих» почти не было¹⁵.

Но особенно увлекся Драганов филологическими и этнографическими изысканиями. Он с большим азартом принялся штудировать «особенности ударения, звуков, форм словаря македонских и вообще западных говоров болгарского языка сравнительно с собственно-болгарским или фракийско-мизийским, с одной стороны, и сербским, хорватским и словинским (харгунским), с другой», намереваясь подготовить сравнительную грамматику болгарских наречий и говоров¹⁶. Интересовало его также своеобразие быта, народных преданий и обычаев в этой части Европейской Турции. При этом он не только изучал различных авторов по книгам, привезенным с собой, но собирал материал с помощью своих учеников, коллег по работе, во время поездок во внутренние районы македонских вилайетов, где ему, в частности, удалось обнаружить важные старопечатные книги и даже пергаментные рукописи (в Велесе)¹⁷.

В одном из писем Драганов сообщил Ламанскому о предложении А. Шопова, исполнявшего тогда обязанности секретаря экзарха, принять участие в подготовляемом экзархией македонском сборнике. Этому предложению сопутствовала весьма лестная оценка знаний Драганова: «Только Вы, г-н Драганов, в состоянии дать нужный материал о македонских наречиях, ибо Вы имели возможность (в болгарском тексте „случай“) изучать их на месте как специалист». Драганов «не особенно охотно» принял это предложение¹⁸, впрочем сотрудничество не осуществилось.

Подробнейшее письмо Драганова от 26 августа 1886 г. о его жизни в Салониках, условиях работы, научных занятиях и планах заинтересовало Ламанского. В ответном письме от 9 мая 1887 г. он предложил Драганову написать диссертацию по македонской теме, которую Совет СПб. славянского благотворительного общества объявил в виде соискания на премию в память выдающегося русского слависта А. Ф. Гильфердинга, подчеркнув, что дело это важное и полезное¹⁹.

Драганов был окрылен таким доверием и одобрением со стороны Ламанского. Он отвечал, что в его диссертации будет уделено преимуще-

¹⁴ Архив Академии наук (Ленинград), ф. 134, д. 480, л. 6.

¹⁵ Там же, ф. 35, д. 492, л. 14 об., 15, 17—18.

¹⁶ Там же, л. 5 об., 6, 7.

¹⁷ Там же, л. 12, 13 об.

¹⁸ Там же, л. 6 об., 7; ф. 35, д. 492^a, л. 3 (подлинник письма А. Шопова).

¹⁹ Там же, ф. 35, д. 492, л. 9.

ственное внимание характеристике говоров славянского населения в современной македонской провинции. Драганов намеревался представить Совету СПб. славянского благотворительного общества «целый ряд более или менее полных (законченных) монографий об особенностях ударения, звуков, форм сочинения и словаря каждого выдающегося говора», а также более или менее полно изложить на основании греческих, латинских и восточных источников исторические судьбы славянских предков нынешних мияков, борзяков, поливаков, мораваков (сохранена терминология Драганова) и других, почти не вышедших, по мнению Драганова, из племенного быта²⁰.

Эти два аспекта — лингвистический и этнографический — более всего интересовали Драганова, поскольку по этой проблематике у него накапливался богатый местный материал. Главный источник для своей диссертации «по отделу не только языка, но и быта и народной психологии» он видел в «огромном сборнике (около 1000 №№) различных образцов поэтического умотворения славянского племени в Македонии»²¹.

Судя по сказанному Драгановым о существе исследования, можно с полным основанием предполагать, что название темы было сформулировано так же, как оно звучало и несколько позднее. В 1889 г. Совет СПб. славянского общества предложил на соискание премии им. А. Ф. Гильфердинга следующую тему: «представить географический и этнографический очерк современной Македонии, причем, в особенности остановиться на характеристике говоров ее славянского населения; изложить на основании источников исторические судьбы Македонии с VI—VII по XV в.; приложить указатель урочищ и краткое описание сохранившихся в нынешней Македонии памятников византийской и славянской старины за указанное время»²². По истечении 1886/87 учебного года П. Драганов решил вернуться в Россию, в Петербург, чтобы обо всем переговорить с Ламанским, показать ему результаты своих изысканий за истекшие годы, получить советы и указания, а затем, в мае 1888 г., снова отправиться во внутреннюю Македонию²³. Кроме «колоссальной македонской антологии» им были подготовлены разнообразные этнографические, статистические и диалектологические статьи и заметки, которые Драганов собирался публиковать в изданиях СПб. славянского общества, Русского филологического общества, «Историческом вестнике» и других²⁴.

Переехав в Петербург, Драганов продолжал напряженно работать. В феврале 1888 г. он сообщал Ламанскому, что его диссертация по теме «Славянского общества почти готова. Окончательно отредактировать рукопись он собирался после своего предполагаемого вторичного путешествия в Македонию в июне—сентябре 1888 г.

По всей вероятности, на базе диссертационных материалов Драганов еще в конце 1887 г. подготовил отдельный сборник, который Русское географическое общество тогда же постановило напечатать ввиду несомненного интереса этих материалов для изучения Македонии. В мае 1888 г. Драганов направил Ламанскому на окончательную редакцию I отдел своего сборника — песни эпические, исторические, юнацкие, политические, разбойничьи, всего 185 №№. Сообщал, что готовит II отдел сборника и другие разделы. Подготовку всего материала вместе со словарем к тексту он намеревался закончить в конце июня 1888 г. Но в связи с неожиданным переездом в Комрат смог завершить намеченное только к

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Там же, л. 12 об.

²² «Периодическое списание», кн. XXXI, София, 1889, стр. 175.

²³ Архив Академии наук (Ленинград), ф. 35, д. 492, л. 16, 16 об.

²⁴ Там же, л. 13 об., 14.

концу декабря. Чтобы все сделать, Драганов работал «по праздникам и в позднюю ночь», ибо основное время было занято всякими делами в новооткрытом и не устроенном еще Комратском реальном училище. Отослав 25 декабря 1888 г. письмо Ламанскому вместе с подробным планом всей работы в целом²⁵, Драганов в тот же день выехал в Петербург, чтобы лично вручить Ламанскому остальные отработанные отделы своего македонско-славянского этнографического сборника.

Итак, обработка материала для сборника была закончена. Были завершены диалектологическая и этнографическая части диссертации. Подготовленную подробную сравнительную грамматику македонско-славянских наречий и говоров Драганов хотел напечатать в «Русском филологическом вестнике» и завершить начатую публикацию этнографической части в «Известиях СПб. славянского благотворительного общества»²⁶.

Оставалась неразработанной историко-этнографическая часть диссертации. В Комрате не было необходимой литературы, а собственная библиотека Драганова оставалась еще в Петербурге. Ученый с горечью писал: «...где я возьму византийцев?... Если довелось бы мне получить перевод в университетский город, хотя бы на половинном содержании, тогда дело было бы в шляпе. С каким бы рвением я принялся бы штудировать византийцев и другие первоисточники...»²⁷. Очевидно Драганову так и не удалось довести до конца начатую работу.

В 1889—1891 гг. внимание Драганова было в основном поглощено затянувшейся подготовкой его сборника к печати. Весной 1889 г. Драганов все еще «денно и ночью» работал над составлением словаря и окончанием дополнительных глав. Он хотел, чтобы его любимый труд — названный сборник — был своего рода энциклопедией по затрагиваемому предмету, работой, достойной издания в Русском географическом обществе²⁸.

По-видимому, где-то в конце 1889 или в начале 1890 г. Драганов был избран членом — сотрудником Русского географического общества. Это звание давало Драганову право бесплатной пересылки корректуры сборника, как-то должно было помочь ему «в занятиях бессарабщиной»²⁹.

Как известно, первая часть сборника, вышедшая в 1894 г., оказалась и последней. По неизвестным причинам издание, которое должно было состоять из 3 томов со словарем, продолжено не было. Не было в I томе и посвящения Ламанскому, на что Драганов в письме от 6 декабря 1891 г. просил у последнего разрешения, указывая, что в своих занятиях он находил в лице Ламанского благосклонного наставника которому, собственно, и обязано появлением на свет сочинение, которое Драганов разрабатывал с 1885 г. В письме от 2 декабря 1897 г. Драганов попросил Ламанского распорядиться, чтобы Географическое общество вернуло ему ненапечатанные рукописи Македонско-славянского сборника.

Незаконченной осталась и другая работа Драганова. С уходом Ламанского в конце 80-х годов XIX в. из редакции «Известий СПб. благотворительного общества» статьи Драганова перестали публиковать на страницах этого журнала. Вследствие этого его краткий этнографический очерк о Македонии был опубликован едва наполовину.

Кроме нового круга научных интересов («занятия бессарабщиной») Драганов с 1895 г. начал работать над подготовкой карманного болгарско-

²⁵ Напечатан в предисловии к опубликованной части. См. Македонско-славянский сборник, вып. I. СПб., 1894.

²⁶ «Известия СПб. славянского благотворительного общества», 1887, 1888.

²⁷ Архив Академии наук (Ленинград), ф. 35, д. 492, л. 32 об.

²⁸ Там же, л. 35.

²⁹ Там же, л. 41.

русского словаря по предложению издательской комиссии СПб. славянского благотворительного общества, обратившейся к Драганову как филологу — знатоку и русского, и болгарского языков.

Драганов с «величайшей готовностью и охотой» взялся за этот нелегкий и кропотливый труд. Он сумел сделать много, часть его работы была прорецензирована Мичатеком. Однако целый ряд обстоятельств (в том числе потеря значительной части уже готовой работы) привели к тому, что Совет славянского общества принял в 1906 г. решение поручить составление словаря другому лицу³⁰.

В декабре 1900 г. Драганов обратился с письмом к А. А. Шахматову, в котором пространно излагал свои научные интересы, перечисляя свои изданные и рукописные работы. К письму в виде особой «Докладной записки» Драганов приложил подробный план «Всеобщей Кирилло-Мефодиевской библиографии». В письме он говорил о своих давних интересах к этой теме (со студенческих лет), отмечая, что за тщательную регистрацию богатой и огромной литературы о Кирилле и Мефодии он принялся с 1888 г.³¹ В результате у него накопилось «великое множество всякого кирилло-мефодиевского материала на разных языках и главным образом на русском и славянских языках», затем оказалось весьма немало зарегистрированных книг и статей на греческом, немецком, французском и других западноевропейских языках и даже на некоторых восточных языках. Драганов выражал желание взять на себя подготовку «давно желанного труда по „Всеобщей Кирилло-Мефодиевской библиографии за последнюю тысячу лет до XIX века включительно“».

В январе 1901 г. Драганов написал Ламанскому о своем предложении академику Шахматову. Из письма Драганова от 4 февраля 1902 г. следует, что Ламанский согласился быть редактором задуманной библиографии.

Шахматову Драганов писал до 1912 г. Работая над библиографиями самого различного профиля, Драганов никогда не был простым регистратором. Сообщения о своих библиографических трудах он часто сопровождал интересными замечаниями о характере и существе тех или иных работ. Драганов внимательно следил за исторической литературой. Многими мыслями о прочитанном он делился с Ламанским. Перу Драганова принадлежит ряд рецензий, в частности, на книгу Н. С. Державина «Болгарские колонии Новороссийского края» (Симферополь, 1908)³².

³⁰ Там же, ф. 241, д. 28, л. 1—228.

³¹ Там же, ф. 134, д. 480, л. 4—13.

³² Там же, ф. 134, д. 80, л. 53.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЦИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

«Сны о могуществе» — сборник, которым дебютировал Леопольд Стафф в 1901 г., — возвестили не только о рождении нового большого поэта, они принесли с собой дыхание нового поэтического поколения. Пришедшее в польскую поэзию в первом десятилетии XX в., это поколение известно было в польском литературоведении под именем «эпигонов Молодой Польши» (или менее негативным: как ее второй фазы). Название это возникло давно и прочно вошло в сознание критики. Против него выступил Л. И. Морстин, неутомимый пропагандист возрождения классицизма в польской культуре: «Наоборот, этот период я назвал бы противопоставлением „Молодой Польше“ и ее идеалам, т. е. эстетическому импрессионизму, мистической фразеологии в отношении к проблемам искусства и произвольности формы»¹.

Непризнанное в свое время, это поколение было забыто впоследствии; немаловажную роль играло здесь и то обстоятельство, что, кроме Стаффа и Лесьмяна, оно не дало ярких поэтических талантов. А между тем это был по-своему интересный период в истории польской поэзии — преддверие ее расцвета в межвоенном двадцатилетии. Лишь в 60-е годы в польской критике возникает интерес к этой литературе². Очевидно, это связано с новой волной классицизма в польской поэзии.

Среди исследований, внесших вклад в изучение проблемы польского классицизма начала XX в., следует назвать диссертацию Я. Прокопа³, антологию П. Херца⁴ и особенно работы Р. Пшибыльского⁵, который стремится соотнести польский классицизм с аналогичными явлениями в Западной и Восточной Европе. Однако по-прежнему не решен вопрос относительно термина «классицизм», его правомерности применительно к данному периоду.

Оставляя открытым вопрос относительно названия этого периода в польской литературе, имея в виду, что классицизм в начале XX в. не был монолитным и совмещался с другими художественными веяниями, мы хотим, однако, подчеркнуть, что тяготение к возрождению классиче-

¹ L. H. Morstin. *Życie artystyczne i imysłowe Krakowa i Paryża przed dwudziestu pięciu laty*. Kraków, 1934, s. 4 (далее ссылки даны по этому изданию).

² Имеется в виду полемика на страницах краковской литературной газеты «Жиче литерацке», в которой среди других приняли участие поэты Я. М. Рымкевич (как приверженец классицизма), автор книги «Сzum jest klasycyzm (Manifesty poetyckie)», Warszawa, 1967, — и Ю. Пшибось (в качестве его противника).

³ J. P r o k o p. *Z przemian ideowoartystycznych w literaturze polskiej lat 1907—1914*. Maszynopis, Warszawa, 1967.

⁴ P. H e r t z. *Zbiór poetów polskich XIX w.*, ks. V. Warszawa, 1967.

⁵ R. P r z y b y ł s k i. *Et in Arcadia ego*. Warszawa, 1966; е г о ж е. *Manifest klasycystyczny* Thomasa Ernesta Hulme'a. «Poezja», 1966, № 9, и др.

ских тенденций было чрезвычайно характерным фактом в польской поэзии того времени, связанным с общей тенденцией к гуманизации искусства, отрицанием символизма, поисками новых средств выразительности.

Ранее всего это движение родилось во Франции — стране здорового, рационального, «классического» духа, где даже символистская лирика несла в себе «ясность Лафонтена и Расина» (М. Яструн). С конца XIX в., а точнее 1891 г. (год публикации манифеста этого нового течения), начинается период, который критики именуют эпохой великого наступления против романтизма и символизма, связывая это движение с «Романской школой» и прежде всего с Жаном Мореасом.

В 1911 г. в Кракове начал выходить журнал «Музейон», который взял на себя функцию информатора о событиях в художественной жизни Франции и явился в Польше глашатаем классических идеалов. Возвращаясь через 25 лет к истокам зарождения в Польше этого нового течения, один из приверженцев его, редактор и издатель «Музейона» Л. И. Морстин, писал: «Молодые польские писатели и художники за поддержкой своих убеждений обращались к Западу, особенно к духовной жизни Франции, которая возвращалась к совершенству формы, к новому классицизму» (стр. 4). И далее: «Нет сомнения, что наш энтузиазм происходил не от желания новаторства и подражания, а от внутренней необходимости, диктуемой нам духом эпохи. После распада „Молодой Польши“, мы чувствовали что искусство не должно быть исключительно собственностью индивидуального каприза, что существуют постоянные принципы творчества, которые в течение тысячи лет служили нерушимым фундаментом художественного вдохновения. И потому мы упорно повторяли принцип, что в пластическом искусстве, как и в литературе, необходимо возвращение к традиции, к поискам нового стиля — в соответствии с неизбежными канонами, которые управляют искусством... Безусловно, широкие читательские круги нас не сразу поняли. Люди, для которых классицизм был синонимом безжизненности и холода, отворачивались от нас с презрением. Но не все и не всегда...» (стр. 7).

В книге Л. И. Морстина задним числом дана программа польского классицизма, того ее крыла, которое группировалось вокруг «Музейона», воспринявшего традиции французского классицизма. «...О „Музейоне“ забыли, — писал Морстин, — как забудется и „Скамандр“, ибо в Польше память очень коротка. А представлял он, однако, в художественной эволюции Польши прекрасную страницу. Провозглашенный им классицизм имел влияние на поэзию скамандритов и до сих пор освещает польское творчество своим лучезарным блеском. Ибо классицизм не является копированием прошлого — это еще раз необходимо со всей четкостью повторить... Классицизм это чувство меры в стиле и дисциплина в творчестве, а дисциплине этой послушны те, которые знают цену традиции. Традиция в искусстве не есть подражание великим мастерам эпохи... Классицизм — это также логика композиции... необходимость придания гармонической линии вдохновению, сосредоточенный и сдержанный труд» (стр. 25—26). Защищая многогранную и «земную» оболочку греческого искусства от академизма, Морстин защищает от той же академичности и классицизм «Музейона», который с его точки зрения был несправедливо назван неоклассицизмом. «Был он (классицизм, — Н. Б.) выражением творческого беспокойства целого поколения художников, а не фантазией небольшого числа людей... „Музейон“ тем отличается от многих изданий своей эпохи, что он именно чего-то хотел... Можно было бороться с его тенденциями, но нельзя было обходить их молчанием...» (стр. 27).

Краков, столица польской гуманистической культуры (своим высоким уровнем журнал был обязан горячей поддержке профессоров Ягеллон-

ского университета), и Париж (редакцию «Музейона» в Париже представлял В. Костельский) явились центрами польского классицизма. В первом выпуске «Музейона» в разделе «Хроника» было опубликовано обращение редакции к читателям, где говорилось, что журнал стремится объединить тех, кто ощущает в себе привязанность к классической красоте в национальной художественной культуре; подчеркивалась мысль, что искусство должно быть связано со своей эпохой и одновременно сохранять преемственность традиций прошлого.

«Музейон» активно выступал против эстетики модернизма, обращался к идеалам античности и Возрождения, был тесно связан с художественной жизнью Франции. Поиск старых источников для новой жизни в искусстве стали его лозунгом.

На страницах «Музейона» мы встречаемся с именами Яна Каспровича, уже достигшего в те годы зрелости (стихи из цикла «Мгновения», переводы Эсхила), молодого Морстина (оригинальные стихи и переводы из «Энеиды» Вергилия, из Феокрита). Выступает на его страницах В. Костельский (с переводами и отрывками из будущих «Терцин») и Э. Лещиньский, публикует свои переводы из Леонардо да Винчи В. Козицкий⁶. В «Музейоне» печатается цикл песен Горация в переводах польских поэтов от Я. Кохановского до Л. Морстина со вступительной статьей профессора Ягеллонского университета, знатока и страстного поклонника античности К. Моравского. Отдает «Музейон» дань и Жану Мореасу. По сравнению с «Лямусом», журналом, выходившим во Львове в 1908—1913 гг., поэтическое лицо «Музейона» было определенно классическим. Патроном этой поэзии выступает Л. Стафф. В сравнении с Каспровичем, — отмечал Морстин, — Стафф, безусловно, был для нас более близок. «Музейон» не только охотно предоставляет ему свои страницы — за три года существования журнала здесь были опубликованы три статьи о стаффовской поэзии и все три с классических позиций⁷.

Значительное место в журнале занимали критические статьи, раскрывающие его общественно-философские и эстетические принципы, отражавшие черты нового художественного поколения, идущего на смену «Молодой Польше». Новым веяниям в философии, а именно Бергсону, чья популярность затмевает в это время прежнего кумира Ницше, посвящена статья Морстина «Влияние философских идей на современное литературное творчество», состоящая из двух частей: первая — «Освобождение от нищества», вторая — «Бергсон и метафизика творчества»⁸. В первой части содержится критика философии Ницше: «Его наука о жизни — это учение отдалившегося от нее, уединившегося от людей изгнанника о счастливых островах... Вещает нам о жизни тот, кто с отвращением отвернулся от нее... Еще мы не поняли человека, а уже к сверхчеловеку приказывает устремиться нам Заратустра... Ницше, которого принято считать самым величайшим индивидуалистом, — оказывается односторонним в анализе человеческой души, не понимает ее главных потребностей, которые создают одновременно ее жизнь...» (стр. 77—79). Там же сформулировано и авторское кредо: «Я говорю здесь от своего имени и от имени тех, кто не любит философии молота, а следовательно, от имени тех, кто любит тихую задумчивость, кто

⁶ В. Козицкий — один из ведущих критиков польского классицизма начала века, автор книги «Wgaju Akademosa». (Poezje i szkice krytyczne). Lwów, 1912.

⁷ В последние годы существования «Музейона» Лещиньский открыл Тувима — ему должны были посвятить специальный номер журнала, редакция намеревалась пригласить его постоянно сотрудничать в нем, но было поздно — финансовый бюджет журнала истек. 1913 год был третьим и последним годом его существования.

⁸ «Museion», R. I, z. II, s. 76—84; z. IV, s. 65—72.

склоняется в удивлении и восторге перед памятниками культуры человеческого духа. И не важно, будет ли это прекрасное искусство Эллады или христианства, культ Диониса или св. Франциска...». В заключении у Морстина прямо звучит утверждение: «Мы становимся классическими...» — и непосредственно программное: «Под классицизмом я понимаю не бессмысленное подражание грекам, а понятие и ощущение того, что является существом дионисийским... Душа эллинов заключала в себе полноту человеческого. Все свойства человеческой природы она соединила в своей божественной вере в идеал... слила в целостность такую совершенную и законченную...» (стр. 83).

Вторая часть начинается рассуждениями о таинствах поэтического творчества, о значении интуиции в творческом воображении. И здесь, по мнению Морстина, художник соприкасается с философскими взглядами Бергсона.

Теорией поэзии занимался в «Музейоне» Э. Лещиньский, о котором Морстин писал: никогда не встречал человека, так который бы, как он любил поэзию. В нескольких номерах журнала печатается его эстетическое исследование «О гармонии слова». Лещиньский прослеживает взаимодействие поэзии с обыденной человеческой речью, принимая за общий материал для обеих — живое слово. У истоков человеческой речи стоял чувственный элемент, который позднее уступил место «понятийному», но не исчез окончательно. В каждом искреннем поэтическом голосе, в каждом образе, несущем в себе неутраченную свежесть, Лещиньский слышит возрожденное во всей своей полноте слово. Главное место в лирике Лещиньский отводит субъективному моменту, считая душой ее ритмическую музыкальность (к этой импрессионистской музыкальной стихии тяготеет он в собственной лирике).

Постоянный сотрудник журнала Владимир Гюнтер писал о французской литературе, о современном и старом театре, о Мольере и т. д. В круг актуальной в те годы проблемы двух культур — восточной и западной, русской и классической, с которой связывалась польская культура, объединенная с западной общим религиозным истоком, — непосредственно вводит его статья «На полюсах творчества»⁹. Решающей в художественном творчестве провозглашается форма. Форма и разум — вот что, по мнению Гюнтера, составляет основу классицизма, который обращается к самым глубинным и самым существенным чертам человеческой культуры, неизменным и свойственным людям всех эпох. Францию XVII в. Гюнтер рассматривает как эпоху самого выдающегося классицизма, определяя свойство французской литературы вообще как классической. По его мнению, французская литература с начала XIX в. оказалась впервые ниже литератур других стран по причине своего отхода от классицизма. Переходя затем к польской литературе, Гюнтер признает, что на мировую арену она вышла благодаря романтизму, однако вслед за этим делает акцент на классических истоках, восходящих к Греции, Риму, итальянскому Возрождению. В конце он приходит к выводу, что именно классицизм, идущий из Франции, несет в польскую литературу здоровый дух, освобождая ее от «вредного влияния Востока», а именно русской литературы.

Непосредственно литературной критике посвящена статья Л. Залеского «Существо и границы литературной критики»¹⁰. В ней рассматриваются проблемы метода, причем автор склоняется к методу субъективному (интуиции). Залеский вступает в актуальную дискуссию по поводу двух

⁹ «Museion», R. III, z. VII, s. 3—15.

¹⁰ «Museion», R. III, z. VI, s. 3—25.

лозунгов: «Sztuka dla sztuki» и «Sztuka dla pracy» (последний был эстетическим кредо С. Бжозовского). Решительно высказываясь против первого представления об искусстве, считая, что уже в самом литературном материале таится исток неиндивидуалистический, ибо язык является творением общественного труда многих поколений, Залеский одновременно не принимает и «утилитарных» требований Бжозовского, подчеркивая неповторимость, индивидуализацию искусства. В заключение Залеский образно представляет художника в роли выразителя протеевской воли, а критика — скорее общественной силы, которая принижает и одновременно возвышает художника-творца. В их борьбе, по его мнению, действие личности соединяется с потребностями общества.

Вопросами искусства в «Музейоне» занимался Альфред Лаутербах, его перу принадлежат заметки об искусстве барокко (R. I, z. VII—VIII, s. 136—141), об искусстве христианства и архитектуре Византии (R. II, z. I, III), а также этюд по теории искусства «Искусство и метафизика»¹¹, являющийся еще одним выражением программы сторонников нового искусства, рожденного в первом десятилетии XX в. и озаренного идеалами Бергсона (главный акцент — на интуитивном начале в творческом процессе¹², отрицание крайнего мистицизма, лозунга «искусство для искусства»).

«Музейон» интересовался и традициями восточной культуры (персидской живописи, японской поэзии).

В эти годы развиваются поэтические индивидуальности, тяготеющие к классической манере и вместе с тем далеко выходящие за традиционные рамки «Музейона». Среди них поэты, непосредственно участвовавшие в нем (и в «Лямусе»), определявшие его поэтическое лицо: Л. И. Морстин, В. Костельский, Э. Лещиньский и, конечно, прежде всего Стафф, — и те, кто развивался как бы особняком, но чья принадлежность к этим новым веяниям несомненна.

Ян Мечиславский, известный польскому читателю под именем Яна Мечислава (1884—1927), — поэт, пытавшийся перенести на польскую почву достижения французского неоклассицизма, приверженец, пропагандист и переводчик Жана Мореаса, тень от которого падает на его собственную поэзию. В польскую лирику Мечислав вошел как поэт «чистой интонации», известность он получил благодаря выпущенному в Париже сборнику «Песен» (1910). Тон «признания», доверия к читателю-собеседнику, свидетельствует о несимволистском ключе этой поэзии. Она чиста своим рисунком, своими идеалами, — ей аккомпанирует образ «золотой» и «непорочной» лютни, словно принятой из рук Я. Кохановского.

Красота этих стихов кажется сейчас мертвой. Но нет-нет и блеснет вдруг в них свет живой поэзии, свет живого чувства. Здесь и неожиданность ассоциации, оставляющей ощущение внезапно возникшего, как бы импровизированного образа, и выразительность, почти графическая, рисунка, и, наконец, отточенность формы поэтической миниатюры.

С этой «парижской» линией Я. Мечислава связано направление краковской группы «Музейона». Из ее поэтического трио (Морстин, Костельский, Лещиньский) наиболее «классическим» кажется, на первый взгляд, Л. И. Морстин (1886—1966). Его поэзия словно убрана в античные одежды, даже стихи, проникнутые национальным чувством, имеют римский колорит: «По пустым римским ходил я костелам...».

Но впечатление это внешнее, поэзия Морстина неоднородна, в ней нет логических, рациональных устремлений, страстным поклонником которых был Морстин — редактор «Музейона». Морстин любил в поэзии пе-

¹¹ «Museion», R. II, z. VII, s. 55—71; z. IX, s. 50—59.

¹² В отличие от Гюнтера Лаутербах признает существование не только интуитивного познания, но и познания посредством интеллекта.

Костельная месса (деревенская!) часто служит здесь поэтическим обрамлением — поэт бросает богу-творцу то вызов от лица земли, то упрек, преисполненный горькой иронии. Это земное начало всегда присутствует в поэзии Морстина. С чем связано оно? С классицизмом, который, говоря словами Гульма¹⁵, мог на миг оторваться от земли, но непременно должен был вернуться к ней? Или здесь сильнее связь с поэзией Каспровича, с его образом поэта — защитника людей перед богом? А это значит, что морстиновская поэзия продолжает польский символизм, а нити от него тянутся еще дальше, к романтизму Мицкевича.

Осень:

Smutek przyleciał i siadł na mej duszy
 ...wicher...
 ...w trawach szeleszcze
 myśli me głuszy.
 Gdy już ucichnie ja go słyszę jeszcze
 w duszy.
 A niebo skryło się szarą chmurą,
 jak jedna tafla szkła szaro blada,
 za oknem w rynnie kropla dżdżu spada
 i monotonnie przerywa ciszę...

(«Осень. Перед бурей» из цикла «Песни»)

Здесь все от символизма: серые краски и настроение печали, мелодичность строк (установка на словесное сопровождение к шопеновской прелюдии № 15), возникающая от повторения шипящих согласных, которые акцентируются, оказываясь в словах рифмующихся, передают шум, шелест и шорохи осенней непогоды. Музыка и настроение словно «размывают» образы, может быть, только образ капли дождя, появляющийся в строках с ударным «а», остается — капли, которая мучает поэта своей неустанной монотонностью.

Морстин колеблется между привязанностью к христианской культуре и — античным (языческим) духом, между символистской настроенностью, взлетами в небо — и «земным» притяжением, свойственным новой поэзии.

Придет в эту поэзию не без влияния Стаффа и «просветленность» — именно в этом классицистическом тоне выписан образ «крестьянского» бога, говорящего о себе почти словами стаффовского поэтического вступления к «Цветущей ветви» (1908). И уже несомненно под влиянием Стаффа написан цикл «Песни любви и моря, печали и веселья, дивные песни мои» — Стафф здесь виден в самом названии цикла (так похожем на стаффовское: «Радость и печаль счастья и мгновения»), в прославлении любимой в стиле барокко, в промелькнувшем сравнении жизни (и метафоре счастья) с золотой, вечно стремящейся куда-то птицей. Стаффовское здесь, идущее от античных авторов, восприятие жизни, которая предстает перед поэтом в единстве радости и печали; свойственное Стаффу «удивление» перед этой соединенностью, те же поиски границы между ними, то же, так близкое Стаффу эпикурейско-горацианское наслаждение жизнью. Но в этот мир «блеска, тишины и спокойствия» — мир гармонии и любви вкрапливается капелька горечи: поэт «единственный, кто здесь страдает». И однажды почувдится в этой боли что-то лесьяновское:

Смотри, это жизнь — эта
 боль, эта мука,
 но и вправду должна прийти радость,

¹⁵ Томас Эрнст Гульм — теоретик английского «имажизма», предвосхитивший эстетические идеи Элиота, автор написанного в 1913 г. и изданного в 1924 г. классического манифеста, известного под названием «Романтизм и классицизм».

у кого нет счастья, счастья тот не растратит,
на твоих волосах рука моя песнь

играет:
смотри! наша жизнь — эта боль, эта
мука...

(«Пресыщенности песни» из цикла
«Сорняки, цветущие на урожайном поле»)

Но вернемся к теме Италии, которая служит для этой поэзии краем вдохновения. Италия — родина классической (латинской) культуры и край живой поэзии природы, где «грезящие о счастье своем венецианки прижимают к груди встающее из вод утро»; в то же время итальянские этюды Морстина исполнены драматизма:

Город вечный у ног моих —
город!

.....
пробудилось эхо... и стонет,
что живы памятники, но умерли герои,
.....
в колодцах трава отравлена горечью.

(«Roma Locuta») ¹⁶

С Италией связана у Морстина тема родины: стихи, проникнутые национальными идеалами, часто обрамляются в римский колорит — именно так, весьма своеобразно, входит в поэзию Морстина патриотическая тема. Связь здесь не только внешняя, Рим — символ католической культуры, к чьим истокам восходит культура родины поэта, об умирании которой скорбит он ¹⁷. Этим ощущением проникнуты «Исторические песни» — песни прошлого Польши. Но это песни не только скорби, но и песни проклятия, песни славы и веры, вовсе не классические, ибо сам их строй разрывает оковы, которые сознательно одевает на себя классицизм.

Итак, лишь эпизодом явилась для поэта гармония духа и формы. Но не будем обвинять Морстина в неверности традиции. Он был верен ей, только традиция эта была не классической, а — романтической. После революции 1905 года, накануне первой мировой войны, когда забрезжили у поляков надежды на независимость, живую плоть обретал повстанческий дух польского романтизма — верность ему хранили «Песни» Морстина, он реял над всей польской поэзией начала XX в., которая, выступив против символизма, по воле судьбы оказалась связанной с той самой романтической традицией, широкой реакцией против которой явился европейский (французский и английский) классицизм конца XIX — первого десятилетия XX в.

Неумеренный в своих оценках, если речь шла о его приверженцах, Морстин назвал поэзию Костельского (1886—1933) «жемчужиной польской лирики». В отличие от Морстина Костельский издал при жизни всего один поэтический сборник «У берега тишины» (1919) ¹⁸. В цикле «Песен» Костельский чем-то напоминает Морстина, может быть своим диалогом с богом, который так же, как у Морстина, порой бывает для людей «словно чужим дедом, что прибыл издалека, из неведомой страны»; только глубже и сильнее звучит в этих религиозных стихах гуманистическая интонация:

И цветы превращали в камни,
в витражи переливали краски

.....

¹⁶ «Roma Locuta» из цикла «По пустым римским ходил я костелам» (сборник «Пред костелом»).

¹⁷ Морстин входит здесь в круг проблем, волнующих его поколение, в частности дает собственную поэтическую интерпретацию проблемы двух культур.

¹⁸ Часть из этих стихов печаталась ранее в «Музейоне».

рисовали Тебя на небосклоне.

И осталась после них печаль на
долгие века тоски,
как сдавленный от боли плач.

Осталась лишь печаль и доля
Твоя скитальца.

(«Божьи дороги»)

Этот диалог наполняется раздумьями поэта о родине, о его ответственности — ответственности всей нации за свою горькую судьбу:

Моя вина это, Боже, моя вина
великая,
и вину эту с народом всем своим
я разделяю

.....
наша вина это, Боже, наша вина

И ты, народ мой, меж народов не последний,
.....
и уже встанет в новое мгновенье
великих действий мой народ достойный...

(«Confiteor»)

Входит в эту поэзию, как и у Морстина, патриотическая тема, тема прошлого — будущего, которое пробуждается в снах — мечтах о возрождении Польши и противостоит настоящему:

Ты (народ. — Н. Б.) уносился в вихрях
шумных
В какой-то дивной мании свободы,
В степные безграничные просторы.
...Теперь же, словно сон после беспробудной
ночи,
Остался нищенский лишь посох и лохмотья...

(«Польская песнь»)

И в гармонии с этим настоящим — образ поэта, который когда-то был корсаром, а теперь он антиквар, собирающий «вышивки, серебро, сабли и доспехи», и лишь иногда в его груди «затрепещет дух корсара» («Корсар»).

Как у Морстина, не разорваны здесь нити связи с «младопольской» поэзией: к языку ее символики прибегает Костельский, обращаясь к романтической (повстанческой) традиции. Дуб, трухлявый днем и светящийся в ночи магическим светом, становится символом скрытых в Польше сил, которые станут источником ее возрождения («Ночное государство»).

Костельский философичнее Морстина, в его поэзии слабее романтическая стихия, яснее и строже стих, который выражает тенденции новой поэзии. Сильно здесь и свойственное последней «земное» притяжение: упала на землю звезда, услышала ручей, птиц, смех детей и... «не затосковала по вечности», а осталась навсегда «упавшей звездой» («Звезда»). В поэзии Костельского есть стремление к спокойствию, к простоте, возвращающей к детству, чистый дух Возрождения.

«Брег тишины» — это символизация стремления человека к вечному покою, который обретает он за жизненной чертой. Но в последнее мгновение, когда он будет прощаться с жизнью, он «еще раз обернется назад, чтоб вспомнить, чего нет на небе... милую побеленную стену... вечер летний, сад... и чьи-то губы, которые он целовал» («У берега тишины»). Своей привязанностью к земному эти строки напоминают лесьяминовские.

В «Эпиллоге» Костельский снова перекликается с Морстином.

Костельский:

С далекой возвращаюсь я дороги,
дыханьем вечности еще объятый.

Морстин:

Недавно был я за земли порогом
и неземным еще я воздухом оваян.

(«Жалобы и молитвы», V)

Но в следующих строках они расходятся. Морстин сохраняет дистанцию между своим поэтическим «я» — и людьми, которые окажутся холодны, равнодушны к его песням, «в хату низкую, темную заглядевшись». Для Костельского же, тоже «вернувшегося из дальней дороги», каждая вещь на этом земном свете «словно друг, с которым давно он расстался».

И поэт верен своему великому долгу — стремление к «действию» свойственно поэтическому поколению начала XX в., именно им пронизан первый стаффовский сборник «Сны о могуществе» (1904), открывающий поэзию нового века. Идеалы эти абстрактны, Костельский идет к своей цели «не зная дороги».

Отдамся я весь волне! Пусть унесет меня!

(«Эпиллог»)

Но оптимистический дух, восставший против декаданса, становится знаменем новой поэзии — сливается с идеалами свободы и независимости, разбуженными революцией 1905 г.

Несколько особняком стоит цикл «Герцины» (после смерти поэта он был издан в 1933 г. как самостоятельный сборник). Но своей философской линией, а именно раздумьями о жизни, о месте поэта в ней он связан с предшествующей поэзией. Здесь как бы продолжается основная линия цикла «У берега тишины» — утверждение земного начала, привязанность поэта к земле:

И в вечности, с земною связанный твердыней,
буду кружить, как аист, я над дома пепелищем?

(«Над мирами и чувствами, где ты край»)

Как от земного берега мне отбиться,
где... вещь каждая к ногам, словно пес верный, припадает?

(«Немногим до сих пор от этого младенца отличаюсь»)

Мотив утверждения земного соединяется с мотивом родины, поэт просит бога «мрачные излучины вод Ахерона превратить в ясный, гладкий Вислы берег».

Сложен, противоречив мир поэта, полон исканий, сомнений:

В одиночестве ночью в блеске
звездном утопая,
миллиарды раз в созвездиях я буду...

(«Я знаю на земле предел свой...»)

Он — «между мирами парящая птица», весь полон изменчивости, напоен духом творчества: «когда же из-под ног моих земля исчезнет, из духа буду я творить, когда не станет глины». И хотя будет отрекаться он от юношеского порыва, хотя, как Стафф, будет почитать он «благоразумие и зрелые годы», умея «ценить терпкое вино», — останется он самим собой, а именно тем, кто призван вечно сомневаться «и разрушать то, чему поклонялся вчера».

Порой рациональный классицист снова берет в нем верх: когда вокруг бурлит жизнь, ведет поэта «любовь и лютни обладанье», но снова будут возникать сомнения...

А может быть мудрее тот, кто по
жизни блуждает,
не спрашивая: куда, откуда и когда?
(«О, страшное „завтра“...»)

В самом этом вопросе таится отрицание. Как у Стаффа, так и у Костельского символ вечных исканий ассоциируется с «младопольской» поэзией, но свидетельством новизны, чертой поэзии нового поколения является связь поэта со слушателем — с грядущими потомками, и вера, что поэзия «в волнениях времен без вести не исчезнет».

Справедливо замечает Я. Прокоп, что поэзия польских классицистов начала XX в. «облекала в гармонические формы видения мира, полные беспокойства»¹⁹, считая терцины Костельского образцом того, как поэтическая гармония противостояла хаосу существования, связывая их с экзистенциалистской позицией современного неоклассицизма. Следуя традиции, провозглашенной «Музейоном», заключая свой стих в строгие рамки терцины, бросая порой мудрый, все понимающий стаффовский взгляд, Костельский видел мир в его противоречиях, утверждал пафос исканий.

Лучшим поэтическим сборником С. Милашевского (1886—1944), дебютировавшего в 1907 г. и представлявшего, по мнению Павла Херца, варшавскую линию польского классицизма, признан «Внутренний жест»²⁰. В «Лямусе» (в рубрике «О присланных в редакцию книгах») о Милашевском было написано: «...Это один из самых способных авторов последнего времени. Он отличается глубокой мыслью, безукоризненной формой и художественной культурой, однако имеет определенную склонность к манерности и черты декаданса, где больше раздумья над жизнью, чем самой жизни, — однако, впрочем, может быть это только манера молодости».

Черты декаданса в этой поэзии совмещаются с неоклассицизмом, который противопоставлял своим предшественникам-символистам оптимистическое воззрение на мир. Впрочем, этот оптимизм был «теоретическим». В поэзии, за исключением Стаффа, «в гармонические формы облекались видения мира, полные беспокойства». Однако, если это верно в отношении Костельского, то едва ли гармонических форм ищет Милашевский, художник не любивший чистых, спокойных, ровных линий, словно боявшийся гармонии.

Жизнь: зрелых колосьев привет ароматный
для солнца, лета ... и даже человека.
Жизнь — по умершем старце тихий звон погребальный,
гласящий: видно жизнь существует, однако, ибо уходит...
(«О Лауренций» из цикла «Шекспир»)

И в другом стихотворении он скажет: «Надо любить жизнь даже с ее грязью» («Сэр Джон Фальстаф») — в этом провозглашении слышится стаффовский голос. Но его заглушает другой — мир полон противоречий, контрастов. Телеграфные столбы поют о том, что «по их волосам бегут приговоры людям, которые разгонят их убогую радость» («Песня телеграфных столбов»). Живет в этом мире «унылого видения грозное великолепие», символ порока — Каин. И рождаются видения гротескные, не люди — толпа:

Люди... нет, уже только толпа —
смерть в конвульсиях пляшет...
(«Толпа»)

¹⁹ J. Prokop. Ibid., s. 152.

²⁰ S. Miłaszewski. Gest wewnętrzny. Warszawa, 1911. Этот сборник и положен в основу нашего анализа.

Жизнь оборачивается «необходимым партнером», который упрекает поэта, что он «вместо того, чтобы играть, как дитя, забавляется картами» («Карты») — жизнь фальшива.

Модернистская боль существования оказывается у Милашевского укрытой «под объективной маской ироиколической стилизации»²¹. Рождаются стихи подобные «Свадьбе паяца»:

Я понимаю неодолимую необходимость женитьбы
для тебя, милый мой мальчик, из окна магазина,
Пьеро с голубой кровью, изысканный паяц,
как целебное средство от тупого сплина...

И концовка:

Воспоминание о бродягах, что подчиняются скуке,
отравит свадебного путешествия приятную тяжесть,
когда жестяным поездом помчитесь вы, как люди,
спешащие в печальные города с веселыми названиями.

Люди-куклы — одна маска, веселые названия печальных городов — другая. Но однажды вырвется у поэта признание, что он бессмысленно прячет боль («К парку»). И обнажатся маски — откроется затаенное («Сон»), боль станет осязаемой, зримой:

Идут духи нищих, а я смотрю на кровавую
ржавчину их чела, ощущая всемогущую силу боли,
и вижу, как жуткие духи крадут у меня
солнце ночи — чудесную лампу Аладдина.

(«Двор»)

«Черта этой поэзии, — говорит Прокоп, — некое мерцание, неуловимость, глубина и одновременно дистанция, сентиментальность и одновременно ирония»²². Женский портрет у Милашевского дан в ключе «мадонн Рафаэля и одновременно грубых рубенсовских телес...» — и чарует он, этот образ уснувшей девушки, сам ставший сном; поэт жаждет прикоснуться к ее губам в ожидании исполнения чуда... И отходит..., оставляя в стихах ощущение недосказанного («Солнечная игра»). Даже в таком посвящении родине, как «Сочельник», соединяются эти два элемента.

Я зиму взял с собою в теплые
края чужие...

В этих строках так много чувства, они почти сентиментальны, и так неожиданно их светлый мир «разрушается» — поэт мечтает о том, что, может быть, придут к нему в сочельник две замерзшие сиротки и просят бога:

Пусть в чужих теплых краях не смутит их
снег моей мечты, кажется, не очень белый.

Входит в эту поэзию город, город драматический:

Вас — какофонии жизни случайные слушатели,
на светские курьезы искоса смотрящие,
жители домов, куда ни один гость не постучится,
...вас, бездельников — завседатаев городских улочек,
...вас, достойные мои братья, люблю я и город...

(«Вам»)

Вот к кому адресуется поэзия Милашевского, и обращение это как эстафету затем примут поэты следующих поколений.

У Милашевского есть черта, объединяющая его со всей поэзией «классического возрождения» начала века. В связи с сошествием поэта с «метафизических» высот на землю появляется любовь к мелочам повседне-

²¹ J. Prokop. Ibid., s. 155.

²² J. Prokop. Ibid., s. 155.

ности, поэтизация их, которую Прокоп называет «высоким стилем» и которая будет воспринята «Скамандром». Поэзия Милашевского приобретает вещественность — вещи хранят в себе человеческие позы и трагические маски. В излюбленном Милашевским ироническом тоне написан «Эпилог» о жестах, в его драматизме и пластичности так много от театра, с которым тесно связана эта поэзия. «...Жесты... вплелись в сон почтового ящика, пребывающего в полупечальном раздумье... жесты... рядом на мраморной опирается пепельнице окуроч папиросы, сгоревший в дыму ранних впечатлений, труп со слезами очарования на никнущем личике, клоун-фантаст, что хотел быть в трагедии колоссом».

В этой многозначной, ироническо-импрессионистской, словно боящейся чистоты, контрастной поэзии большую роль играет метафора. В стихотворении «Дездемона» из цикла «Шекспир» конец истории любви Дездемоны, чей облик подобен «апрельскому утру», и Мавра выливается в метафорический образ: «Упал утренний сон, жаром убитый полудня...».

Направлением новой поэзии было возрождение живого образа природы и особое тяготение к искусству, связывавшему ее с традицией прошлого. Милашевский обращается к Риму, к его памятникам, — не ясность, не безмятежность, не чистоту линий хранят его творения, — кажется поэту, что ночью в молчании собираются они на огромном сейме; молчавшие веками, они и здесь призывают к молчанию, а тут же рядом кипит страстями и борьбой живой город, кричащий о своей боли («Ночь в Риме»). Искусство учит Милашевского стойчески переносить все невзгоды, но не является ли этот стоицизм еще одной маской?

Правда, соприкосновение с искусством и античными легендами пробуждает и иные, теплые, шутливо восторженные интонации. У Милашевского есть и стихотворение о беззащитности искусства перед человеком («Копия богини») — это словно поэтический комментарий к статьям о природе и культуре, публиковавшимся на страницах «Музейона» и «Лямуса». Не о бессмертии, а о постепенном умирании прекрасных памятников искусства говорят эти проникнутые грустью строки.

И природа здесь так не похожа на тот классический, овеянный светлой печалью осенний образ, с которым мы встречаемся у Стаффа.

Осень Милашевского:

К ногам моим клен отряхнул листья:
кровь чудо-девушки, умирающей от ножа мачехи.

Этот метафорический образ гармонирует с драматическим духом его поэзии. В этой поэзии природа навсегда соединилась с человеческой болью: «взялись за руки: сонная тишина лесная и рыдающая душа, ее ровесница-сестра» («Бор»). И, наверное, только однажды придут к Милашевскому строки в классическом горацанском духе об изменчивости природы. Лишь на миг.

Этой поэзии сродни ветер, «что травам только любит рассказывать сказки или (истинный маньяк и мот при этом) на тонких тропках из града укладывает мозаику» («Слышу старых акаций...»). Поэт колеблется между стремлением «разгадать пол бесплодной земли или отступить перед ветром в город, к людям», и он вернется к нему, как вернется и его маска, но в последних строках цикла он попросит ветер:

Ветер, ветер! овевающий холодом
вспоминания,
.....
на печальных лицах людей
осуши мимоходом
те слезы, которые не хочется превращать
в кухонную соль.
(«Зеленью мга»)

Здесь нет иронии, здесь только сострадание к человеческим несчастьям. Милашевский многогранен. Его вдохновляет Шекспир — «дивный союз сил Творца с инстинктом актера», драматичный, трагедийный, чьим образом овееяна его собственная поэзия, влечет Рембо, Некрасов — поэт печального «Утра», чистый Мореас с его умудренностью и «аполлоновской лирой» — переводы их заключают сборник.

В польской поэзии этого периода есть еще одно имя, стоящее особняком, но небезотносительное к проблемам классицизма. Это — Лешек Конопацкий²³. Одновременно с выходом в свет сборника Стаффа «Улыбки мгновений», второго его классического сборника после «Цветущей ветви», Л. Конопацкий выпускает поэтический манифест, в котором было много точек соприкосновения с программой акмеистов. Он был опубликован как вступительное слово о новом стиле в поэзии к поэтическому дневнику Конопацкого «На Крымском берегу»²⁴. Конопацкий обвиняет своих предшественников в неискренности, стилевой манерности (заметьте, что имеется в виду и стилизация под античность), в крайнем индивидуализме. «Земля еще широка и до конца не познана. Есть на ней уголки (как и в сердце подлинно человеческом), где божественный голос жизни не умирает, а журчит, как чистый родник... Пусть же поэты ищут этих уголков не воображением, а идут к ним шагами искателей...» (стр. 5). Как представитель нового течения Конопацкий выступает, с одной стороны, против дикого эгоцентризма, переходящего границы фантазии, с другой — против натурализма с его «тривиальной повседневностью, имеющего с эстетическим впечатлением лишь отдаленную связь». Выступая против «обожествления индивидуума как наивысшего проявления творческого духа», Конопацкий утверждает необходимость связи с читателем: «Если художник считает искусство достойной вещью, тогда ищет он своего отражения в других...» (стр. 7). Тот господин, кто не только извне, но и изнутри, как дьявол, воздвигает трон своего могущества в сердце человека» (стр. 8). Человек связан с окружающим миром, но и природа, по мнению Конопацкого, не индифферентна. И заключает Конопацкий свое вступление словами: «...Прошу мне верить, во сто раз труднее спрашивать собственную душу о каждой детали и силиться отразить действительность, чем дать волю фантазии и свободно улететь в безграничные просторы сочинительства» (стр. 10). И как бы непосредственным подтверждением тому являются строки поэтического пролога:

Может быть, кто-нибудь умеет подхлестывать
воображение,
.....
Ослепляя людские взоры,
Но я не могу, меня мучает печаль,
Что так бессильны эти нити из лучей
И стобашенные столицы иллюзий
Так легко рассыпаются в ничто о жизни скалы!
О, прекрасной правды дайте золотые
груды —
Я перекую их, чтобы светом сверкали...

Поэт ищет слушателя, ищет интуитивно, «внутренне» обращаясь к нему. Его влечет желание полететь вместе с вихрем: «...Но напрасны порывы! тело — тяжелая глыба...» («Горы и море») — здесь сталкиваются две диаметрально противоположности: полет и земное притяжение.

²³ Ни один из исследователей поэзии польского классицизма XX в., кроме Р. Пшибыльского, не обратил на него внимания.

²⁴ Л. Конопацкий. Na Krymskim wybrzeżu. Kraków, 1910, s. 3—10.

Но стиль новой поэзии побеждает. Образ Крыма у Конопацкого сродни той стихии света, разделенности предметов, четко вырисованным линиям, которые имели для русских акмеистов притягательную силу как выражение романского духа. Поэтизируя природу, Конопацкий обращается к средствам живописи — краски, от полных до полутональных, линии, их движение, изменчивость:

Солнце... И фиолетовые чернила вод
 ...Блестят от ясных пятен...
 ...Гребни пеняются
 Белейшим снегом, изумрудом, зеленью...

(Из цикла «Горы и море»)

Есть мгновенье, «когда тень едва еще голубеет», это еще не сумерки, но уже и не день. А поздний вечер таит в себе очарование контрастных линий, из общей картины вдруг выразительней, как бы на первый план, выступает «молчанья знаком колонна кипариса».

Природа прекрасна, но не холодной, а живой своей красотой — она встает как контраст городу, который воспринимается поэтом негативно, — здесь Конопацкий прибегает к тем самым «реалиям тривиальной повседневности», эстетическую природу которых он отрицает в своем манифесте.

Но рядом с этим, таким ясным, таким «прозрачным» Конопацкий был и другой — автор изданной ранее «Поэзии»²⁵. В этой лирике нет сострадания. Природа здесь интересует поэта как бы со стороны метафизической, как вселенная, где в «одно таинственное целое сплетается душа с телом» — и тут же в это светлое утверждение гармонии вкрадывается сомнение: «а людям вечно будет казаться, что двум врагам подобны душа и тело?» («Королевство земли»). В представлении Конопацкого «гармония живая не есть одна и та же, — изменчивое вечно таинственное соглядасье» («Весна»).

Поэзия Конопацкого носит маску, маска «веселья» таит в себе «печаль одиночества, сдавленные слезы, и муку бессилья, и бунт напрасный и иллюзий могилы...» («Шутовство») — она все время двойственна. «Наслаждение кратко и все напрасно. И есть дно в глубине каждого бокала» («В городском саду»). Герой ведет толпу против трона, но в нем самом нет веры, он осужден на смерть и хочет умереть мужественно, хотя был вождем «без искры вдохновенья»:

Пусть же комедия до конца свершится...

Эта поэзия экспрессионистична — в этом плане целиком написана «Резня». Бог Атма, пришедший спасти людей от бед, провозглашает день «откровения» и сам в этот день совершает страшные преступления. Народ убивает его... и в ужасе видит, что убил — бога. Все здесь доведено до гротеска.

И лишь в конце оставляет поэта эта двойственность, и он обретает голос искренний, лирический в «Апострофе» — печальном посвящении родине. «О, польская земля..., озаренная лучами солнечной славы..., ты пала разбитой». Но «в ясных глубинах лесного озера и в песнях бора..., в тихой печали кровавого вечера» остались «кусочки» твоей короны.

Итак, ощущая настоятельную необходимость обновления художественного творчества, солидаризируясь с общим тяготением к классицизму, охватившему в конце XIX — начале XX в. Европу, польские художники в первом десятилетии XX в. выступают с программой нового искусства. Приверженцы этих новых художественных тенденций группируются вокруг журнала «Музейон» (1911—1913). Независимо в 1910 г.

²⁵ L. K o n o p a s k i. Poezje. Kraków, 1907.

выступает с манифестом нового поэтического поколения Лешек Конопакский, который связан с программой «Музейона» своим отрицанием символизма и утверждением новой поэзии. Правда, Конопакский не примет лозунга «Музейона»: «Поиски старых источников для новой жизни», но этот лозунг был чисто теоретическим — на практике сторонники «Музейона» окажутся далеки от него. И само течение польского классицизма начала XX в. было сложным: оно не утратило в своей художественной практике связи с «младопольской» поэзией, которую отрицало в теории (Морстин), стремилось к классическому совершенству формы и одновременно сопричислялось этой гармонии (Костельский), соединило достижения импрессионистов с новыми поэтическими интонациями (Милашевский).

В силу особых исторических, национальных условий накануне первой мировой войны и незадолго до освобождения Польши польский классицизм провозглашает не стабильность общественных отношений, а служение идеалам национального освобождения, воскрешения романтических (повстанческих) традиций. Выступивший в начале XX в. против символизма, он не питает антипатии к романтизму, чьим светом озарена вся польская поэзия. Это в идеологии, а в философии? Странным кажется сейчас, что, утверждая в теории превыше всего разум, польский классицизм избрал своим кумиром Бергсона, который вознес интуицию над интеллектом, Бергсона, чей творческий дух чужд строгой логике классицизма. Не разорвет он связей и с Ницше. Польский классицизм связан с Ницше как автором «Рождения трагедии», с его восприятием античности (в лице Стаффа, Морстина, Милашевского).

Несомненно одно, что в польской поэзии (и не только польской!) первого десятилетия XX в. (а процесс этот начался раньше, с конца XIX в.) заметно возрождение классических тенденций, общее стремление к гуманизации искусства — снимается лозунг «искусства для искусства», поэзия спускается на землю, обращается к человеку, к реальной действительности. Это земное начало утверждается как в поэзии Костельского, тяготеющего к классицизму, так и в поэзии Лесьмяна, тяготеющего к экспрессионизму. Поэзия этого поколения порой оказывается не в силах разорвать связи с предшественниками, но ее лучшие представители ищут новых средств поэтической выразительности²⁶, стремятся освободить из символистского плена «запечатанный» поэтический образ, ввести «реалии» предметного мира, возродить в поэзии природу, чтобы все «пело, цвело и благоухало». Эти слова принадлежат Болеславу Лесьмяну. Именно он и Леопольд Стафф, поэты различные по своему художественному облику и творческому темпераменту, стали наиболее яркими представителями этого нового поэтического поколения. А с именем Стаффа связана оригинальная страница польского классицизма XX в.²⁷

²⁶ Свидетельством этих поисков — свойственного польской поэзии в эти годы стремления к классической ясности и совершенству формы — является последний этап творчества представителя старшего поколения Я. Каспровича, открывающийся циклом «Мгновения» (1910).

²⁷ Поэзии Стаффа будет посвящена специальная работа.

Ю. А. КАРПЕНКО

ЛИНГВИСТИКА — ГЕОГРАФИЯ — ИСТОРИЯ (Проблемы топонимического этимологизирования)

Не выходя за пределы лингвистики, получить полнокровную этимологию топонима невозможно. Если исключить субстратную и особенно суб-субстратную топонимию, то для подавляющего большинства собственных географических названий любой территории сравнительно легко определить и идентифицировать корневой элемент. Словообразовательное членение топонима (с установлением непосредственно составляющих) достигается несколько сложнее, но и эта процедура принципиально осуществима чисто лингвистическим путем. Даже для двусмысленных структур (типа рус. *Иван-овка* или *Иванов-ка*, болг. *Драган-овец* или *Драганов-ец*, чеш. *Broz-ánky*¹ или *Brozán-ky*, польск. *Maciej-owice* или *Maciejow-ice*) можно, учтя продуктивность топоформантов и хронологическую стратиграфию топонимов, предложить приемлемую методику однозначных решений. В результате устанавливается слово, от которого непосредственно образовано собственное географическое название.

На этом возможности проникновения лингвистики в глубь топонима исчерпываются. Лингвистика находит корень собственного географического названия и, что неизмеримо важнее, слово, от которого это название образовано. Можно, конечно, установить, от какого слова образовано исходное для топонима слово, и, повторяя этимологические операции, найти несколько слов-предков, порождающих друг друга. Этим путем иногда следуют, но он, будучи интересным (и важным!) для нетопонимического этимологизирования, в топонимике абсолютно бесперспективен.

Для топонимической этимологии существен лишь момент перехода нарицательного слова (или, что в данном случае безразлично, другого собственного имени) в топоним. Но этот момент должен быть изучен обстоятельно и всесторонне. Нельзя упускать ни одной детали, ибо каждая из них может оказаться решающей.

Поэтому, зная, например, что названия рек польск. *Czernica* словен. *Črnica* этимологически восходят к прилагательному *чърнь*, в сущности мы еще почти ничего не знаем о происхождении гидронимов *Czernica*, *Črnica*. Конечно лингвистика может предложить определенный семантический комментарий процесса образования топонима. Однако этот комментарий останется расплывчивым и гадательным. Даже наиболее надежные в этом смысле методы — такие, как анализ топонимических микросистем, изучение вариантов собственного географического названия, установление семантических закономерностей соединения основ с топоформантами — очень часто не дают точного ответа на вопрос, что же означало слово, от которого образован топоним.

¹ Ср. V. Š m i l a u e r. Úvod do toponomastiky. Praha, 1966, s. 95.

Делать заключения о семантике исходного для топонима слова по современному значению этого слова нельзя, так как семантика слов изменяется. Еще существенней территориальные, диалектные семантические вариации, а в топонимии мы имеем дело прежде всего с этими разнообразными вариациями, поскольку топонимы привязаны к земле, создаются в разных точках территории носителями (если оставаться внутри одного языка) разных диалектов. Историческая семасиология может предложить подробнейшую картину семантической динамики слова, но она не скажет вам, какое именно из старых значений слова вошло в топоним.

При этимологизировании нарицательной лексики надежным подспорьем для заключений о прошлом является настоящее: о значении исходного слова мы можем в какой-то мере судить по современному значению изучаемого образования. В топонимике этимологизирование не может воспользоваться этим путем, так как топонимы лишены семантики в общепринятом смысле этого термина, так как здесь нет свойственного нарицательным словам семантического разнообразия. В этом заключается одно из существеннейших различий топонимического и нетопонимического этимологизирования.

Поэтому лингвистический этап этимологизирования собственных географических названий следует признать лишь первым, начальным, но никак не окончательным, конечным. За этим первым этапом должен следовать второй, на котором исследователь выходит за пределы лингвистики, обращаясь к вещам, к реальному миру. Специфическим для топонимии миром реальностей является прежде всего география.

Изучение реалий, вообще немаловажное в этимологии (*Wörter und Sachen!*), при анализе происхождения собственных географических названий становится делом первостепенной важности. Если бы было установлено, что реки польск. *Czernica*, словен. *Črnica* имеют черные берега или что вода в них черноватого цвета, то происхождение этих гидронимов стало бы куда более ясным, чем в том случае, когда мы предполагаем лишь, что названия эти произведены соответственно от польск. *czarny*, словен. *črni*.

И речь здесь идет не только, даже не столько, о выделении одного из значений полисемантического слова, например, о выделении у прилагательного *черный* значений 'черный цвет', 'нечистый', 'стоячий' (ср. *черные воды*), 'обратный' (ср. *черная речка*, г. е. рукав), или обобщенно-гидронимического значения, проявляющегося в парах типа *Черный Черемонь — Белый Черемонь*. Изучение реалий позволяет не только уточнить семантический оттенок исходного для топонима слова, но и перейти от этого уже обобщенного, абстрагированного словом оттенка к его конкретному носителю. А в топонимии такой носитель всегда единственный, неповторимый.

Топонимы — собственные имена, названия единичных, отдельных предметов. Поэтому в основу их кладется совершенно конкретный признак, принципиально неповторимый в своей реальности, хотя возможны сотни повторяющихся ситуаций и, таким образом, появление сотен омонимичных, внешне одинаковых названий. Два одноименных географических объекта (например, в словенской гидронимии две реки с названием *Črnica* или две реки с названием *Čermenica* — от *črmyň* 'красный, багряный'²⁾ получают свои названия от разных в принципе признаков. Так, каждая *Čermenica* имеет, скажем, с в о и красные берега. И вовсе

² F. Bezla j. Slovenska vodna imena, del. 1. Ljubljana, 1956, s. 122—123, 116.

не исключается, что одна *Czermenica* названа по цвету берегов, а другая — по цвету воды или по растительности.

В топонимии в общем нет семантической генерализации, свойственной нарицательным названиям. Здесь кроется еще одно важное различие топонимического и нетопонимического этимологизирования. Объяснив нарицательное название, мы тем самым раскрыли происхождение наименования всех его носителей. А объяснив топоним, мы проникли в этимологическую суть имени только одного объекта. Для названия другого объекта, пусть имеющего то же звучание, нужно начинать все сначала.

Так, вероятно, все четыре *Czernice*, фиксируемые в польской гидронимии бассейна Вислы, имеют совершенно разные этимологии, о чем можно судить по их вариантам и по гидронимическому контексту. Одна *Czernica* называется иначе *Czerniew*³, что заставляет подозревать происхождение ее от антропонима. Другая *Czernica* является вторым именем реки *Czerska Struga*⁴, которое возникло в результате суффиксальной субстантивации нецветового прилагательного *Czerska*. У третьей *Czernicy*, которая соединена с озером *Święte*⁵, не исключена связь с *czernica* 'монашка' (если название озера не возникло народноэтимологическим путем, опирающимся на переосмысление гидронима *Czernica*). И, наконец, четвертая *Czernica* является притоком *Czarnej Wody*⁶, и таким образом, деминутивом от этого гидронима⁷.

Поэтому идущий от Ф. Миклошича «общекомпаративистский» подход к изучению собственных географических названий (при котором они сопоставляются бесконечными рядами, лишь бы присутствовали закономерные межславянские фонетические соответствия) представляется неприемлемым или, во всяком случае, малоперспективным. Поэтому этимологизирование топонимов посредством соотнесения их с другими топонимами вряд ли можно признать самым лучшим путем, хотя, впрочем, иногда в распоряжении исследователя имеется только один этот путь⁸.

Разного рода обобщения корневых элементов топонимов, в частности ареальные их исследования, возможны лишь при условии, что мы ограничимся первым этапом этимологии географических названий — лингвистической их этимологией. Да и то идентификация однозвучных корневых элементов разных топонимов должна быть предварительно самым тщательным образом обоснована.

Вот почему найти в реалии признак, давший толчок к рождению названия, в топонимике особенно важно. Только в этом случае, только при переходе из сферы семантики в мир реальных вещей рассеивается облако неясности вокруг происхождения топонима. На этом втором этапе этимологизации собственного географического названия мы и получаем возможность ответить на вопрос о причинах появления названия. Если лингвистика дает лишь обстоятельный анализ того, как возник топоним, то география зачастую может сообщить нам, почему он возник.

³ «Hydronimia Wisły», cz. I. Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 245.

⁴ Ibid., s. 250.

⁵ Ibid., s. 249.

⁶ Ibid., s. 265.

⁷ Таким образом, ни одна *Czernica* из бассейна Вислы не восходит непосредственно к цветовой семантике прилагательного *czarny*.

⁸ Трудно поэтому согласиться с мнением, что при этимологизации собственных географических названий целесообразно отдавать предпочтение «соответствиям одного и того же уровня (топоним : топоним)». См. О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины, М., 1968, стр. 14. Ср. предложенные в этом исследовании разные этимологии (славянскую и тюркскую) для двух рек с одинаковым именем *Бык* (стр. 250) и разную интерпретацию довской и днепровской *Ведуги* (стр. 7).

Привлечение недоброкачественных географических данных и использование географических фактов без учета специфики, закономерностей собственных географических названий породили в последние годы довольно скептический взгляд на значение географии в топонимических исследованиях. Из разговоров о «географическом натурализме», «географическом примитивизме» — вегах несомненно вредных — складывалось впечатление, что география вообще топонимике не нужна. Однако это далеко не так. Изучая объекты, имена которых составляют предмет топонимики, география на широком фронте исследований теснейшим образом связывается с наукой о собственных географических названиях. И одним из наиболее существенных участков этого фронта является топонимическая этимология.

Создатели собственных географических названий, как правило, научную географию не изучали и вообще смотрели на вещи глазами не теоретиков, а практиков, да еще практиков определенной исторической эпохи. К тому же название объекта возникает обычно до того, как его свойства будут досконально изучены населением. Название — один из первых результатов знакомства с географическим объектом, а не завершающий итог этого знакомства (поэтому так важно установить «первое впечатление» от объекта). Однако название нередко извлекается все-таки из объекта, из его признаков — реально существующих или приписываемых ему.

Поэтому географически грамотный перечень признаков или непосредственное изучение объекта топонимистом содействует этимологизированию названия этого объекта. Поэтому лингвистический этап топонимической этимологии для многих (но не для всех) собственных географических названий требует продолжения анализа на географическом уровне.

Топоним порождается языком и служит знаком для различения географических объектов. Но кроме этих двух сторон — лингвистической и географической — в процессе образования нового географического названия участвует еще и третья, по-видимому, самая важная — топоним создается людьми, носителями языка, которые исходят из своих потребностей, руководствуются определенными взглядами. Поэтому исследователи так решительно и совершенно справедливо подчеркивают историзм собственного географического названия⁹. И географические экскурсы при этимологизации топонимии закономерно дополняются и завершаются историческими студиями.

Топонимическая этимология лишь тогда может считаться полной, когда осуществлен и третий — исторический — этап. На этом этапе — к сожалению, только в идеале — выясняются конкретно-исторические обстоятельства возникновения названия. Значительно углубляется и конкретизируется ответ на вопрос «почему»? Если география может, как мы видели, обнаружить признак объекта, использованный в его названии, и таким образом подсказать, почему возник топоним, то история расскажет, почему именно этот (а не другой) признак послужил основой для наименования.

И если на первых двух этапах топонимического этимологизирования методика исследования остается в пределах соответственно лингвистики и географии, то на третьем этапе мы имеем дело с историей и методикой чисто исторической. Однако следует подчеркнуть, что речь идет не о методах упомянутых наук вообще, а о топонимических трансформациях этих методов. Речь идет о методике научной топонимики, которая опирается поэтапно на лингвистику, географию и историю.

⁹ Ср. у В. А. Никонова («Введение в топонимику», М., 1965, стр. 26): «Историзм — не одна из группочек названий, а основа всех названий».

Для пользы дела эти три этапа этимологизирования собственно географических названий нельзя смешивать. Поясним это следующим примером. И. Заимов в своем ценном топонимическом описании Пирдопской околии (Болгария) выделяет название лесной поляны *Педесятица* в группу названий «Из русского языка»¹⁰. Основанием тому является бережно сохраненное предание, согласно которому здесь во время одного из освободительных походов русских войск на Балканы погибли в битве 50 русских воинов¹¹. Однако даже если название *Педесятица* указывает на русск. *пятьдесят*, а не болг. *петдесет* (что сомнительно), топоним этот образован болгарскими, а не русскими, по своему происхождению он болгарский, а не русский, также как и пирдопское название *Рускиа пат, Руски гроб, Укопа, Паметника*¹². Об этом свидетельствует и состав местного населения и то, что производный от числительного топоним создан по болгарской, а не русской модели — с помощью суффикса *-ица* (ср. болг. *десетица* при русск. *десятка* и под.). Таким образом, при отнесении названия *Педесятица* к русским исторический этап этимологизирования совмещается с лингвистическим. Погибли на этой поляне русские. Это — факт истории, историческое основание имени. Почтили светлую память погибших географическим названием болгары. Это — факт языка, лингвистическая биография имени.

На третьем, историческом, этапе этимологизирования собственных географических названий наиболее важным, по-видимому, является восстановление конкретных событий, реальной истории возникновения топонима. Для конкретного топонима существенны не общие исторические факты, а «микроистория» — события в исторических масштабах, как правило, незначительные и потому быстро забывающиеся даже в районе локализации соответствующего названия. Если географические объекты и их названия можно в целом отнести к явлениям долговечным (конечно, в разной степени), то связанная с названием «микроистория» вместе с давшими название людьми быстро уходит в прошлое. Поэтому исторический этап топонимической этимологизации самый трудный, поэтому он редко достигается. В этимологии собственных географических названий дело останавливается во многих случаях на лингвистическом и в лучшем случае на географическом этапе (если последний вообще не опускается из-за неразработанности использования географических данных в этимологическом исследовании).

Даже такое сравнительно недавнее и в общем важное событие, как присвоение в январе 1795 г. городу, основанному на месте турецкой крепости Хаджибей, имени *Одесса*, уже в значительной степени не сохранило своей микроистории. Неизвестно или не совсем известно, как возникло предположение о локализации древнегреческой колонии *Одессос* в районе Хаджибея, кто решил использовать эту точку зрения для наименования нового города, как и почему форма *Одессос* была переделана в *Одесса*. Забытая микроистория подменяется легендами о бале 6 января 1795 г., на котором Екатерина II согласилась якобы с предложением наречь Хаджибей эллиским названием *Одессос*, но велела сделать это название женским, поскольку мужских и так предостаточно. Эта микроистория может быть в какой-то мере реконструирована лишь по косвенным данным.

Чем дальше идти в древность, тем скуднее становится историческая информация, связанная с географическими названиями. Мы, вероятно, никогда ничего не узнаем, например, о давших свои имена Варшаве и

¹⁰ И. Заимов. Местные имена в Пирдопско. София, 1959, стр. 92.

¹¹ Там же, стр. 227, 57.

¹² Там же, стр. 57.

Кракову людям *Барше* и *Краке*¹³ или *Кроке*, если принять не самую распространенную, но самую убедительную интерпретацию С. Роспонда (*Kraków* — закрепленный традицией книжный вариант первичного *Kroków*)¹⁴.

Однако и исторические сведения общего плана, относящиеся к территории расположения изучаемых топонимов, оказывают при этимологизировании этих топонимов немаловажную помощь. Во-первых, история может подсказать этимологу сферу поиска, предложив, например, перечень языков, исторически вероятных на данной территории. Во-вторых, и это очень важно, знакомство с духом времени, с социальной и этнической структурой населения позволяет — и не так уж редко — реконструировать с большим или меньшим приближением (и обобщением) забытую микроисторию возникновения собственного географического названия.

Тщательное, систематизированное изучение достоверно известных топонимических микроисторий помогает выделить модели исторических ситуаций называния. Эти модели — с учетом как территориальной, так и хронологической специфики — можно затем наложить на те названия, топонимическая микроистория которых неизвестна. И здесь, при таком наложении, контрольными средствами выступают, с одной стороны, словообразовательная структура названия, а с другой, общий исторический фон соответствующего места и времени.

Подобные исторические реконструкции заманчивы, но довольно рискованны. Здесь всегда остается соблазн проявить смелость и пойти дальше, чем позволяют собранные факты. Количество исторических реконструкций, имеющих недостаточное обоснование, в топонимических работах последних лет даже не уменьшилось, а увеличилось. Однако неудачи в реализации вряд ли могут свидетельствовать о ложности самого направления. Реконструирование по косвенным данным неизвестной из прямых свидетельств реальной истории возникновения собственного географического названия, оставаясь всегда методом вероятностным, во многих случаях представляется возможным. Впрочем, приемлемые и разработанные методики здесь еще не предложены.

Исторический этап этимологизирования собственных географических названий в общем достижим лишь для тех эпох, от которых осталась какая-то история. Не случайно в начале этой статьи сделана оговорка по поводу субстратной топонимии. Некоторые топонимические пласты, особенно названия многих рек и гор, будучи древнее прочих исторических свидетельств, относятся к доистории. Здесь история нема и ничем не может помочь топонимике.

В этом случае исследователь волей-неволей останавливается на лингвистическом этапе этимологизирования топонимов. Как много информации можно извлечь из этого уровня, хорошо показала упоминавшаяся монография О. Н. Трубачева о названиях рек Правобережной Украины, значительной частью уходящих в доисторию. Этнолингвистическая интерпретация гидронимии, т. е. чисто лингвистическое этимологизирование названий рек (разумеется, без географического и исторического анализа)¹⁵, позволило автору предложить весьма конкретную и яркую, в не-

¹³ Сводку этимологий названий *Варшава* и *Краков* см.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 75 и 211.

¹⁴ S. Rospond. Onomastyka słowiańska. — «Onomastica», roczn. III, zes. 1, Wrocław, 1957, s. 105—106.

¹⁵ Ср. замечание О. Н. Трубачева: «В интересах цельности исследования материалы нелингвистических исторических наук не используются в качестве основных аргументов данного лингвистического исследования» (О. Н. Трубачев. Там же, стр. 14).

которых случаях даже неожиданную картину расселения народов на большой территории и в широких хронологических рамках.

Однако далеко не все топонимы столь древни. Наоборот, большинство их, даже в кругу речных названий, появилось сравнительно недавно и еще не успело утратить живых этимологических и словообразовательных связей с апеллятивной лексикой или разного рода собственными именами. Часто лингвистическое этимологизирование подобных названий, в отличие от названий темных, в частности субстратных, является столь же несложным (впрочем, и здесь есть свои, иногда большие трудности, протекающие нередко от двусмысленности названий), сколь и неинтересным делом. Для этих названий и предлагается прежде всего продолжение лингвистического этапа этимологизирования географическим и затем историческим этапами.

В этом случае история, равно как и география, предстает дающей, а не берущей стороной. Но ведь взгляды на топонимику только как на вспомогательную историческую науку канули в прошлое. На историческом этапе этимологизирования собственных географических названий, наоборот, история выступает вспомогательной топонимической наукой. Речь идет о взаимопомощи и взаимной поддержке двух наук. Полученные реально-исторические этимологии собственных географических названий, даже если они касаются не отдаленного прошлого, в своей сумме могут дать немаловажный исторический эффект.

На путях предлагаемого здесь географического и исторического этимологизирования топонимов имеются весьма ощутимые трудности, обусловленные и недостаточной топонимической изученностью географических и исторических реалий, и нередким полным и необратимым исчезновением данных, и методической неразработанностью проблемы.

Но по крайней мере один фактор благоприятствует решению этой проблемы. Среди ряда отмеченных и неотмеченных различий этимологизирования топонимов сравнительно с этимологизированием нарицательных названий одно не усложняет, а наоборот, облегчает дело. Локализованность топонимов (если учесть, что случаи их перенесения, как правило, установимы) позволяет узнать место образования названия. Таким образом, здесь заранее известен один из факторов, который почти неопределим для названий нарицательных. Сфера поиска четко и узко ограничивается в пространстве, а лингвистическая этимология ограничивает ее во времени. Эти облегчающие дело ограничения позволяют предполагать успешность поиска.

К XIII Международному конгрессу исторических наук

Доклады на международной
славянской комиссии конгресса

А. С. МЫЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ И КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ЧЕШСКОГО ГОРОДА ПОВЕЛОГОРСКОГО ВРЕМЕНИ

Когда говорят о повелогорском городе, чаще всего рисуется картина глубокого, длительного и даже безнадежного упадка городов в Чешских землях, резкого сокращения их населения, запустения и аграризации некогда оживленных и цветущих, а ныне пришедших в катастрофическое состояние ремесленных и торговых центров. Таково во всяком случае достаточно устойчивое представление, идущее от исследований Гиндели, Крофты, Пекаржа, Клепля и других историков,¹ Поэтому оценка положения и культурно-политической роли города повелогорского времени, условно понимая под последним период от 1620 г. до середины XVIII в., без преувеличения относится к числу не только спорных, но и мало разработанных проблем.

До сих пор изучение городов в Чешских землях повелогорского периода носило преимущественно, хотя, разумеется, и не исключительно, краеведческий уклон. При всей значимости частных региональных исследований сосредоточение внимания на описании истории данного города, данного местечка, особенно если автор придерживался методологии позитивизма, сужало историческое видение, ограничивало возможность некоторых обобщений. Правда, в последние годы чехословацкие историки сделали ряд заслуживающих внимания попыток преодолеть это положение — таковы, например, труды по истории Праги, Пльзня и некоторых других городов².

В целом, однако, изучение города как определенного социально-экономического и культурно-политического целого в качестве самостоятельной проблемы едва ли серьезно началось. В результате, во многом неясными и спорными остаются такие кардинальные вопросы, как положение, социальная структура и, особенно, место города в рамках общей эволюции Чешских земель того времени. Был ли город безразличен к происходившим здесь идейным и культурным процессам, а если нет, то какой вклад вносил он в сохранение и развитие национальной традиции, — на подобные вопросы абстрактные утверждения о глубоком упадке городской жизни в повело-

¹ K. K r o f t a. Bíla hora. Praha, 1913, s. 257; J. P e k á ř. České kadastry 1654—1789 se zvláštním zřetelem k dějinám hospodářským a ústavním. Praha, 1932, s. 137; J. K l e p l. Královská města česka počátkem 18. stol. Reformy hospodářské a správní — CCH, 1932, s. 261—262.

² «Dějiny Prahy». Praha, 1964; «Dějiny Plzně», t. 1—2. Plzeň, 1965—1967; «Brno v minulosti a dnes». Sborník příspěvků k dějinám a výstavbě Brno. Brno, 1959; «Olomouc v novodobých dějinách». Sborník prací k 20. výročí osvobození. Olomouce. Olomouc, 1965; и др.

горский период ответов не дают и дать не могут. А между тем, решение их имеет принципиальное значение, поскольку проблематика эта связана с общей оценкой путей и особенностей развития Чешских земель периода позднего феодализма и исподволь начинавшегося разложения феодально-крепостнических форм хозяйствования, кануна эпохи Просвещения и национального Возрождения. Вот почему в предлагаемом докладе сделана попытка, исходя из некоторого уточнения социально-экономического положения чешского города побелогорской эпохи, определить его место и роль в идейном развитии Чешских земель второй половины XVII — первой половины XVIII в.

Положение чешского города побелогорского времени получило некоторое освещение в современной чехословацкой (А. Земан, Л. Карникова, О. Плахт, Й. Яначек) и советской (Л. П. Лаптева, А. И. Озолин) литературе. Наиболее радикальный взгляд был высказан О. Плахтом. В полемике с И. Пекаржем он доказывал, что с конца XVII в. чешские города вступают в полосу оживления и подъема. «Нельзя и невозможно, — подчеркивал О. Плахт, — говорить поэтому далее о глубоком экономическом упадке городов в эту эпоху. Строительство, которое здесь в соединении, а отчасти, может быть и как следствие инвестиционной и особенно строительной деятельности шляхты и церкви, веривших в постоянство основанных войной отношений, продолжало и оживляло занятость отдельных ремесел, было, несомненно, одной из главных движущих сил экономической жизни городов той эпохи»³.

Хотя некоторое оживление городской жизни на рубеже XVII—XVIII вв., связанное с процессами экономической регенерации и, частично, дальнейшего хозяйственного развития Чешских земель, в целом действительно имело место, столь категорический и обобщенный вывод О. Плахта вызвал возражения, во многом, по-видимому, справедливые⁴.

Трудно отрицать глубокий упадок городской жизни, наступивший в середине XVII в.⁵ Однако по справедливому замечанию ряда историков, его не возможно объяснить только событиями Тридцатилетней войны. Коренная причина заключалась в кризисе ремесленного, цехового производства, начавшемся еще в XVI в., а также в определенных политических факторах, относящихся к тому же времени (репрессивная политика Габсбургов по отношению к королевским городам после подавления восстания 1547 г.)⁶.

К этому следует добавить, что политико-экономические причины упадка городов не составляли в XVII в. локальной чешской или даже австрийской особенности — во многом сходные процессы приблизительно тогда же происходили, например, в Польше, Литве, Белоруссии⁷.

³ O. P l a c h t. Lidnatost a společenská skladba českého státu v 16—18. stol. Praha, 1957, s. 170.

⁴ J. J a n á č e k. Přehled vývoje řemeslné výroby v českých zemích za feudalismu. Praha, 1963, s. 261; L. K á r n í k o v á. Vývoj obyvatelstva v českých zemích 1754—1914. Praha, 1965, s. 31; A. Z e m a n. Hospodářská a sociální skladba Plzně na počátku XVIII st. Plzeň, 1955, s. 6.

⁵ J. N o v o t n ý. Zdanění českých měst podle katastru z r. 1654—1757. Materiály k hospodářským dějinám českých měst v době pobělohorské. Praha, 1929, s. 9; B. M e n d l. Vývoj řemesel a obchodů v městech pražských. Praha, 1947, s. 19.

⁶ «Přehled československých dějin», t. I. Praha, 1958, s. 488; J. J a n á č e k. Ibid., s. 267; A. Z e m a n. Plzeň za války třicetileté. K některým otázkám hospodářských následků války. Minulost Plzně a Plzeňska, t. 2. Plzeň, 1959, s. 65; O. M r a z e k. Vývoj průmyslu v českých zemích a na Slovensku od manufaktury do roku 1918. Praha, 1964, s. 12; F. G a b r i e l. Lidnatost Čech na počátku 18. století. «Demografie», 1967, № 3, s. 247—248; V. D a v í d e k. Statistické příspěvky o demografii české země v 18. st. a do poloviny 19. st. «Demografie», 1967, № 2, s. 149.

⁷ Я. Р у т к о в с к и й. Экономическая история Польши. Пер. с польск. яз. М., 1953, стр. 265; «История Польши». Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера и

И все же развитие чешских городов, ослабленных экономически, и, большей частью, буквально униженных после 1620 г. политически, было несравненно более сложным и прстиворечивым.

Подобно тому, как «эпоха тьмы» являла собой период не только упадка, но и медленных подспудных социально-экономических процессов разложения феодально-крепостнического строя и зарождения мануфактурного производства⁸, городская жизнь тех десятилетий не могла не нести на себе печать противоборства различных, порою взаимно исключаящих друг друга тенденций. Характерно, например, во многом противоположное развитие королевских (и приравненных к ним венных и горных) и поместных городов⁹, в отличие от первых, пришедших в XVII в. в упадок¹⁰, находившихся тогда и позднее в относительно более благоприятных условиях¹¹. Но и для городов и местечек каждой из этих групп имели значение такие индивидуальные особенности, как степень широты прав-привилегий, связей с внутренним и внешним рынком, географическое расположение, традиции ремесленного производства в данной местности и др.¹²

Отсюда вытекает, что шаблонные представления о побелогорском городе «вообще», равно как о его упадке или об оживлении на рубеже XVII—XVIII вв. также «вообще» — все это не более чем фикция, лишь затрудняющая выработку адекватной действительности характеристики.

Но и по с о ц и а л ь н о й с т р у к т у р е побелогорский город был сравнительно сложным организмом, поскольку население его не отличалось ни имущественной, ни социально-правовой, ни национальной однородностью. Единство существовало, пожалуй, лишь в одном — религиозной принадлежности горожан. Но каково оно было! Все горожане, по крайней мере формально, должны были состоять в лоне католицизма, поскольку после 1620 г. некаатолики подлежали либо «обращению», либо изгнанию. По религиозно-политическим соображениям в протестантские государства Европы из чешских городов в XVII в. эмигрировало много представителей мещанства, ремесленников, торговцев, интеллигенции. Потеря наиболее динамичной части населения дорого обошлась народу — страна лишилась тех, кому в немалой степени была обязана хозяйственным и интеллектуальным расцветом в предшествующий период.

В побелогорском рекатолицизованном городе помимо членов привилегированных сословий — духовенства и дворянства — проживали ремесленники, купцы, чиновники, лица свободных профессий, обладавшие правами мещан. Большую часть населения города составляла бесправная беднота —

П. Н. Третьякова, т. I, М., 1954, стр. 264; М. Д о ў н а р-З а п о л ь с к і. Соцыяльна-эканомічная структура Лістоўска-Беларуская дзяржавы ў XVI—XVIII ст. «Гістарычна-археалёгічны зборнік», 1927, № 1, стр. 58; Н. Т. Р о м а н о в с к і й. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Минск, 1966, стр. 313; В. И. М е л е ш к о. К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 69.

⁸ «История Чехословакии», т. I. Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М., 1956, стр. 266—275.

⁹ «Přehled československých dějin», s. 489.

¹⁰ J. K l e p l. Ibid., s. 489.

¹¹ J. P u r š. Struktur und Dynamik der industriellen Entwicklung in Böhmen im letzten Viertel des 18. Jahrhunderts. Jahrbücher für Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1. Berlin, 1965, S. 189—190.

¹² В методическом отношении небезынтересны наблюдения А. Земана, который произвел сравнение хозяйственного состояния 21 города начала XVIII в. в Чехии (в том числе — 14 королевских городов). Сходная работа на материалах поместных городов была проделана А. Хаасом. См.: А. Z e m a n. Hospodářská a sociální skládka Plzně na počátku XVIII st. Plzeň, 1955, s. 36—41; А. H a a s. O tak zvanem přeměřování lánů na újmu poddaných. «Český lid», 1950, № 7, 8, s. 168.

подмастерья и ученики, наемная прислуга, нищие и всякого рода деклассированные элементы.

Застой и упадок, характерные для королевских городов, влекли за собой ослабление проживавшего здесь мещанства. Наоборот, более благоприятные условия, сложившиеся в поместных городах, соответственно отражались на положении мещанства, в среде которого более интенсивно выделялась прослойка разбогатевших торговцев и ремесленных мастеров. Впрочем, мещанство пользовалось крайне мизерными правами, что ставило его как «четвертое сословие» в совершенно неравноправное положение не только сравнительно с первыми тремя сословиями, но (в некоторых городах) и с городским патрициатом. К тому же, среди мещанства росла прослойка лиц по разным причинам утративших свои права-привилегии¹³.

Горожане не были однородны и в национальном отношении. Верхушка состояла в основном из лиц иностранного (преимущественно немецкого) происхождения и онемеченных чешских семей. Этот процесс затронул и средние слои мещанства, в среде которого в XVII в. появилось немало новых семей иностранного происхождения¹⁴. Зато городской плебс по большей части был чешским, хотя и здесь какую-то часть составляли лица немецкой и других национальностей. Наконец, особую группу населения составляли в части городов члены еврейских общин, занимавшиеся ремеслами и коммерческими операциями¹⁵.

Социальная и национальная неоднородность городского населения, дополнявшаяся его межсословной и внутрисословной дифференциацией, влекла за собой обострение в городах классовую и национальную борьбу, для рассматриваемых десятилетий, к сожалению, еще недостаточно изученной¹⁶.

Особую тему составило бы и выяснение социального воздействия, которому подвергались города со стороны развивающегося капиталистического уклада.

С точки зрения оценки положения чешского города в побелогорские десятилетия следует рассматривать и его культурно-политическую, или, в интересах большей точности, культурно-административную роль.

В самом деле, после аннексии Чешских земель Габсбургами политическое значение городов сошло на нет. Об этом красноречиво свидетельствовал, например, характер представительства горожан в чешском и моравском сеймах, куда были допущены делегации от королевских городов, имевшие лишь по одному голосу¹⁷.

Но и в период самого глубокого упадка за городами в Чешских землях сохранялось определенное значение. Прежде всего это касалось городов, имевших функции административных центров — земских (Прага в Чехии,

¹³ A. Z e m a n. Ibid., s. 83; F. M a i n u š. Vlnářství a bavlnářství na Moravě a ve Slezsku v XVIII st. Praha, 1960, s. 41; F. M a i n u š. První manufaktury na Moravě. «Časopis matice moravské», 1954, s. 59.

¹⁴ V. L í v a. Kolik obyvatelů měla Praha před třicetiletou válkou a po ní. «Český časopis historický», 1936, s. 340—342; V. L í v a. Seznamy pražských novoměst'anů za léta 1618—1653. «Časopis rodopisné společnosti československé v Praze», roč. 7, 8, 1935—1936. Praha, 1937, s. 8—35, 121—158.

¹⁵ F. G a b r i e l. Lidnatost Čech na počátku 18. století, s. 246; F. D v o ř á č e k. Konšcripce (Soupisy) obyvatelstva v Čechách, na Moravě a ve Slezsku od I soupisu z 1754 r. do r. 1921. Ve kn. «Sborník I Sjezdu slovanských geografů a ethnografů v Praze». 1924. Praha, 1926, s. 224.

¹⁶ V. B u r i a n. Boje měšťanského vyboru s měšťskou radou v Brně koncem 17. a na počátku 18. stol. Ve sb. «Brno v minulosti a dnes», t. 7. Brno, 1965, s. 77—83; J. S v o b o d a. Protifeudální a sociální hnutí v Čechách na konci doby temna. 1750—1774. Praha, 1967, s. 20—22.

¹⁷ V. V a n e č e k. Dějiny státu a práva v Československu. Praha, 1961, s. 311.

Брно в Моравии и Тешин в Силезии) и местных (областных или «крайских»). Всего в рассматриваемые десятилетия в Чешских землях было более 20 городов, обладавших административными правами, где располагались соответствующие ведомства и управления. Как правило, в этих же городах были расположены высшие (в Праге и Оломоуце) и средние учебные заведения (гимназии). Даже при всей убогости большинства этих заведений и засилья в них духа контрреформации и клерикализма само их существование, наличие каких-то форм научного и корпоративного, студенческого и школярского общения не могло не вносить оживляющую струю в духовную атмосферу тех городов, в которых эти заведения существовали.

Двойственность, которой была отмечена «эпоха тьмы», отличала и культурную жизнь побелогорского города. Не только (а для большей части XVII и начала XVIII в., пожалуй, и не столько) государство, административные органы, но и католическая церковь стремились использовать город как центр идеологического воздействия и на местное население и на окружающую территорию. Этому служили устраивавшиеся церковью, монашескими орденами, магистратами, цехами и т. д. религиозные церемонии и процессии, прославление святых, храмовые праздники, театрализованные шествия по случаю канонизации в 1729 г. Яна Непомуцкого и т. д. В городах печатались и распространялись в первую очередь контрреформационные книги и брошюры, отравлявшие ум и душу человека того времени ядом клерикализма. Это была, так сказать, одна сторона культурной жизни побелогорского рекатолизированного города. Но была и вторая сторона. В городах и местечках (в этом, между прочим, заключалось их отличие от деревень) устраивались ярмарки, на которых выступали бродячие труппы, разыгрывались пьесы столь любимого народом театра марионеток. С 1730-х годов в Праге, Брно, Оломоуце и других городах возникают постоянные театры, где игрались оперы и пьесы итальянских, немецких, французских и местных авторов¹⁸.

Но поистине барометром, отразившим приливы и отливы в развитии городской культурной жизни второй половины XVII — первой половины XVIII в., стали два явления, удачно сочетавшие в себе материально-технические и идейные аспекты деятельности: во-первых, строительство и архитектура, и, во-вторых, книжное дело.

Сравнивая количество домов в городах за период 1654—1757 гг. по данным кадастров, О. Плахт обратил внимание на заметное оживление в последней четверти XVII и первых десятилетиях XVIII в. городского строительства¹⁹. В самом деле, это привело к значительному изменению внешнего облика большинства чешских городов, именно в эти десятилетия получивших свое барочное оформление²⁰. Строительство это финансировалось преимущественно шляхтой и католической церковью. Но в роли заказчиков выступали и горожане, семья мещанского происхождения. Это содействовало более или менее единообразному архитектурному оформлению городов. Так, в Праге, в первой четверти XVIII в. преобладали каменные дома городского типа, особенно в Старом Месте и на Малой Стране. Здесь почти половина всех строений принадлежала к категории зданий в два и более этажей. В Старом Месте из домов этой категории 322 были в два и выше этажа, а одноэтажных домов насчитывалось только 40. На Малой Стране 203 дома имели два и более этажей²¹.

¹⁸ М. Н у с е к. *Dějiny českého divadla v Brně*. Brno, 1907, s. 4; J. V o n d r á č e k. *Dějiny českého divadla. Doba obrozenecká*. Praha, 1936, s. 17.

¹⁹ О. П л а х т. *Ibid.*, s. 165—166.

²⁰ F. L a š e k. *Litomyšl v dějinách a výtvarném umění*. Litomyšl, 1945, s. 70.

²¹ А. Н а с. *Praha ve světle údajů tereziánského katastru. «Pražský sborník historický»*. Praha, 1966, s. 111—112, 125.

Показательно также, что оживление городского строительства получило отражение и в некоторых литературных памятниках того времени, вышедших из городской мещанской среды. Так, в латинском рифмованном сочинении, написанном около 1744 г. и посвященном спору за первенство двух моравских городов — Оломоуца и Брно, в числе аргументов в пользу Оломоуца анонимный автор называл сооружения здесь после изгнания шведских войск в конце XVII в. красивых барочных зданий²².

Следует заметить, что барокко как стиль эпохи получает в эти десятилетия в Чехии и Моравии чрезвычайно широкое распространение не только в архитектуре. Барокко находило выражение в изобразительном искусстве, скульптуре, музыке, книжной графике, в предметах прикладного искусства и т. д. В той или иной мере барочный декор окружал горожанина в повседневной жизни, находя проявление в духовном творчестве (литература, наука, культура). Обогащенное местными национальными традициями, чешское барокко в лучших своих образцах относится к числу бесспорных ценностей мировой культуры.

Развитие городской жизни и культуры прослеживается и на примере истории книги второй половины XVII — первых десятилетий XVIII в. Несколько оправившись от последствий событий 1620 г. и Тридцатилетней войны, с исхода XVII до середины XVIII в. типографское дело в Чешских землях пережило два этапа. Первый, относившийся к рубежу XVII—XVIII вв., характеризовался тем, что в Праге и некоторых других городах, где печатание книг прежде существовало спорадически, появилось несколько частных типографий. Они стали выпускать произведения печати не только на латинском и немецком, но и на чешском языке (Ян Арнольд из Доброславина, Ян Карел Эржабек, К. Розенмюллер и др.).

Для следующего этапа, приходящегося на первые десятилетия XVIII в., характерным было заметное оживление книгопечатания в провинции — в Младоболеславе, Градце Кралове, Йиндржихувом Градце, Пшибраме, Мосте, Кутной Горе, Воднянах и др. В самой Праге появляется ряд новых книгоиздательских фирм (Карел Граб).

Динамика развития книгопечатания чрезвычайно чутко отражала культурно-политические отношения своего времени. Так, после Белогорской битвы в Моравии на протяжении нескольких десятилетий существовала всего лишь одна типография в Оломоуце, причем учреждение типографий в других городах было запрещено²³. Лишь в конце 80-х годов в Брно было создано отделение типографии Арнольда, а затем печатание книг здесь уже более не прерывалось, свидетельствуя не только о вынужденном смягчении правительственной политики, но и о неуклонном развитии местной культурной жизни.

Нужно учитывать, конечно, не только чисто количественный рост типографий, но и содержание выпускавшейся ими продукции, как в зеркале отразившей общий культурный упадок Чешских земель периода контрреформации. Поэтому в середине XVII в. происходит чрезвычайно важное явление — восстановление традиций рукописной книги, запечатлевшей духовные искания народных масс — мещанства и крестьянства²⁴. Кроме того, и в репертуаре печатной продукции намечались тенденции роста

²² R. B a r t o c h a. Svar Olomouce s Brnem. «Sborník matice moravské», roc. 85, 1966, s. 142.

²³ R. M a r t i n ě i k. Olomouc v dějinách knihtisku moravského od jeho prvopočátku až ku zřízení stále české knihtiskárny. Olomouc, 1928, s. 10.

²⁴ Подробнее это изложено нами в статьях: А. С. М ы л ь н и к о в. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания. В сб.: «Книга. Исследования и материалы», т. 9. М., 1964, стр. 37—52; е г о ж е. Из предистории формирования прогрессивной книги в Чехии. Там же, т. 12, 1966, стр. 219—234.

советской книги (выпуск научных и учебных книг, брошюр для народного чтения, календарей, периодических изданий).

В целом, обращение к истории книги — печатной и рукописной — оказывается чрезвычайно плодотворным. Материалы ее содержат, в частности, данные об одном из наименее известных аспектов городской жизни — о вкладе города и городского населения в сохранение и развитие национальной культуры и языка.

В определенных кругах горожан чешский язык никогда не выходил из обихода. Комментируя сборник любовных песен (1631 г.) и поэму В. Розы в честь Анны Беноловой (1651 г.), Й. Грабак правильно заметил, что, несмотря на суровые испытания «эпохи тьмы», в городской — мещанской и плебейской — среде существовали различные, для своего времени достаточно развитые жанры поэзии, не попадавшие в печать, а потому позднее забытые²⁵. О практической потребности чешского языка именно в городской среде свидетельствовал, например, выпуск или распространение деловой печатной (параллельный немецко-латинско-чешский словарь К. Вусина 1700 г., сборники правового содержания) и рукописной книги (особенно примечательны списки «Права городов Чешского королевства» юриста XVI в. К. Колдина). В городской среде создавались и распространялись и литературные произведения на чешском языке типично городской тематики, в которых отразилось мироощущение средних и плебейских слоев. Таковы, например, «Сатира на четыре сословия», относящаяся к концу XVII — началу XVIII в., и «Стихи о пряничниках» (1744 г.)²⁶.

Барометром возрастания общественного интереса к чешскому языку стал выпуск пражским типографом К. Розенмюллером газеты на чешском языке «Чешский почталъон» (1719—1772 гг.) и выход в Праге и в провинции календарей. О круге читателей подобных изданий позволяют судить данные обследования печати «эпохи тьмы». В качестве одного из примеров сошлемся на «Хозяйственный и канцелярский календарь», издававшийся по-чешски с 1650 г. по 1780 г. в двух городах — Литомышле и Праге. В заголовке календаря указано, что он предназначен для «чиновников, писарей, юристов, мещан, купцов и лиц, занимающихся разного рода торговыми делами»²⁷. Как видно, перечисленные категории читателей, которые по тем или иным соображениям использовали чешский язык, относились, преимущественно, к городскому населению.

И не удивительно, что именно в среде чешского мещанства и связанной с ним интеллигенции под влиянием социально-экономических и культурно-политических условий их существования во второй половине XVII в. пробуждаются национально-патриотические настроения. Так, в 1680—1690-х годах в ходе борьбы с брненским патрициатом мещанский комитет в рамках своих экономических и культурно-политических требований добивался учреждения при храме св. Якуба чешской школы²⁸. Национальные противоречия обострялись и в других городах, а в Праге к 1730 г. достигли такой остроты, что между чешской и немецкой общинами возник открытый спор из-за одного храма, закончившийся в пользу чехов²⁹.

Та часть мещанства, которая по своему происхождению, положению или воспитанию не порывала с традициями отечественной культуры,

²⁵ «Smutní kavaleři o lásce». Z české milostné poezie 17. st. K vyd. připr. Z. Tichá Úvod naps. J. Hrabák. Praha, 1968, s. 10.

²⁶ «Satira na čtyři stavy». K vyd. připr. Z. Tichá. Předml. naps. J. Hrabák. Praha, 1958; «Verše o perníkářství». K vyd. připr. Z. Tichá. Úvod. naps. J. Hrabák. Praha, 1964. Подробнее см. нашу рецензию: Известия Акад. наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 24, вып. 6, 1965, стр. 549—551.

²⁷ «Kalendář hospodářský a kancelářský». Litomyšl a Praha, 1650—1783.

²⁸ V. B u r i a n. Ibid., t. 2, 1965, s. 80.

²⁹ A. N o v o t n ý. Praha doznívajícího baroka. Praha, 1947, s. 168.

ранее всего ощущала тяжесть национального угнетения и потому с особой чуткостью относилась к защите и отстаиванию своих национальных прав. А это, в свою очередь, порождало необходимость идеологического осмысления позиции побелогорского мещанства. У истоков этого стоял кружок Б. Бальбина, с перерывами, на протяжении 1660—1680-х годов собиравшийся в Праге. Членами кружка были представители патриотически настроенного духовенства, связанные происхождением или деятельностью с мещанской средой — Т. Пешина из Чехорода, Ян Таннер, Иржи Кругер, Ян Бецковский и др. Обсуждая судьбы чешского народа, они формулировали ряд важных тезисов национально-политической программы чешского побелогорского мещанства, получившего в последующие десятилетия развитие в выступлениях А. Фрозина, К. Розенмюллера, В. Яндита, Яна Стржедовского, Яна Риволи, В. Витека и др., родившихся, живших или действовавших не только в Праге, но и в других городах Чехии и Моравии (Пльзень, Яромерж, Градец Кралове, Оломоуц). Они развивали не только идеи защиты и всемерной пропаганды чешского языка, отражая тем самым теплившиеся и в десятилетия «эпохи тьмы» искры национального самосознания. В выступлениях бальбиновцев и представителей мещанства первой половины XVIII в. нередко звучали идеи славянского самосознания и призыв к упрочению связей чехов с русским и другими славянскими народами (Б. Бальбин, Т. Пешина, И. Давид, К. Розенмюллер). При этом почти все они охотно подчеркивали свое мещанское происхождение, а яромержский мещанин В. Витек даже посвятил свою книгу «Земля добрая, то-есть земля чешская», изданную в Градце Кралове в 1754 г., «деве Марии и славным князьям и мещанам небесным»³⁰.

Следует помнить, впрочем, что над бальбиновцами и над идеологами мещанства первой половины XVIII в. тяготел груз феодально-клерикальной идеологии. Отстаивавшиеся ими национально-патриотические взгляды поэтому во многом были проникнуты духом контрреформации, преодолеть который выпало на долю деятелей раннего Просвещения 40—70-х годов XVIII в.

Важно подчеркнуть вклад, внесенный в этот процесс городской средой. Постепенное развитие научной и культурной жизни объективно содействовало пробуждению интереса к изучению природы и общества, создавая, в свою очередь, более или менее благоприятную обстановку для проникновения в Чешские земли передовых идей, распространенных в соседних странах. И примечательно, что именно в Оломоуце, где и в первые десятилетия XVIII в. засилье клерикализма было чрезвычайно сильным³¹, в 1746 г. возникло «Общество неизвестных» — первое не только в Чешских землях, но и в Австрийской монархии раннепросветительское научное объединение. Есть основания предполагать, что оно родилось на базе существовавшего в Оломоуце в середине 1740-х годов какого-то научного кружка³². В большей мере влияние просветительских идей ощущалось в Праге, где уже в 30-е годы XVIII в. среди университетской профессуры происходили выступления против средневековой схоластики³³. К середине XVIII в. в наиболее крупных городских центрах Чешских зе-

³⁰ Подробнее об этом см.: А. С. М ы л ь н и к о в. Идеино-политические предпосылки зарождения национально-просветительской идеологии в Чешских землях. В кн. «Славянское возрождение», М., 1966, стр. 13—20.

³¹ А. Р о к е š. Příspěvek k dějinám moravských universit. «Osvěta», 1919, s. 45, 46.

³² О. К r a l í k. Moravské počátky osvícenského humanismu. «Vlastivědný věstník moravský», 1947, 24.

³³ J. K l a b o u c h. K počátkům protischolastických proudů na pražské universitě v 18. st. «Sborník prací k počtě 75. narozenin akad. V. Vojtička». Philosophica et historica, t. 2. Praha, 1958, s. 99.

мель — в Праге, Брно, Оломоуце — идеи Просвещения находят все более широкое распространение.

Не только географически, территориально, но и идейно, духовно пропагандисты и носители этих идей были связаны прежде всего с городской средой, а в социальном отношении — с мещанством и демократической интеллигенцией. Выходцем из пражской мещанской среды был. Г. Добнер, переосмысливший в ожесточенной полемике с приверженцами консервативных взглядов национально-культурную традицию с позиций идей Просвещения. Если не всегда по происхождению, то по образованию с городом были связаны почти все ранние чешские просветители. И это нельзя считать случайным.

Хотя чешское, патриотически настроенное мещанство второй половины XVII — первой половины XVIII в. идеологически еще не обособилось из общей массы горожан, а его влияние было крайне мизерным и не определяло позиций побелогорского мещанства в целом, вместе с плебейскими слоями города и широкими крестьянскими массами оно внесло свой вклад в сохранение и отстаивание национальной культуры.

Вместе с тем город в той мере, в какой это позволяли трудные условия «эпохи тьмы», становился средоточием новых идей и веяний, проникавших извне и находивших в местной социальной структуре питательную почву для акклиматизации и дальнейшего развития. Соединение этих двух направлений — местной национально-культурной традиции и идей европейского Просвещения, их синтезирование и трансформация заложили основы для последующего развития магистрального течения чешской мысли XVIII в.: национально-просветительской идеологии.

Нет нужды искусственно выделять город, забывая, например, что подлинным хранителем культурных ценностей, силой, обеспечившей последующий взлет эпохи национального Возрождения, были широкие массы крестьянства. Но, во-первых, в этом участвовал и городской плебс. И, во-вторых, исторические факты свидетельствовали, что истоки мировоззрения первых чешских просветителей, порожденные суммой социально-экономических и идейно-политических предпосылок выросли в обстановке исканий городского мещанства и интеллигенции.

Эти искания, эти сдвиги происходили в тягостной обстановке «эпохи тьмы», в условиях, порожденных ею болезненных, драматических деформаций. Но именно в этом, а не в содействии клерикальному мифотворчеству и пропаганде контрреформационных иллюзий заключался основной, важнейший с точки зрения исторической перспективы вклад побелогорского города в постепенную подготовку предпосылок складывания идеологии и культуры чешского Просвещения, перешедших затем в расцвет периода национального Возрождения конца XVIII — начала XIX в.

Таким образом, вопрос об оценке положения и культурно-политической роли чешского города побелогорского времени требует существенной корректировки. Замедленное, а для большей части королевских городов и застойное состояние экономики и засилье духа контрреформации — это, разумеется, не тот подъем, о котором писал О. Плахт. Но это и не традиционная картина длительного и глубокого упадка «вообще». Как видно, город играл свою, и к тому же немалую роль в истории Чешских земель «эпохи тьмы» и явился одним из важнейших компонентов зарождения и формирования истоков прогрессивных идейных и культурных тенденций последующего времени. Надо надеяться, что введение в научный оборот дополнительных материалов, планомерная разработка отдельных аспектов внутренней социально-политической и культурной жизни городов обеспечит возможность дальнейшей конкретизации и углубления исследования этих процессов.

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

РОЛЬ ГОРОДА В ФОРМИРОВАНИИ ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С конца XVIII в. в идеологическом и общественно-политическом развитии хорватского народа начался период, именуемый хорватским национальным Возрождением. Его содержание определялось зарождением буржуазного общества в условиях феодализма и национального угнетения. Важной предпосылкой хорватского национального Возрождения был подъем буржуазной революционной и национально-освободительной борьбы в Европе и особенно в многонациональной Австрийской империи.

В конце XVIII — первой половине XIX в. хорватские земли входили в состав Австрийского государства. Но они не представляли в административно-политическом отношении единого целого. Хорватия и Славония, пользуясь некоторой автономией, входили в состав земель Венгерской короны. Приморье находилось под управлением Венгрии, представляя собой особую административно-территориальную единицу. Область Военной Границы непосредственно подчинялась Военному Совету в Вене. Далмация и Истрия являлись австрийскими провинциями.

Хорватские земли разнились между собой историческими традициями, политическим положением, уровнем социально-экономического развития, национальным составом населения, интенсивностью культурной жизни. Наиболее благоприятные условия для экономического, национального и культурного развития сложились в Хорватии и Славонии. В национальном отношении население Хорватии было наиболее компактным, оно в наименьшей мере подверглось денационализации. В Хорватии существовали и поддерживались давние традиции политической самостоятельности. Не случайно поэтому, что именно здесь стало складываться главное ядро хорватской нации. В этой провинции раньше всего зародилась национальная мысль, отразившая понимание передовыми кругами хорватского общества назревших общенациональных задач. Хорватия и Славония явились основной базой развернувшегося в 30—40-х годах XIX в. хорватского национально-освободительного движения, получившего по своей ведущей идее «Великой Иллирии» название иллиризма. В связи с этим основное внимание в настоящем докладе отводится роли города Хорватии и Славонии в процессе развития хорватской национально-освободительной идеологии в первой половине XIX в.

Хронологически доклад охватывает период с конца XVIII в. до 1848 г. Революционные 1848—1849 гг. представляют собой особый этап развития хорватского народа. Для Хорватии и Славонии они явились завершением национального Возрождения и одновременно началом капиталистической

эпохи. Идеология национально-освободительного движения этих лет — большая самостоятельная тема. Проблема влияния хорватского города на развитие общественного сознания ранее не была предметом специального внимания историков.

В рассматриваемое время Хорватия и Славония представляли собой аграрные области с низким уровнем развития капитализма в промышленности. Деревня целиком господствовала над городом. В 1839 г. в крупных городах проживало 45 863 человека¹, что составляло 5,6% всего населения. На исходе первой половины XIX в. столица Хорватии — Загреб имела около 15 тыс. жителей, в то время как, например, в Вене проживало уже около 400 тыс. человек². Хорватские города сохраняли преимущественно торгово-ремесленный характер, хотя в них уже появились зачатки капиталистической промышленности.

Юридическое положение городов определялось средневековыми привилегиями. В Хорватии и Славонии насчитывалось семь свободных королевских городов³. Они были независимы от местных дворянских властей, пользовались самоуправлением и посылали своих представителей в хорватский сабор и Пожунский (Прессбургский) сейм. Свободные королевские города имели феодальные права над окрестными селами. Остальные торгово-ремесленные пункты полуаграрного характера⁴, обладавшими или меньшими городскими вольностями, находились в разной степени зависимости от феодальных землевладельцев вплоть до фактически полной самостоятельности.

Хорватские города издавна были не только центрами административного управления, но и очагами политической и культурной жизни. В Загребе заседал сабор. Хотя права сабора на протяжении XVIII в. были существенно урезаны Габсбургами, тем не менее он оставался традиционным политическим институтом. В городах проходили жупанийские скупщины-собрания областного дворянства, игравшие в политической жизни Хорватии и Славонии важную роль. В хорватской столице находились юридическая академия и католическая семинария, готовившие кадры национальной интеллигенции. В годы иллиризма здесь возникли национальные культурно-просветительные учреждения.

В условиях развития международной торговли, укрепления капитализма в Австрийской империи, роста производительных сил в Хорватии и Славонии с третьей четверти XVIII в. наметилось хозяйственное оживление хорватских городов. Однако их экономический рост протекал крайне медленно. За период с 1808 по 1847 г. население важнейшего торгового центра Хорватии — города Карловаца выросло с 3900 почти до 5000 человек. Вараждин, насчитывавший около 1800 г. 5000, в 1839 г. имел 9026 жителей. В Осиеке — наиболее развитом в социально-экономическом отношении городе Славонии — число жителей за период с конца 70-х годов XVIII в. до 1839 г. поднялось с 8000 до 12 262 человек. В Загребе, где в 1805 г. было около 8000 жителей, население к 1839 г. увеличилось до 12 231, а в 1847 г. достигло почти 15 000 человек⁵.

¹ A. Fényes. Statistik des Königreichs Ungarn, T. 1. Pesth, 1843, S. 108.

² «Преглед историје југословенских народа (од најстаријих времена до 1848 године)», део I. Београд, 1960, стр. 241.

³ Пять в Хорватии и два в Славонии.

⁴ В 1840 г. в Хорватии насчитывалось 14 так называемых «рынков». A. Fényes. Ibid., s. 106.

⁵ F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slavonien und des Herzogthums Syrmien., B. III. Leipzig, 1778, S. 5, 6; A. Fényes. Ibid., S. 108; R. Lopašić. Karlovac. Zagreb, 1879, s. 66; F. Šišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913, s. 7; «Преглед историје југословенских народа...», стр. 176, 241.

Промышленность в крупных городах была представлена цеховым ремеслом и небольшим количеством капиталистических предприятий дофабричного уровня, число которых, хотя и с трудом, возрастало. В 1846 г. в Загребе на акционерных началах открылось первое кредитное учреждение — сберкасса.

Экономическое значение хорватских городов поднималось не столько за счет роста производительных сил, хотя, безусловно, это имело существенное значение, сколько на базе транзитной торговли. Через Хорватию и Славонию проходили важнейшие торговые пути, которые соединяли Венгрию с Адриатическим морем и мировым рынком, а также промышленные провинции Австрийской империи с Турцией и Востоком. На этих путях и располагались наиболее развитые в экономическом отношении хорватские города. Загреб, Карловац, Вараждин и Осиек входили в число главных торговых городов Венгерского королевства ⁶.

На протяжении периода с конца XVIII в. до середины XIX в. перестройка экономики хорватских городов на капиталистической основе несколько продвинулась вперед. Сами по себе новые формы производства были в них еще незначительны. Причины этого коренились в господстве феодальных производственных отношений, экономической политике Габсбургов, стеснявшей развитие национальных окраин, и, как следствие ее, конкуренции австрийской капиталистической промышленности. Но в то же время промышленная революция в австрийских землях, общая экономическая обстановка в империи усиливали значение капиталистических ростков в хорватских городах.

Остается пока не изученным вопрос о соотношении удельного веса капиталистической промышленности в городе и деревне. Тот факт, что в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. достигли большого развития лесная, поташная и особенно деревообрабатывающая отрасли промышленности, организованные на капиталистический лад, и что первые паровые машины появились на предприятиях за пределами крупных городов, заставляет признать значительным удельный вес капиталистической промышленности в сельской округе. Однако в городе новые формы производства выступали в концентрированном виде, и это увеличивало их силу, значение и влияние. Городу принадлежала важная, хотя и не исключительная роль в создании материальных предпосылок хорватского национального Возрождения.

Еще более значительная роль принадлежала городу в формировании и выдвигании тех общественных слоев, которые явились социальной опорой Возрождения. На протяжении рассматриваемого периода, хотя и медленно, шел процесс формирования национальной буржуазии. В 1787 г. в Хорватии и Славонии (включая и Северинскую жупанию, куда входил весьма развитый в торгово-промышленном отношении город Риека) насчитывалось мужчин-горожан, а также торговцев и ремесленников в селах 3996 человек ⁷, или 0,6% населения. В середине XIX в. в Хорватии и Славонии имелось 14 000 ремесленников, торговцев и предпринимателей, что составляло 1,5% населения ⁸. Городская буржуазия в целом была малочисленной. При этом значительная часть ее была инациональной, в первую очередь немецкой. Поэтому численность складывавшейся национальной буржуазии была еще ниже.

⁶ A. F é n y e s. Ibid., s. 269, 270.

⁷ И. К а р а м а н. Преглед становништва Хрватске, Славоније, Сријема и Бачке у доба Јосипа II (1787). «Матица српска. Зборник за друштвене науке», св. 29. Нови Сад, 1961, стр. 90.

⁸ R. B i ć a n i ć. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, s. 344.

мического развития хорватских земель, но в рамках феодальной, хотя и несколько модифицированной, системы. В этой среде поддерживались идеи политического единства хорватских земель, сохранения и расширения их автономии, оказывалось содействие развитию национальной культуры. В свою очередь и консервативных дворян волновали вопросы дешевого кредита, расширения торговли, оживления предпринимательской инициативы. Помещики стремились использовать новые хозяйственные формы для упрочения своего господства. Но само возникновение этих вопросов в конечном итоге было связано с возвышением и ростом городской буржуазии и означало признание господствующим классом необходимости ее для Хорватии.

Хорватская национальная мысль и национально-освободительное движение развивались в тесной связи и взаимозависимости. Зарождение национальной идеологии предшествовало национальной борьбе. В свою очередь организованное национально-освободительное движение, направленное на решение возникших общественных противоречий, явилось мощным фактором, подтолкнувшим вперед развитие и оформление «национальной идеи».

Города были опорными пунктами национально-освободительной борьбы. Из Загреба исходило организованное руководство ею.

Богатая политическая и культурная традиция городов облегчила в период Возрождения развитие в них интенсивной культурно-национальной и политической деятельности, однако уже на качественно новой основе. В 1835 г. в Загребе стала выходить первая хорватская политическая газета с литературным приложением. Ее издателем был Людевит Гай. В столице и других городах издавались журналы, альманахи, публицистические брошюры, литературные сборники и прочие сочинения на национальном литературном языке, которые формулировали и пропагандировали идеи национального Возрождения. В 1842 г. в Загребе был основан денежный фонд «Матица илирска» для издания и распространения книг на хорватском языке. С 1838 г. в городах стали возникать иллирийские читальни, выполнявшие роль общественно-политических клубов сторонников национально-освободительного движения. В 40-х годах работал профессиональный национальный театр. В городах устраивались любительские театральные представления, музыкально-декламационные вечера, балы с целью распространения национальных идей, укрепления позиций национального языка и культуры.

В годы иллиризма были заложены основы общехорватского литературного языка, национальной литературы и культуры. В своей деятельности хорватские поэты, писатели, композиторы опирались на народное, в первую очередь крестьянское, творчество. Но создавалась национальная культура и, главное, проявлялась она исключительно в городах.

Из города, где кипела живая национальная жизнь, гражданское сознание, национально-освободительная идеология и национальная культура распространялись вширь по Хорватии, Славонии и другим хорватским землям. Идеи иллиризма захватили и остальные югославянские провинции, достигнув самых отдаленных францисканских монастырей в Боснии и сел в Словении.

С начала 40-х годов XIX в. деятели иллиризма включились в политическую борьбу. Она разгорелась в саборе и жупанийских скупщинах, заседания которых проходили в городах. Политическими противниками иллиризма были мадьяроны — сторонники провенгерской ориентации. Борьба между иллирами и мадьяронами неоднократно приобретала характер кровавых столкновений. В 1845 г. во время стычки между ними императорские войска открыли огонь по участникам хорватского национально-освободительного движения. Это всколыхнуло всю Хорватию.

По характеру хозяйственной деятельности это была преимущественно торговая буржуазия, которая сочетала коммерцию с разного рода промыслами. Основным источником накопления ею капитала была торговля, в особенности хлебом, скотом и изделиями из древесины⁹. Концентрация денежных средств в ее руках не достигла высокой степени. Но имелись отдельные купцы и предприниматели, которые совершали сделки на сотни тысяч форинтов и находились в деловых связях с важнейшими экономическими центрами Австрийской империи, Европы и даже Азии. В условиях общей экономической отсталости Хорватии и Славонии, их политического неравноправного положения интересы городской буржуазии во многом смыкались с устремлениями либерального дворянства.

Олицетворяя экономический и национальный прогресс, городская буржуазия находилась еще в начальной стадии своего формирования. Она была экономически слабой, политически нерешительной и в некоторой своей части хозяйственно несамостоятельной. Явившись одной из главных действующих сил Возрождения, она тем не менее была неспособна к идейному и организационному руководству им.

Всем своим образом жизни, бытом и потребностями с городом были тесно связаны те немногие просвещенные хорватские дворяне, которые в условиях начавшегося разложения внутри господствующего класса и национального угнетения сознательно стремились к новым формам жизни. Идейно отойдя от старого общества, они поднялись до точки зрения буржуазии и выступили выразителем ее реформаторских устремлений.

В первой половине XIX в. можно серьезно говорить о появлении и утверждении новой общественной силы — немногочисленной, но весьма деятельной интеллигенции. В городах проживали адвокаты, учителя, аптекари, врачи, различного рода служащие, а в годы иллиризма и литераторы, журналисты и т. д. Особый отряд интеллигенции составляло студенчество. К национальной интеллигенции по роду своей деятельности, условиям жизни и умонастроениям примыкали и некоторые образованные священники.

Переход от феодализма к капитализму сопровождался оформлением интеллигенции в особую общественную прослойку. Она складывалась в основном за счет выходцев из непривилегированных классов. В Загребской академии удельный вес дворянской молодежи с 31,1% в 1790—1795 гг. понизился до 6,1% в 1825—1830 гг. В католических семинариях преобладающее большинство составляли выходцы из мелкобуржуазной и крестьянской среды¹⁰. Буржуазная по роду занятий и общественному положению, вышедшая в основном из недворянской среды, хорватская интеллигенция самой своей социальной природой была призвана быть глашатаем нового миропонимания и национальных чувств. Благодаря уровню образования она в наибольшей мере была подготовлена к осознанию и идейному выражению общественных потребностей, которые были связаны с интересами буржуазного развития. Естественно поэтому, что, не имея простора для деятельности в условиях национального гнета, хорватская буржуазная интеллигенция, будучи прогрессивной общественной прослойкой, выступила как активная сила Возрождения, сыграв роль идейного представителя поднимающихся буржуазных сил.

В социальном составе города значительное место занимали феодально настроенные дворянство и духовенство. В 1805 г. в Загребе дворяне и

⁹ «Преглед историје југословенских народа...», стр. 241.

¹⁰ J. S i d a k. Južnoslovenska ideja u ilirskom pokretu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3, s. 35; J. H o r v a t, J. R a v l i ć. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, s. 72.

священники составляли около 40% населения¹². Их идейная и общественная ориентация была различной. Ломка старых социально-экономических отношений и вся обстановка жизни заставляли часть консервативных дворян отходить от закостенелого феодального миропонимания, идти на уступки и, хотя с большим трудом и крайне медленно, идейно перестраиваться в соответствии с требованиями времени.

Конечно, не следует забывать о важной роли деревни в формировании и развитии идеологии и культуры Возрождения. Антифеодальная борьба крестьян была тем крупнейшим фактором, который оказывал решающее влияние на движение общественной мысли. Настроение в деревне в первую очередь определило дифференциацию внутри буржуазной идеологии в ходе ее развития и зарождение накануне 1848 г. демократического течения. Крестьянство было хранителем национального языка и традиций, хотя в то же время выступало носителем патриархальной духовной неподвижности, провинциальной ограниченности и предрассудков. В свою очередь часть низшего поместного дворянства, сельского духовенства и сельской интеллигенции явилась немаловажной опорой в деле распространения национальных идей.

Однако значение города состояло в том, что в основном он выдвинул те общественные слои, которые явились социальной основой либеральной мысли и которые определили содержание Возрождения в целом. В своеобразных условиях Хорватии и Славонии этими слоями были: передовое небогатое дворянство, купцы и предприниматели, интеллигенция и часть низшего духовенства. Из города вышли и идеологи национального Возрождения, хотя большинство их относилось к той части городского населения, которая не пользовалась привилегиями полноправных горожан.

Идеология хорватского национального Возрождения представляла собой сложный комплекс идей, взглядов и представлений, порожденных реальными запросами общества на пути перехода от феодализма к капитализму в условиях национального угнетения. Эта идеология включала разные течения, выражавшие настроения и тенденции различных классов и социальных слоев формировавшейся нации. Но при всем различии идейных направлений их объединяла национально-освободительная направленность.

Главным, определяющим содержание возрожденческой идеологии в целом было течение, которое представляло интересы прогрессивных буржуазных или обуржуазивающихся сил. Переход от феодализма к капитализму поставил перед хорватским обществом три исторические задачи: ликвидацию феодальных порядков, политическое объединение раздробленных хорватских земель и их национальное освобождение. Эти задачи были тесно связаны между собой и могли быть последовательно решены только в единстве. Носители буржуазно-дворянского мировоззрения воспринимали насущные задачи национального развития под своим классовым углом зрения. Их социальная ограниченность усугублялась идейной незрелостью, которая была связана с экономической отсталостью и провинциализмом Хорватии, а также сложными условиями исторического развития хорватского народа. Поэтому отражение объективно стоявших вопросов в идеологических концепциях буржуазно-дворянских деятелей Возрождения было ограниченным и узким.

Идеология буржуазно-дворянского течения складывалась постепенно. Запросы буржуазного развития в обстановке национального угнетения, насильственной денационализации хорватов, административно-полити-

¹² F. Šišić. Ibid., s. 7.

ческой и литературно-языковой раздробленности народа раньше всего вызвали осознание насущности решения языкового вопроса. Засилье латинского и немецкого языков, навязывание венгерского языка, неупорядоченная орфография местных наречий, отсутствие единого литературного языка — все это делало в Хорватии и Славонии языковую проблему особенно жгучей и осязаемой. Языковый вопрос, порожденный реальными условиями жизни хорватского народа, рассматривался в плане литературно-языкового объединения всех хорватов, а также места и роли национального языка в жизни общества.

Зарождение элементов национального самосознания в Хорватии относится ко второй половине XVIII в. Новые веяния и ощущения в обществе проявились в большем внимании к отечественной истории, пробуждении интереса к живой народной речи и народному творчеству, тяготении к родному языку и литературе. Но лишь в конце столетия идеология Возрождения приобрела определенную четкость, хотя и не по всем насущным вопросам национального развития, а только в языковой сфере. Провозвестниками новых идей на раннем этапе явились лица, связанные с торговой средой, и интеллигенция.

Первым, кто осознал сущность языкового вопроса и публично выступил за его решение, был Й. Шипуш — хлеботорговец из города Карловаца. Его брошюра «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям», написанная на кайкавском диалекте, вышла в 1796 г. Шипуш вполне определенно высказался за единый литературный язык для Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствовавших там говоров, рассматривая этот вопрос в тесной связи с интересами хлебной торговли. В основе этого выступления лежало понимание национального единства хорватского народа.

Вскоре одно за другим последовали другие публичные выступления, в большей или меньшей мере выражавшие понимание национальной проблемы. В 1815 г. в печати выступил А. Миханович, находившийся тогда на государственной службе, затем — Ю. Шпорер, студент, позднее врач, вышедший из влиятельной торговой семьи города Карловаца. В 1830 г. прозвучал голос Людевита Гаая, студента пештского университета, сына аптекаря из Крапины, впоследствии одного из руководителей иллирийского движения. В 1832 г. появилась брошюра загребского юриста И. Деркоса.

Консервативные помещики имели свой взгляд на жизнь и ее задачи. Они руководствовались феодально-дворянскими идеалами. Вместе с тем перемена жизненных условий, укрепление буржуазных сил в Хорватии и Славонии, а также политические обстоятельства — усиление венгерского натиска на Хорватию и рост венгерского либерального движения — обусловили постепенное восприятие идей общественного прогресса частью консервативного, в основном небогатого дворянства. В первую очередь это касалось национального вопроса, в меньшей мере — некоторых аспектов экономического развития. В течение веков хорватское дворянство вело борьбу за сохранение политических прав Хорватского королевства, а по существу за свои сословные политические привилегии. Эта традиция политического сопротивления облегчила для него в новых условиях приобщение к национальным идеям.

Консервативное дворянство в свою очередь не было идейно единым. Умонастроения той части помещиков, которые в наибольшей мере продвинулись в понимании национальных интересов, насколько позволяла это их классовая природа, выразил в 1832 г. представитель столичной аристократии, один из наиболее образованных хорватов своего времени, граф Янко Драшкович в политической брошюре «Диссертация». В ней подни-

мались вопросы политического, экономического, национального и культурного развития хорватского народа. Это была дворянская программа с некоторой долей умеренного либерализма.

С началом организованного национально-освободительного движения (1835 г.) идеология национального Возрождения вступила в новую фазу своего развития. Ее выразителями по-прежнему были лица, связанные всем строем своей жизни с городом. Однако идейными вдохновителями буржуазно-национального направления в движении теперь выступали передовые небогатые дворяне и интеллигенция. Это были: Л. Гай, Б. Шулек, Д. Раковац, И. Кукулевич-Сакцинский, Л. Вукотинович и другие.

Слабость торгово-промышленной буржуазии, ее неподготовленность к идейному и организационному руководству движением, а, с другой стороны, острота положения, в котором оказалось хорватское дворянство в результате кризиса феодальной системы в условиях политического экономического и национального гнета, — все это выдвинуло передовых дворян, наряду с патриотически настроенной интеллигенцией, во главу борьбы за прогресс.

Национальная проблема в широком смысле заняла ведущее, первостепенное место в идеологии новых общественных сил в годы иллиризма. Основное внимание уделялось задачам национального и политического характера: объединению хорватских земель в одно политическое целое, их внутренней самостоятельности, буржуазным преобразованиям общественного строя. Своеобразие идеологии иллиризма состояло в том, что она охватывала в культурно-идеологическом плане всех южных славян, преследуя цель их объединения в лоне одного литературного языка и культуры как предпосылку политического союза в будущем. Социальный вопрос получил признание со стороны буржуазно-дворянских деятелей значительно позже, на рубеже 30-40-х годов XIX в. под решающим воздействием крестьянского движения и всегда сохранял для них подчиненное значение.

Либеральные идеологи уделяли внимание положению, роли и месту городской буржуазии в обществе. Теоретически они связывали с ней общественный прогресс. «Тем, чем была до сих пор аристократия, — писала национальная газета в 1847 г., — должна быть отныне буржуазия»¹². В то же время либеральная среда сознавала, что хорватские горожане как по материальному, так и по духовному состоянию еще далеки от того, чтобы стать ведущей силой в стране¹³.

В буржуазно-национальной идеологии Возрождения нашли прямое отражение конкретные интересы города, точнее — горожан. Либералы были сторонниками экономического и политического прогресса. Но в данном случае речь идет не о принципиальных потребностях буржуазного класса в целом, которые возвышались до интересов всей нации, а о специфических нуждах зажиточной торгово-промышленной среды. Они проявлялись в выступлениях либералов за упорядочение городского управления. Отзвук прямых купеческих интересов налицо в меркантилистических чертах экономических воззрений буржуазно-дворянских деятелей. Вопросы о железнодорожном строительстве, техническом образовании, экономических обществах и т. д. ставились и решались ими не в последнюю очередь под влиянием стремлений городской торгово-промышленной верхушки. Все это усиливало буржуазные черты либеральной программы.

Часть консервативного дворянства в годы иллиризма выступала за некоторое улучшение условий национального, политического и эконо-

¹² «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske», 27. XII. 1847, s. 384.

¹³ Ibid., 12. V. 1847, s. 149.

Национально-освободительная борьба, пробудившая интерес к общественным вопросам в разных слоях населения, объединившая вопреки сословным, местным, диалектным и прочим перегородкам национально сознателных хорватов под одним национальным знаменем и сконцентрировавшая усилия разрозненных слоев и групп населения в общественной деятельности во имя общенациональных задач, сплачивала нацию. В ходе этой борьбы в наибольшей степени крепло национальное самосознание. В годы иллиризма значительно выросли и окрепли силы хорватского национализма.

Идеология хорватского национального Возрождения, вобрав в себя национальные духовные традиции, формировалась под сильным воздействием прогрессивной европейской общественно-политической мысли и передовых течений творческой жизни европейских народов. Идеи и политическая практика Великой Французской революции, литература немецкого Просвещения и немецкие буржуазные концепции XIX в., национальное Возрождение других славян, в первую очередь в Австрийской империи, венгерская печать и опыт национальной деятельности венгров, наконец, русская культура — все эти идеологические и общественные явления оказали влияние на строй взглядов, программу и деятельность носителей хорватского национального Возрождения. Идеиное влияние на хорватское общественное сознание шло в первую очередь и в основном через город, ибо именно в городе проживали те хорватские мыслители, которые были подготовлены к восприятию идей, близких нуждам развития хорватского народа, и были способны к их творческой переработке сообразно со спецификой освободительного движения и условиями жизни. Однако много было «заимствовано» просвещенными хорватами непосредственно в Вене, Граце и Пеште во время пребывания их там для обучения или с иными целями.

Было бы упрощением, говоря о влиянии города на развитие хорватского общественного сознания, отмечать исключительно положительную роль города, хотя само по себе это обоснованно и справедливо. Действительное положение дел в Хорватии и Славонии было значительно сложнее. Хорватский народ формировался в нацию в условиях двойного национального угнетения. Во второй половине XVIII в. он подвергался усиленной германизации. И в XIX в. австрийские правящие круги не отказались от своих вождедений касательно онемечения хорватов, но процесс германизации в это время приобрел скрытые формы. С конца XVIII в. началась насильственная мадьяризация хорватского народа. Националистическая политика австрийских феодально-абсолютистских кругов и венгерского дворянства наибольшие результаты имела в городе.

В рассматриваемое время в Загребе, Вараждине, Карловаце, Осиеке книжные лавки в изобилии предлагали немецкие газеты, журналы, беллетристику и прочую литературу. В городах были распространены немецкий язык и обычаи. Один из национальных деятелей А. Немчич-Гостовинский отмечал в 1843 г.: «Если бы какой-нибудь иностранец прибыл в Загреб и увидел вывески на лавках и эмблемы ремесленников, то в первый момент он бы решил, что находится в каком-то немецком городе, а не в столице Хорватии»¹⁴. В Хорватии и Славонии гастролировали немецкие артисты и театральные труппы. В Загребе функционировал постоянный немецкий театр. Любительские театральные коллективы ставили преимущественно немецкие пьесы. Первые местные периодические издания появились в хорватской столице на немецком языке и по существу ограничивались материалом, почерпнутым из центральной австрийской прессы. В

¹⁴ А. Немчич-Гостовински. Putositnice, knj. I. Zagreb., 1942, s. 83.

школах учащиеся получали знания в первую очередь в области немецкой литературы.

Идейное и культурное австрийское влияние на Хорватию и Славонию было противоречивым. Из Австрии и через нее из Германии сюда проникали передовые идеи времени, которые усваивались дальновидными хорватами и становились достоянием национально-освободительной идеологии. В то же время австрийская мещанская культура в основном оказывала развращающее воздействие на сознание хорватов, подчиняя их духовный мир интересам и целям немецкой националистической пропаганды. Это было тем более опасно, поскольку германизация имела в Хорватии и Славонии серьезную опору в лице значительного по численности и материальному достатку городского слоя немецких и онемеченных ремесленников и торговцев.

Мадьяризация на практике получила поддержку со стороны местной аристократии, в первую очередь столичной. Ее социальные и политические интересы побуждали выступать за теснейший союз Хорватии с Венгрией даже ценой национальных уступок. В 1840 г. в Загребе было открыто «Казино», которое явилось организационным центром мадьяронства — общественно-политического течения, преследовавшего цель упрочения и углубления хорвато-венгерских связей. В саборе и жупанийских скупщинах мадьяроны яростно боролись против всех, кто отстаивал национальную и политическую самостоятельность хорватского народа. Мадьяронские настроения получили распространение и за пределами города. Но инициатива и организационное руководство этим течением осуществлялось из столицы.

Формирование идеологии хорватского национально-освободительного движения проходило в борьбе с националистическим давлением со стороны австрийского и венгерского господствующих классов. Здоровые в национальном отношении общественные слои города были важнейшей опорой ее развития. Однако отдельные группы городского населения занимали антinationальную позицию. Выступая по существу пособниками националистической политики австрийских и венгерских властей, они противодействовали укреплению и расширению национального самосознания. В городе решались судьбы национально-освободительных идеалов и прилагались усилия к реальному воплощению новых идей в общественной жизни.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. КАЛЕНИЧЕНКО. Polacy w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej na Ukrainie 1917—1920. Warszawa, 1969.

П. КАЛЕНИЧЕНКО. Участие поляков в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине 1917—1920

В последние годы марксистская историография весьма интенсивно разрабатывает проблему участия зарубежных интернационалистов, в том числе польских, в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в Советской России¹. Многие аспекты этой важной проблемы уже достаточно хорошо изучены. Однако большинство исследователей занималось изучением деятельности поляков на территории всей бывшей Российской империи и, как правило, их работы хронологически не выходили за пределы 1917—1920 гг. Автор рецензируемой книги — украинский историк П. М. Калениченко одним из первых взялся за разработку локальной темы — участие поляков в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине. Сужение географических рамок исследования вполне оправдано: на Украине по подсчетам исследователя находилось около $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ части тех 2,5 млн поляков, которые в 1917 г. по разным причинам оказались на территории России. К тому же на Украине в 1917—1920 гг. шла острая борьба как против внутренней, так и против внешней контрреволюции, в которой поляки, как показывает исследование П. М. Калениченко, приняли самое активное участие.

¹ «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967; «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957; «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции». М., 1967; А. Я. М а н у с е в и ч. Поляки в Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966; T. B u t k i e w i c z, A. S ł i s z. Udział Polaków w Rewolucji Październikowej i obronie jej zdobyczy. Warszawa, 1967; W. N a j d u s. Polacy w rewolucji 1917 roku. Warszawa, 1967, и др.

Автор проделал чрезвычайно кропотливую работу, собирая материалы, рассыпанные по многочисленным архивам Советского Союза и Польской Народной Республики. Наряду с такими архивами, как Центральный государственный архив Октябрьской революции, Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральный архив Советской Армии, Архив Института истории партии при ЦК ПОРП, Архив новых актов и др., материалы которых уже вводились в научный оборот советскими и польскими историками, П. М. Калениченко изучил многочисленные фонды областных партийных и государственных архивов Украины (Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Донецка), используя в общей сложности 68 фондов из 28 польских и советских архивов. Широко привлечена также большевистская печать и местные польские газеты, выходившие на Украине.

Богатая источниковедческая база и эрудиция автора, хорошо знакомого с работами своих предшественников, позволили ему выявить новые факты о деятельности польских интернационалистов в нашей стране и нарисовать широкую картину участия поляков в событиях на Украине. Рассматривая в хронологической последовательности историю революции и гражданской войны на Украине, автор показывает роль и деятельность тех политических групп и организаций, которые объединяли в своих рядах поляков на Украине — СДКПиЛ, ППС-левицы, позднее КРПП, ППС, Социалистического объединения и т. д.

Собранный П. М. Калениченко богатый фактический материал свидетельствует, что секции СДКПиЛ и ППС-левицы возглавляли революционную борьбу трудящихся-поляков, активно участвовали в установлении Советской власти на Украине, в работе комиссариатов по польским делам, которые были состав-

ной частью украинских советских органов. Группы СДКПиЛ и ППС-левицы позднее, в конце 1918 — начале 1919 г. объединившиеся в КРПП, приняли участие в борьбе трудящихся Украины против немецких оккупантов, белогвардейских войск Деникина и украинской контр-революции.

П. М. Калениченко показывает, как происходило объединение групп СДКПиЛ и ППС-левицы на Украине в Коммунистическую рабочую партию. Ему удалось установить неизвестный ранее факт, что в составе образовавшейся в марте 1919 г. в Киеве Федерации иностранных коммунистических групп при ЦК КП(б)У существовала и польская секция.

В книге всесторонне анализируются позиции польских революционных групп на Украине. Подчеркивая интернационализм ППС-левицы, автор в то же время отмечает, что ЦИК ППС-левицы в России и отдельные секции этой партии на Украине по некоторым вопросам колебались между большевиками и меньшевиками. В Одессе, в отличие от большинства других украинских городов, не произошло объединения левых революционных сил — здесь до конца гражданской войны существовали две польские рабочие организации.

П. М. Калениченко отошел от той упрощенной оценки ППС-фракции, которая в прошлом была характерна для работ некоторых историков. В рецензируемой книге ППС рассматривается как прогрессивная организация, действовавшая на территории России. Автор подчеркивает, что правое руководство ППС отрицательно относилось к социалистической революции, но в партии было левое крыло, отражавшее взгляды и настроения рабочих-целезовцев. Представители ППС работали в комиссариате по польским делам в Киеве, в Совете революционно-демократических организаций в Одессе, в некоторых Советах рабочих депутатов. За два дня до вступления немецких войск в Киев Краевой комитет ППС обратился к польскому пролетариату с призывом встать в революционные ряды для борьбы с немецким империализмом — заклятым врагом трудящихся Польши.

В заключительных разделах книги показано участие поляков в борьбе против войск Пилсудского и Врангеля в 1920 г.

П. М. Калениченко собрал интересный материал о той большой агитационно-пропагандистской работе, которую проводили Польские бюро при ЦК КП(б)У (по решению Польского бюро при ЦК КП(б)У были созданы два польских бюро: одно — на Правобережной, другое — на Левобережной Украине).

Завершается книга рассказом о том, как поляки, возвращаясь из Советской России, распространяли из себя на родине идеи Великого Октября. Ссылаясь на исследования польских историков, П. М. Калениченко подчеркивает, что не деятельность реэмигрантов была причиной роста революционных настроений в Польше — их нужно искать в социально-экономическом положении польского рабочего класса и крестьянства. Репатрианты были своего рода катализатором, который ускорил радикализацию трудящихся масс.

Новое исследование П. М. Калениченко значительно расширяет и обогащает наши представления о деятельности польских организаций на Украине в 1917—1920 гг. Правда, не все поднятые автором вопросы нашли в книге полное освещение. Так, указав на необходимость изучения деятельности польских буржуазных группировок на Украине, П. М. Калениченко ограничился лишь весьма беглой характеристикой их позиций весной и летом 1917 г. На наш взгляд, следовало бы также показать отношение поляков-эмигрантов к событиям в Польше, в первую очередь к таким, как образование независимого государства. К сожалению, этот вопрос, по существу, оказался обойденным.

В книге имеются некоторые неточности. Так, например, о Т. Жарском нельзя сказать, что после возвращения в Польшу он стал видным деятелем КРПП (стр. 54). Жарский был одним из активных деятелей левого крыла ППС, организаторов ППС — оппозиции, и лишь в 1920 г. вместе с последней вступил в КРПП.

Эти недочеты не меняют общей положительной оценки книги П. М. Калениченко. Польское издательство «Ксёнжка и ведза» сделало полезное дело, издав монографию украинского ученого.

С. М. Стецкевич

«U państwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948)». Materiały źródłowe. Do druku przygotowała i wstępem poprzedziła H. Jędruszczak PWN, T. I. Warszawa, 1967, 350 s.; T. II. 1969, 442 s.

«Обобществление и восстановление промышленности в Польше (1944—1948)»

Проблемы перехода от капитализма к социализму относятся к числу наиболее актуальных научно-политических проблем современности. Опыт стран социа-

лизма в этой области неуклонно привлекает внимание самых различных категорий читателей. Вопрос о темпах и характерных чертах процессов переход-

ного периода в Польше — один из наиболее интересных в силу как специфических условий страны, особенно сильно пострадавшей от гитлеризма, так и своеобразной расстановки классовых сил, не приведшей к созданию достаточно широкого национального фронта. Эти моменты повлияли на формы и методы перехода страны к социализму, и, в частности, на национализацию основных средств производства, отражающую становление и укрепление социалистического сектора народного хозяйства.

Первый том двухтомной публикации, посвященной обобществлению и восстановлению промышленности в народной Польше, содержит материалы с августа 1944 г. до принятия в январе 1946 г. закона о национализации основных отраслей народного хозяйства. В томе преобладают не опубликованные ранее документы из архивов: Государственного совета, Института истории партии при ЦК ПОРП и Управления Совета Министров, Архива новых актов. Отдельные архивные материалы, а также некоторые опубликованные ранее документы, приводятся в виде регест. Исключение делается для чрезвычайно важной инструкции ЦК ППР от 27 марта 1945 г. и двух законодательных актов — закона от 6 мая 1945 г. и закона от 3 января 1946 г., приводимых в приложениях.

В том включены важнейшие документы центральных государственных и партийных органов и учреждений, преимущественно синтетически представляющие положение в промышленности, подготовку и проведение национализации. Часть документов характеризует позиции и линию частного капитала. Наиболее интересны в этом отношении документы промышленно-торговых палат. Много нового в понимание процессов переходного периода вносят документы о развитии производственной кооперации в промышленности.

Публикуемые материалы характеризуют главным образом экономические и юридические аспекты обобществления промышленности и в этих областях дают много нового для исследователя. Слабее отражены политические процессы, связанные с национализацией промышленности. Мало документов, характеризующих эволюцию отношения к национализации и ее масштабам различных политических партий (за исключением ППР и в меньшей мере — ПСЛ). Позиции ППС и СЛ прослеживаются только в материалах заседания КРН во время обсуждения закона о национализации основных средств производства от 3 января 1946 г. Полностью отсутствуют документы, по которым можно было бы судить об отношении к национализации политического и вооруженного подполья. Составитель, правда, оговаривает необходимость ограничения круга проблем

публикации в связи с ее относительно небольшим объемом и чрезвычайной широтой темы.

Г. Ендруцак говорит о необходимости сбора и обработки материалов об охране и вводе в действие предприятий рабочими по мере освобождения страны от оккупации. Для этого надо было бы поднять материалы местных архивов, документацию предприятий. Хотя огромные трудности, с которыми в данном случае столкнулся составитель, очевидны, все же слишком малое количество документов об этом процессе обедняет издание.

Публикации предпослано введение — это крупная (3 п. л.) монографическая статья Г. Ендруцака, содержащая обширный справочный материал и интересную, новаторскую трактовку ряда проблем. Автор выделяет основные направления развития польской экономики, прослеживает оформление хозяйственных функций польского государства, начиная с экскурса в историю польского хозяйства XVI в. В статье дается детальная характеристика степени национализации польской промышленности к началу второй мировой войны. Читатель получает информацию о программных установках польских коммунистов и социалистов, содержащих требование национализации промышленности, об антимонополистических требованиях СЛ, сводящихся к экспроприации крупных капиталистов и передаче их предприятий в руки кооперации, самоуправления и т. д. Автор обращает внимание на разрушение довоенной структуры польской промышленности в годы оккупации, в том числе на принудительную централизацию этой промышленности, на экспроприацию и даже уничтожение части буржуазии, указывая на складывание условий для ускорения процесса национализации. Далее рассматриваются меры народной власти по налаживанию промышленного производства, созданию системы управления предприятиями, принадлежавшими ранее польскому государству и немецким владельцам, а также и перешедшими во временное государственное управление. Опираясь на представленные в томе документы, автор убедительно показывает сложность и неоднозначность этого процесса, раскрывает ряд его существенных сторон, в частности, пути и темпы решения вопроса о возвращении перешедших во временное государственное управление частных предприятий их владельцам.

Г. Ендруцак старается всесторонне рассмотреть происходившие в польской промышленности процессы. Она приходит к выводу, что национализация промышленности в Польше после второй мировой войны «не была разовым актом, а также бесконфликтной реализацией программных установок», что это был

«продолжавшийся несколько лет процесс, темпы и объем которого менялись, причем его сопровождало столкновение многих концепций реализации национализации и различных предложений, касающихся модели польской социалистической экономики» (стр. 9).

Правильность этого тезиса подтверждают помещенные в томе документы, а еще более — богатая аргументация автора, опирающаяся на значительно более широкий круг источников. Г. Ендрушак уделяет значительное внимание борьбе рабочего класса за сохранность и пуск предприятий, подчеркивая, что она была «доминирующим фактором экономической жизни» на этом этапе. Вместе с тем автор не упрощает процесса формирования социалистических производственных отношений, борьбы ППР за сплочение рабочего класса на позициях активной поддержки программы народной власти.

С большой тщательностью автор воспроизводит юридические меры, отражающие оформление структуры собственности в народной Польше. Анализ формально-юридических моментов дополняется рассмотрением социально-экономических отношений; при этом указывается, что особенно в первой фазе организации аппарата народной власти, когда одновременно решались важнейшие вопросы формирования и укрепления народного фронта, а фабрики находились на этапе становления, «трудно было бы государственный сектор в промышленности в 1944—1945 годах рассматривать как сектор социалистического характера» (стр. 17); что это была «переходная форма между капиталистической и социалистической организацией общественного производства в промышленности» (там же).

Рассказывая о подготовке и принятии закона о национализации основных средств производства от 3 января 1946 г., Г. Ендрушак обращает внимание читателя на то, что это был отнюдь не завершающий рубеж процесса, а лишь его этап, хотя и очень существенный. Практическая реализация закона растянулась почти на три года, развернувшись в полном объеме во втором полугодии 1946 г. В ходе определяющих социально-политических процессов уточнялись принципы и методы проведения закона

в жизнь и основная масса предприятий была национализирована в 1948 г.

Практическому проведению в жизнь закона о национализации основных средств производства посвящен второй том публикации, в котором одновременно раскрывается процесс подготовки решения КРН от 21 сентября 1946 г. о принятии трехлетнего народнохозяйственного плана.

Том составлен в основном из архивных документов, широко показывающих борьбу государственных органов, политических партий и профсоюзов за претворение в жизнь закона о национализации основных отраслей промышленности. Большим достоинством публикации является детальный, тщательный показ методов проведения национализации, темпов и объема этого процесса, изменений в структуре промышленности страны. Документы тома помогают глубже раскрыть политическое значение постановки этого вопроса на референдуме. Они дают представление о деятельности прогрессивных сил польского народа, о его решимости осуществить социалистические преобразования, об успехах, достигнутых им в этой области.

Хотелось бы высказать ряд замечаний и пожеланий по археографической обработке и комментированию документов. Далеко не всегда оправдано приведение разноплановых документов целиком. В комментариях желательно было бы иметь больше справочного материала, особенно о тех или иных законодательных актах, решениях и т. д., ибо читатель не всегда знает о них и имеет их в своем распоряжении. Не везде даются необходимые сведения об авторах ряда документов, опущены даже их должности. Желательна была бы большая четкость заголовков и их унификация (например, в одних случаях в заголовке дается только фамилия без указания должности, в других — только должность, хотя под документом есть подпись и т. п.). В ряде случаев заголовок сводится к заголовку самого документа, без раскрытия его содержания. В ряде случаев наблюдается совмещение заголовка с легендой. Подобные недочеты не снижают ценности публикации, которая послужит основой для изучения истории народной Польши.

И. Яжборовская

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Письма к А. Тесковой. Прага. Academia, 1969

Появилось издание писем (1922—1939) Марины Цветаевой председателю «Чешско-русской Едноты» Анне Тесковой. В книгу вошло 135 писем, хранящихся ныне в Страговском собрании. Эти письма снабжены вступительным очерком Здене-

ка Матгаузера («Катарсис Марины Цветаевой»), в котором дан энергично очерченный творческий профиль поэтессы, и деловой статьей издателя писем Вадима Морковина, излагающей эдические принципы и характеризующей пражско-

го адресата переписки. Морковину принадлежат также квалифицированно выполненные комментарии.

Анна Тескова (1872—1954) вышла из семьи, разные поколения которой общались с такими выдающимися писателями, как Йозеф Добровский, Франтишек Палацкий, Ян Неруда, Божена Немцова. До четырнадцати лет Тескова жила в Москве, училась в русской школе и навсегда сохранила симпатию к русской культуре. Прозаик и переводчица, она публиковала в Чехии очерки из московской жизни и переводы из Льва Толстого, Вл. Соловьева, Достоевского, Паустовского. Она была одним из инициаторов создания «Чешско-русской Едноты» (1919), а затем возглавляла эту организацию, преследовавшую главным образом благотворительно-просветительские цели.

В Прагу Марина Цветаева приехала в августе 1922 г., и уже в ноябре Анна Тескова обратилась к ней с предложением выступить на вечере в «Едноте». Вначале их отношения носили сугубо деловой характер, но очень скоро превратились в дружеские. Для Цветаевой длительные официальные отношений вообще не существовало — она либо обрывала их, либо переводила в план напряженного и поразительного по откровенности духовного общения.

Переписка стала особенно интенсивной в парижский период жизни Цветаевой, когда она чувствовала себя очень одинокой. Судьба поэтессы складывалась так, что ей приходилось заменять живой контакт со многими близкими ей людьми письмами, и эти диалоги на расстоянии делались своего рода эпистолярными романами, по своему уровню не уступающими лучшим прозаическим вещам Цветаевой.

Осведомленность Цветаевой в чешской культуре была достаточно широка. Она была хорошо знакома с известным писателем и переводчиком Франтишком Кубкой (недавно скончавшимся), который, между прочим, посвятил ей воспоминания «*Smutná romance o Marině Cvetajevové*» (в книге Кубки «*Hlasý od Východu*», Прага, 1960).

Высокую оценку дала Цветаева «Бравому солдату Швейку». Роман, как можно заключить из письма от 7 августа 1929 г. (№ 54), был близок ее бунтарской натуре своей остротой и бескомпромиссностью: «... Даровитый человек и единственная вещь. Как жаль, что так рано умер. И как безнадежна попытка друга (*другого!*) закончить. Как все добрее и тупеет ...» (стр. 76). По-видимому, эта проникнутая духом возрожденческой новеллистики проза притягивала поэтессу еще и тем, что питалась народной культурой, отразившейся и во многих поэмах и стихах Цветаевой.

С большой симпатией относилась поэ-

тесса к Карелу Чапеку. 10 ноября 1938 г. она сообщает Анне Тесковой о кампании «лучшей части интеллигенции» за присуждение писателю Нобелевской премии и среди подписавшихся под обращением называет супругов Фредерика и Ирен Жолио-Кюри: «Они для меня некий барометр правды» (стр. 165). Существенно напомнить, что эта кампания вспыхнула сразу же после мюнхенского соглашения и поэтому имела характер политической демонстрации в поддержку чешской нации. Цветаева еще раз вернулась к этой теме спустя две недели, когда в Париж с официальным визитом приехал «миротворец» Чемберлен. Она прокомментировала его приезд с горечью и сарказмом: «Рукоплескания были — иначе не скажу — круглые: как портфели рукоплещущих. Вот бы Вашему Чапеку — живописать эту встречу: иллюминированный *Hôtel de Ville* — председатель с лентой — дамы в глом и мужчины в черном — никого из народа: ни одного из целого народа — благодарность — от имени этого (недопущенного) народа за... услугу — другому народу — ответная...» (стр. 169—170). Смерть Чапека потрясла Цветаеву — для нее эта утрата была знаком чешской трагедии в целом, разыгравшейся в ту пору, «... когда так важен и нужен — каждый, когда человек уже значит — *герой*» (стр. 175—176).

Письма Цветаевой могут быть рассмотрены не только в плане русско-чешских культурных связей, но и как источник для характеристики некоторых сторон европейского литературного быта 20—30-х годов. Здесь нам хотелось бы отметить, что они свидетельствуют о существовании межнациональной писательской «корпорации», возникшей в XX в. (предыдущим двум столетиям такое явление не свойственно — XX век вспомнил о забытых принципах Ренессанса). Пользуясь языком современной социологии, содержание писателей можно было бы определить как своего рода «невидимый коллектив», члены которого осознавали некую особую солидарность друг другу. «Жалею в нем чеха, — восклицала Цветаева в письме о смерти Чапека, — жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем — *свое* поколение. Нашего полку — еще убыло» (стр. 176). Корпоративный, цеховой дух сквозит и в отзыве Бернарда Шоу о Чапеке, переданном Цветаевой ее чешскому другу. Он сказывался, например, и в обмене еще не напечатанными произведениями. Рильке (по рождению тоже пражанин), которого Цветаева называла «германским Орфеем, то есть Орфеем, *на этот раз* явившимся в Германию» (стр. 48), посвятил русской поэтессе предсмертную «Элегию для Марины» — ее текст сначала знали только Цветаева и Пастернак, несколько позднее он стал известен и сестрам Тесковым,

также большим поклонникам Рильке. Чешские пейзажи, Прага, чешский язык всегда оставались для Цветаевой самым светлым воспоминанием. Главным символом Чехии стала для Цветаевой легендарная статуя Брунцвика на Карловом мосту:

Блédно-лицый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку...

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

Письма дают обильную пищу для размышлений над творческой историей этих стихов: Цветаеву интересовала и старинная «гербовая повесть» о Брунцвике, и пражская легенда о его мече, и иконографической материал о статуе на Карловом мосту.

Переписку Цветаевой с Анной Тесковой нужно оценивать как своеобразный комментарий и предысторию знаменитого цикла «Стихов к Чехии». Вторжение моторизованных орд в 1938—1939 гг. Цветаева восприняла как личное горе, как разрушение того светлого мира, который она сохранила в своей памяти.

В заключение скажем, что эпистолярная проза Цветаевой заслуживает внимания и в плане словесного мастерства. Интересно наблюдение, сделанное Зденеком Маттаузером во вступительной статье: «Цветаева... часто сообщает себя некому ... собеседнику, обращается к нему со своим монологом (или точнее: с осуществленной половиной диалога)».

А. М. Панченко,
И. П. Смирнов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В КОНЦЕ 1969 — НАЧАЛЕ 1970 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

А лам пиев П. В. И. Ленин и сотрудничество социалистических наций. Мировая экономика и междунар. отношения, 1970, № 1.

А лам пиев П. М. Социалистический интернационализм и национальные интересы. (Некоторые аспекты сочетания интернационализма и национальных интересов в экономической политике социалистических стран.) «Новое время», 1970, № 8.

А н т о н ю к С. М. Двадцатипятириччя Народної Польщі. Наук. сесія в Києві. 16 июля 1969 г. Вісн. АН УРСР, Київ, 1969, № 8.

Б и л я к В. Интернациональный долг коммунистов. «Правда», 1970, 1 марта.

Б о г о м о л о в О., Т е р е х о в В. Ленин и развитие мирового социалистического содружества. «Вопросы экономики», 1970, № 2.

Борьба против антикоммунизма — боевая задача антиимпериалистических сил. О международной теоретической конференции «Возрастание роли ленинизма в

современную эпоху и критика антикоммунизма». 19—23 января 1970 г. «Правда», 1970, 21, 24 января; «Новое время», 1970, № 5.

В а с и л ь е в а Р. Х., К р е д і с о в А. І. К. Маркс про закономірності переходу людства від капіталізму до соціалізму та банкрутство буржуазних критиків. Питання політ, економії, Київ, 1969, вип. 48.

В е д е ш и н Л. А., К р о ш к и н М. Г. Спутник «Интеркосмос-1» и его научная программа. (Сотрудничество ученых социалистических стран в исследованиях космоса.) Вестн. АН СССР, 1969, № 12.

Встреча представителей коммунистических и рабочих партий европейских стран (посвященная проблеме коллективной безопасности в Европе и подготовке к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Москва, 14—15 января 1970 г.). «Правда», 1970, 16 января.

Встреча представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Софии (24—25 февраля 1970 г.). «Правда», 1970, 26 февраля.

Г а б у н и я В. В. И. Ленин о классовой борьбе в период строительства социализма. «Правда», 1970, 28 февраля.

Дело социализма непобедимо. (О торжественном митинге в Праге 24 февраля, посвященном 22-й годовщине победы

трудового народа Чехословакии в феврале 1948 г.) «Правда», 1970, 25 февраля.

Е н д р и х о в с к и й С. Авангард борьбы за мир и безопасность. (О вкладе ПОРП в дело укрепления единства и сотрудничества социалистических стран.) «Правда», 1970, 22 января.

Ж и в к о в Т. Ленинизм и проблемы строительства социализма в Болгарии. «Правда», 1970, 21 марта.

Живое воплощение идей ленинизма. (О международной научной конференции «Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма».) «Правда», 1970, 28 января.

З а в ь я л о в Л. Европа и европейская безопасность. (К вопросу о созыве общеевропейского совещания.) «Новое время», 1970, № 7.

И о в ч у к М. Ленинизм и современная борьба идей в философии. «Коммунист», 1970, № 2.

Коммюнике о визите министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Чехословацкую Социалистическую Республику (16—21 марта 1970 г.). «Правда», 1970, 22 марта.

К о п н и н П. В. И. Ленин и философская наука. «Правда», 1970, 14 февраля.

Ленинизм и мировой революционный процесс. Международная теоретическая конференция в Москве (24—26 февраля 1970 г.). «Правда», 1970, 25, 26, 27 февраля.

М о м д ж я н Х. О ревизионистской концепции «моделей социализма». «Коммунист», 1970, № 8.

Н е м е ш Д. Ленинизм и развитие мировой социалистической системы. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 1.

О л е й н и к И. Ленинизм и международное значение опыта строительства социализма. Междунар. жизнь, 1970, № 2.

О р л и к И. И. Две дискуссии о системе безопасности в Европе. (О «европейском колдовстве» в Бухаресте и международной конференции в Варшаве в 1969 г.) Мировая экономика и международ. отношения, 1970, № 2.

П а н ч е н к о П. П., Г а й в о р о н ю к В. О. Прикордонні зв'язки трудящих УРСР і зарубіжних соціалістичних країн (1956—1969 рр.), Укр. іст. журн., Київ, 1969, № 12.

Р и х т а Р. Научно-техническая революция и развитие человека. «Вопросы философии», 1970, № 1.

Р ы б а к о в Ю. М. Международно-правовое сотрудничество в космосе. Сов. гос-во и право, 1970, № 2.

С в о б о д а Л. Вечно живое учение. Интервью с Президентом ЧССР Людвиком Свободой. (В связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.) «Правда», 1970, 11 февраля.

С е д и н Л. Странники и противники европейской безопасности. (В связи с

предложением социалистических государств о созыве общеевропейского совещания.) «Новое время», 1969, № 52.

С к в о р ц е в Л. В. И. Ленин о борьбе против мелкобуржуазной идеологии. «Правда», 1970, 21 февраля.

С о х а н ь П. Солидарность и сотрудничество — основа могущества социалистических стран. «Коммунист Украины». Киев, 1969, № 12.

Ш е в ч е н к о Э. За мир и безопасность в Европе. (В связи с заявлением участников Пражского совещания министров иностранных дел социалистических стран 30—31 октября 1969 г. о необходимости созыва общеевропейского совещания.) «Вопросы и ответы», 1970, № 1.

Ш и д л я к Я. Вечно живые ленинские идеи пролетарского интернационализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 2.

Я р о ш е в с к и й Т. Диалектика человеческой практики в трудах В. И. Ленина. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1970, № 1.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А л л а х в е р д я н Д. О хозяйственных реформах в европейских странах социализма. «Вопросы экономики», 1969, № 9.

Б а б у р с к и Г. НРБ: индустриализация сельского хозяйства. Эконом. газета, 1969, № 44.

Б а к ы р д ж и е в П. Наши внешнеэкономические связи. (Болгария.) «Новое время», 1969, № 36.

Б у д а н ц е в Ю. Международная выставка «Автоматизация-69». (Об успехах в развитии электронно-вычислительной техники в странах социалистического лагеря по материалам выставки.) Вестн. статистики, 1969, № 9.

В а ч к о в М. Железнодорожный транспорт НРБ за 25 лет народной власти. Ж.-д. транспорт, 1969, № 9.

Г л у в ч и к Я. ПНР: новое в планировании. Эконом. газета, 1969, № 41.

Д а в и д о в Д. Экономическая реформа в Народной Болгарии. Пром-сть Белоруссии, 1969, № 9.

25 лет судостроению Польской Народной Республики. «Судостроение», 1969, № 9.

Д о н ч е в А. Научные исследования в области энергетики за 25 лет. «Электричество», 1969, № 9.

Д о ц е н к о А. Материальное стимулирование труда в сельскохозяйственных кооперативах Болгарии. Экономика Сов. Украины, 1969, № 9.

Д о ч е в И. Проблемы экономического развития Народной Республики Болгарии. План. хоз-во, 1969, № 9.

Д р у з ь я к о в а Н. Заметки о хозяйственной реформе (в Болгарии). «Новое время», 1969, № 36.

Д у д о р о в Н. Пловдивская юбилей-

ная (ярмарка 1969 г.). Эконом. газета, 1969, № 43.

Ды л б о в С. Новая система руководства народным хозяйством в Народной Республике Болгарии. План. хоз-во, 1969, № 10.

Е в с т и г н е е в Р., П р о м с к и й Н. О некоторых итогах и проблемах дальнейшего развития экономических реформ в европейских странах социализма. Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1969, № 8.

Ж а р к о в П. Сотрудничество стран СЭВ в области науки и техники. «Новое время», 1969, № 32.

Ж и в к о в Ж. Вдохновляющие итоги экономического развития (Болгарии). Экономич. газета, 1969, № 36.

Ж у р а в л е в А. Т. Про д ю закону вартості при соціалізмi. Питання політ. економії, 1969, вип. 52.

З а л а Ф. Проблемы внутренней торговли в новых условиях. (Научная конференция исследовательских институтов и вузов внутренней торговли стран — участниц СЭВ, состоявшаяся в Будапеште в апреле 1969 г.) Сов. торговля, 1969, № 9.

Заседание Исполкома СЭВ. (42-е заседание. Москва, 16—17 июля 1969 г.) «Правда», 1969, 18 июля.

З и м и н А. На исконной польской земле. (О восстановлении и развитии Вроцлава. Путевой очерк.) «Новое время», 1969, № 29.

И л и е в И. Материальное стимулирование в условиях новой системы (в Болгарии). План. хоз-во, 1969, № 10.

Итоги первого полугодия. (Сообщения статистических управлений ряда социалистических стран.) Экономич. газета, 1969, № 33.

К а р п и ч В. Международная организация «Интержим». (Организация создана в системе СЭВ.) Внешн. торговля, 1969, № 11.

К а р п и ч В. Развитие валютно-финансовых отношений стран СЭВ. Вопр. экономики, 1969, № 7.

К в о ч к и н М. Рождено реформой. (О новых формах управления сельским хозяйством в Болгарии.) Сельское хоз-во Белоруссии, 1969, № 9.

К л е е р Е. Место Польши в мире. (О развитии социалистической экономики Польши и ее роли в мировой экономике.) «Новое время», 1969, № 29.

Коммунике с XXIII специальной сессии Совета Экономической Взаимопомощи. (Москва, 23—26 апреля 1969 г.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1969, № 3.

К о ш е л е в А. Н. Основное производственное отношение в экономической системе социализма. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1969, № 5.

К у з н е ц о в В. Правовая природа Совета Экономической Взаимопомощи.

Уч. зап. Моск. гос. ин-та междунар. отношений, 1969, вып. 3.

К ы н е в М. Создание и развитие единой электроэнергетической системы Народной Республики Болгарии. «Электричество», 1969, № 9.

Л е в ч е н к о В. С. Особенности оплаты труда в общественном питании европейских стран социализма. Научн. зап. Донецкого ин-та сов. торговли, 1969, вып. 16.

Л ю б е е в с к и й Т. Силезский мегаполис. (О развитии Верхнесилезского промышленного округа за 26 лет.) «Новое время», 1969, № 29.

М а з а л Я. По пути интенсификации (сельского хозяйства в Чехословакии на современном этапе). Экономич. газета, 1969, № 42.

М а е р г о й з И. М. Экономико-географические проблемы энергетики социалистических стран зарубежной Европы. Материалы Моск. филиала Геогр. общества СССР, Экономич. география пром-сти, 1969, № 3.

М е л ь н и к о в В. С. План і ринок в умовах соціалістичної економіки. Питання політ. економії, 1969, вип. 52.

М и к у л ь с к и й К. Актуальные проблемы баланса трудовых ресурсов в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1969, № 7.

М и т р о ф а н о в В. Принципы координации транспорта стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1969, № 7.

М л а д е н о в В. Экономическое сотрудничество с Советским Союзом — важный фактор социалистического развития Болгарии. Внешн. торговля, 1969, № 8.

М о т о р н и М. Новое в координации планов стран «СЭВ. Новое время», 1969, № 38.

Н а з а р о в В. На новых рубежах. (Об экономическом развитии Народной Польши.) «Коммунист Узбекистана», 1969, № 9.

Н а ч е в а Р. Кредитование промышленности Народной Республики Болгарии с единого спецсудного счета. Научн. зап. Ленингр. фин.-экономич. ин-та, 1969, вып. 33.

О школьной и профессиональной ориентации и устройстве молодежи на работу в Народной Республике Болгарии, Сов. педагогика, 1969, № 6.

О л ь ш о в с к и й С. Переломная четверть века (в экономике Польши). «Новое время», 1969, № 29.

П а л и й с к и й И. Двадцать пять лет социалистического сберегательного дела (в НРБ). «Деньги и кредит», 1969, № 9.

П е к а р е в а Н. Комплекс зданий СЭВ в Москве. «Архитектура СССР», 1969, № 7.

П е т р о в Ц., К а л и н о в С. Экономический механизм новой системы в 1966—1970 гг. Экономич. реформы в соц. странах Европы, 1969, вып. 7.

П и н А. Трудовая Лодзь. (Место Лод-

зи в экономике социалистической Польши.) «Новое время», 1969, № 38.

Плаксин С. СЭВ: широкая программа сотрудничества. Экономич. газета, 1969, № 29.

Планирование и экономическое стимулирование в строительстве в европейских странах СЭВ. План. хоз-во, 1969, № 8.

Поздняк Э. Нерушимая дружба народов-братьев (Об экономическом сотрудничестве ПНР и СССР.) «Коммунист Белоруссии», 1969, № 8.

Пробст А. Е. О работах по территориальной организации общественного производства в Польше. Материалы Моск. филиала Геогр. общества СССР, Экономич. география. География промышленности, 1969, № 3.

Проспект Калинина, комплекс СЭВ. Стр-во и архитектура Москвы, 1969, № 10.

Развитие электроэнергетики НРБ. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1969, № 3.

Раковский С. Н. Внутренняя миграция населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы. Сов. этнография, 1969, № 4.

Раковский С. Н. География миграции населения в зарубежных социалистических странах Европы. Материалы Моск. филиала Геогр. общества СССР. География населения, 1969, вып. 3.

Ржигала Л. Научно-технический прогресс и долгосрочный прогноз. (На примере ЧССР.) «Вопросы экономики», 1969, № 9.

Романов Ю. Внешнеторговая статистика в странах СЭВ. Внешн. торговля, 1969, № 9.

Савенко Ю. Проблемы топливно-энергетического баланса в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1969, № 7.

Семенов И. Цель: ускорение технического прогресса. (Об экономич. сотрудничестве между ЧССР и СССР.) Экономич. газета, 1969, № 34.

Семи Н. СССР и ЧССР: экономическое сотрудничество. «Коммунист», 1969, № 12.

Серебряная И. И. Новые методы хозяйствования на транспорте стран — членов СЭВ. Труды Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1969, вып. 12.

Сикора М. Материально-техническая база общественного питания (Польша). Обществ. питание, 1969, № 8.

Сюлемезов В. По пути, начертанному Лениным. (О болгарской потребительской кооперации.) Сов. потреб. кооперация, 1969, № 9.

Табачек Я. Министр Ян Табачек о советско-чехословацкой торговле. Интервью. «Новое время», 1969, № 34. Тамме Ф. Страны социализма и реклама. «Наука и техника», 1969, № 10.

Тарасенко В. Сотрудничество равных. «Под знаменем ленинизма», 1969, № 4.

Тодоров В. Изменение отраслевой структуры и культурно-технический рост кадров за 25 лет народной Болгарии. Соц. труд, 1969, № 9.

Тягуненко Л. Экономическая реформа в Югославии. «Новое время», 1969, № 35.

Филиппов В. Гладко было на бумаге... (Об отрицательных явлениях в экономике Югославии, проявившихся при проведении экономической реформы.) «Вопросы и ответы», 1969, № 14.

Хрынкевич Я. Машиностроение — основа технического прогресса. (О польском машиностроении и сотрудничестве и взаимных поставках машиностроительной продукции Польши и СССР.) Экономич. газета, 1969, № 38.

Худолей В. Ф. Особенности территориальной структуры промышленности Нижней Силезии. Геогр. сб., 1969, № 3.

Чунтулов А. В. Из истории кредитных отношений между социалистическими и развивающимися странами. Уч. зап. Пермского ун-та, 1969, № 212. Вопросы истории междунар. рабочего и демокр. движения, вып. 7.

Шабунина В. Экономические успехи Народной Республики Болгарии. «Вопросы экономики», 1969, № 9.

Штильянов Г. Автомобильные дороги и развитие туризма в Народной Республике Болгарии. Автомоб. дороги, 1969, № 9.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1969, № 3.

Эфамгуин П. Социализм и товарные отношения. Вопросы экономики, 1969, № 9.

Ящук Б. СЭВ — инструмент интеграции мира и социализма. Прага, 1969, № 9.

Ящук Б. Четверть века по пути социализма. Об экономич. развитии ПНР. Экономич. газета, 1969, № 30.

3. Партийная жизнь

Актуальные задачи партпросвещения в КПЧ. (Заявление Президиума ЦК КПЧ.) «Правда», 1969, 25 октября.

Байчинский К. Возрастание руководящей роли Болгарской коммунистической партии. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 7.

Гусак Г. Доклад товарища Г. Гусака (на пленуме ЦК КПЧ 25 сент. 1969 г.). «Правда», 1969, 30 сентября.

Гусак Г. Доклад Г. Гусака (на съезде партийного актива в Праге 30 окт. 1969 г.). «Правда», 1969, 31 октября.

Живков Ж. Торжество ленинизма в Народной Республике Болгарии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 9.

Крылова В. Сентябрьский пленум ЦК КПЧ. «Новое время», 1969, № 40.

Мельцар Д., Савачкин П. Под сязгом пралетарскага нтэрнацыянальнага зму. (История Болгарской коммунистической партии.) «Польмя», Минск, 1969, № 9.

Пленум ЦК КП Словакии (Братислава, 4 окт. 1969 г.). «Правда», 1969, 5 октября.

Польская объединенная рабочая партия (ПОРП). «Агитатор», 1969, № 15.

Постановление пленума ЦК КПЧ (по кадровым и организационным вопросам. 25—26 сент. 1969 г.). «Правда», 1969, 30 сентября.

Примов И. Руководящая и организующая сила в строительстве социализма. (О БКП.) Парт. жизнь, 1969, № 17.

Свобода Л. Выступление Л. Свободы (на собрании партийного актива в Праге 30 окт. 1969 г.). «Правда», 1969, 31 октября.

Штроугал Л. Актуальность ленинизма. (Об укреплении единства КПЧ, ее руководящей роли, борьбе за пролетарский интернационализм, об осуществлении программы консолидации.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 7.

4. Государственное строительство и право

Витрук М. В. Про свободу особи і права громадян у соціалістичних країнах. (Обзор книг, вышедших в 1965—1966 гг.) «Проблемы правознавства», 1969, № 13.

Заявление Федерального собрания ЧССР (по поводу постановлений и документов, принятых Национальным собранием в период с 21 по 28 августа 1968 г.) «Правда», 1969, 17 октября.

Ильинский И. П., Щетинин Б. В. Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах. Сов. государство и право, 1969, № 9.

Катанян Н. Г. Ответственность за повреждение здоровья по законодательству европейских социалистических стран. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1969, вып. 17.

Козлов А. Е. Исследования деятельности национальных советов в ПНР. (Обзор сборников «Проблемы Национальных советов»). Сов. государство и право, 1969, № 10.

Мионов В. К. Наука зарубежных социалистических стран об основных принципах трудового права. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1969, № 5.

Развитие правовой науки в социалистических странах. Сов. государство и право, 1969, № 9.

Симеонов Х. Общественное поручительство (в Болгарии). Сов. государство и право, 1969, № 9.

Старосьцяк Е. Пути развития управления и теории административного права в ПНР. Сов. государство и право, 1969, № 8.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

Культура и наука

Аврамов В. Умножающие славу Родины. (О творческом пути болгарского пианиста Г. Бадева.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Базазьянц С. Болгарские ритмы. «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Башинджагян Н. Польская пьеса и современность. «Театр», 1969, № 10. Бенгом И. Издательства Польши накануне столетия Ленина. Иностр. лит., 1969, № 10.

Березкин В. Театральные художники Болгарии. «Искусство», 1969, № 9.

Березницкий Я. Из польского театрального дневника. (О постановке пьесы Ю. Словацкого «Фантазия» в варшавском театре «Повсехны» и краковском театре «Стары»). «Театр», 1969, № 8.

Бикс Р. Вдохновенные мастера. (О молодых оперных болгарских певцах Н. Гюзелеве и Д. Петкове.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Божков А. Крипта — музей. [Об экспозиции Национальной художественной галереи в Крипте (Болгария).] «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Бойко Ш. Графика на все случаи. (Развитие польской прикладной графики в XX в.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Боянович В. Твір болгарського побратима. (О творчестве А. Гуляшки, в частности, о его романе «Против 07»). «Всесвіт», 1969, № 10.

Борсукевич Ю. С. Лермонтов и поляки. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1969, № 5.

Бургров Б. Всеполюский симпозиум студентов-русистов. (Люблин, апрель 1969.) Вопр. лит-ры, 1969, № 8.

Булаховська Ю. Л. Юліан Тувім і Україна. (До 75-річчя з дня народження.) Рад. літературознавство, 1969, № 9.

Бушко Г. Архитектура Польской Народной Республики. «Архитектура СССР», 1969, № 7.

Бычваров М. Д. Развитие философской мысли в Болгарии (1948—1968 гг.). Вопр. философии, 1969, № 9.

Вайнберг М. Мое слово польским друзьям. (О польской теме в творчестве советского композитора.) Сов. музыка, 1969, № 7.

Вакарельски Х. Народное искусство и обычай (Болгарии). «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Василева Е. Три облика Ильича. (Образ Ленина на болгарской сцене.) «Театр», 1969, № 9

Вихович Б. Зірка польської сцени. (О творчестве Т. Ломницкого.) «Всесвіт», 1969, № 10.

Волош Я. Исследования Института книги (и читательского спроса национальной библиотеки в Варшаве). Кн. торговля, 1969, № 7.

Второй польско-советский симпозиум по проблеме комплексов изучения развития науки. (Катовице — Краков — Варшава, 19—29 ноября 1967 г.) Информ. бюл. (Сов. нац. объединение историков естествознания и техники.), 1968, № 4.

Гайтанджиев Г. «Родная песня нас навек связала...» (О самодеятельном болгарском хоре «Родина» г. Руса), Сов. музыка, 1969, № 9.

Георгиев В. Расцвет болгарской культуры. (К 25-летию Народной Болгарии.) «Театр», 1969, № 9.

Гинев Ф. Юбилейные издания Болгарии. (К 25-й годовщине НРБ.) Кн. торговля, 1969, № 8.

Глазычев В. Заметки о болгарском дизайне. «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Грбовский Л. Современное польское монументальное искусство. «Искусство», 1969, № 7.

Гражданственность — воздух поэзии. (За «круглым столом» журналов «Вопросы литературы» и «Литературная мысль» — поэты Болгарии.) Вопросы лит., 1969, № 9.

Грибовская А. И. Тургенев в польской литературе. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. філол., 1969, вип. 6.

Грика І. І. Проблема відповідальності людини перед історією в ранніх п'єсах Л. Кручковського. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. філол., 1969, вип. 6.

Данчев П. Поэзия гражданского пафоса. Заметки о современной болгарской поэзии. Иностран. лит-ра, 1969, № 9.

Денисюк І. О. Проблема новели у польському літературознавстві. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. філол., 1969, вип. 6.

Дичаров З. По ленинскому декрету (Ленин об охране культурных ценностей Польши.) «Новое время», 1969, № 37.

Донков Л. Живой музей. (Об этнографическом музее в Этыре Габровской области Болгарии.) «Декоративное искусство СССР», 1968, № 7.

Дунчев А. Революция и театр. (Революционная история болгарского театра.) «Театр», 1969, № 9.

Ершов Л. Ф. Русский советский роман в Польше межвоенного двадцатилетия (1918—1939). Рус. лит., Л., 1969, № 3.

Зак Я. Сердечный привет дорогим коллегам. (Советский пианист о польском

пианизме.) Сов. музыка, 1969, № 7.
Захариева И. П. Связи Пенчо Славейкова с русской литературой в 80—90-х годах XIX в. Учен. зап. Урал. гос. ун-та, Свердловск, 1969, № 75. Сер. филол., вып. 7. Рус. лит. 1870—1890 гг., сб. 2.

Зеленин С. Новый портрет Шопена (советского скульптора Е. Ф. Белашовой.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Земцов С. Древнерусские живописцы в Польше. О монументальных росписях, выполненных русскими мастерами в Польше в XIV—XV вв. «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Йорданов Х. Ленинский юбилей в Болгарии. (О мероприятиях в области культуры и литературы.) «Вопр. лит-ры», 1969, № 10.

Калоева И. А. Отражение 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции в библиографии Болгарии и Польши. Сов. библиогр., 1969, № 1.

Каньский Ю. Познань — Вроцлав. (О деятельности оперных театров в Познани и Вроцлаве.) Сов. музыка, 1969, № 7.

Капелян Г. Знакомство с болгарской графикой. (О мастерах старшего поколения болгарской графики. XIX—30-е годы XX в.) «Нева», М.—Л., 1969, № 9.

Каракостов С. Русский театр и становление реалистического театрального искусства Болгарии. «Нева». М.—Л., 1969, № 9.

Карцева З. И. «Манера повествования» в современном болгарском романе. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1969, № 5.

Кириков М. Болгарский плакат. «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Кишкин Л. С. Памяти Франка Вольмана. Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1969, т. 28, вып. 4.

Копиленко Л. Життя в революції. (Заметки о современной болгарской литературе.) «Всесвіт», 1969, № 9.

Коротков Ю. Кинофильм «Содружество». (Советский документальный фильм об экономическом сотрудничестве социалистических стран.) «Новое время», 1969, № 43.

Крыстев В. На историко-революционные темы... (Болгарская композиторская школа после 9 сентября 1944 г.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Крыстев К. Художественный фонд Болгарии. «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Кулиг А. Скansen в Ольштынке. (Об этнографическом парке-музее в Польше.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Ласкеев Н. А. Библиотеке Болгарской Академии наук 100 лет. Научн. и техн. б-ки СССР, 1969, вып. 7.

Ласкеев Н. А. Библиотечно-библиографическое обслуживание в научных библиотеках Болгарии. Информация о библиографическом деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 2.

Ласкеев Н. А. Материалы научной конференции по проблемам специальной библиографии и научной информации в Болгарии (София, 27—28 февр. 1967 г.) Информация о библиографическом деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 3.

Левин Ю. Праздник болгарской книги. (О юбилейной выставке болгарской книги в Москве в мае 1969 г.) Кн. торговля, 1969, № 7.

Лозинський І. М. Юліан Тувім. (До 75-річчя з дня народження.) Укр. мова і літ. в школі, 1969, № 9.

Мамедов Н. Нерасторжимые узлы. О болгаро-азербайджанских литературных связях. Лит. Азербайджан, 1969, № 9.

Марков С. Опыт польских зодчих (по материалам выставки современной польской архитектуры в Москве летом 1969 г.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Мемориальные ансамбли. К 25-летию Польской Народной Республики. «Творчество», 1969, № 7.

Михеева А. Сезон в Софии. (Театральный сезон 1969 г.) «Театр», 1969, № 9.

Моторний В. А. Маловідома сторінка творчої біографії Юліуса Фучіка. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. фідол., 1969, вип. 6.

Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. (О первой польской типографии.) «Полиграфия», 1969, № 9.

Николов Н. По верному пути. (О молодых болгарских певцах П. Герджикове и В. Александровой.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Новосельська Н. Побратими. (О творческой дружбе двух театров: им. Ю. Словацкого в Кракове и Киевского театра им. И. Франко.) «Всесвіт», 1969, № 9.

Обретенов А. Художники — жизнь — творчество. (О творчестве художников Народной Болгарии.) «Творчество», 1969, № 9.

О. Л. Польская музыкальная весна. (Фестиваль польской музыки в СССР в 1969 г.) Сов. музыка, 1969, № 7.

Оздовски М. Оптовая книжная торговля в ПНР. Кн. торговля, 1969, № 7.

Опульский А. Литературная критика перед новыми задачами. (Обсуждение речи Т. Живкова на XVI отчетно-выборной конференции Софийской организации ДКСМ секцией критики Союза болгарских писателей.) Иностран. лит., 1969, № 10.

Орнжина Я. Польские эксперименты (в развитии художественного

ремесла и народных промыслов.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Ошавков Ж. О методологии и методике конкретного социологического исследования религии. Вопросы научн. атеизма, 1969, вып. 7.

Павлов Е. Три эскиза. (О творчестве болгарских композиторов Ф. Кутева, А. Карастоянова, А. Райчева.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Пашенко Ф. Н. Третье международное совещание специалистов библиотек социалистических стран в Софии. (16—21 сентября 1968 г.) Информация о библиографическом деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 2.

Петухова С. П. Развитие иностранного туризма в социалистических странах Европы. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1969, № 113.

Польша: создано Общество распространения советской культуры (объединившее Общество атеистов и Общество светской школы). «Наука и религия», 1969, № 8.

Попов С. Познание и оценка. (К дискуссии по вопросу о ценностях и оценках в болгарской философии.) Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1969, № 5.

Пранда А. К некоторым вопросам теории изучения народной культуры. Сов. этнография, 1969, № 4.

Раппопорт Л. Выдающийся мастер. (О творчестве современного польского композитора В. Лютославского.) Сов. музыка, 1969, № 7.

Рингер Е. Гранские кузнецы. (О работах современного художника-декоратора С. Скуры.) «Неделя», 1969, № 29.

Розен В. Польская архитектура. (О выставке «Градостроительство, архитектура и строительство народной Польши». Москва, июнь 1969 г.) «Новое время», 1969, № 28.

Русинов Р. Культура речи в Болгарии. Рус. речь, 1969, № 5.

Слово — болгарским музыкантам. (О развитии музыкального искусства в социалистической Болгарии.) Сов. музыка, 1969, № 9.

Старшенев Б. Талантливые пианисты (Болгарии: Е. Евров и А. Диков). Сов. музыка, 1969, № 9.

Стефанов В. Георгий Калоянчев. (О творчестве болгарского актера.) «Театр», 1969, № 8.

Тангыров И. Синтез архитектуры и монументального искусства (в Болгарии). «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Тарасова М., Пархомовская С. На пороге юбилея. (Из бесед с писателями-драматургами о современной болгарской литературе.) Иностран. лит., 1969, № 7.

Тачев И. 25 лет непрерывного подъема (системы народного образова

ния в Болгарии). Нар. образование, 1969, № 9.

Тиханова В. Памяти героев и жертв. (О польских мемориальных ансамблях.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Тонев Л. Жилой микрорайон. (Из опыта строительства в Болгарии.) Стр-во и архитектура Ленинграда, 1969, № 10.

Урзова Л. Образ Ленина в польском изобразительном искусстве. «Искусство», 1969, № 7.

Федоренко Л. Г. Формування соціалістичної інтелігенції в Польській народній республіці. Укр. іст. журн., 1969, № 7.

Фукс М. На родине композитора (С. Монюшко). Сов. музыка, 1969, № 7.

Фурцева Е. А. Министр Е. А. Фурцева о советско-польских культурных связях. (Интервью корреспонденту журнала.) «Новое время», 1969, № 29.

Хватов А. И. Лермонтов в Болгарии. Рус. лит., Л., 1969, № 3.

Цончева М. К сложению социалистического реализма в болгарском искусстве. «Искусство», 1969, № 9.

Чернявская И. Страницы героической борьбы. (Словацкая литература о народном восстании 1944 г.) Дет. лит-ра, 1969, № 9.

Чешельский З. Праздники и обряды. (О произведениях народного об-

рядового творчества.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Чешский совет художественного ремесла и народного творчества. (Об учреждении Совета в Праге в январе 1969 г.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 10.

Шаблоўская І. В. Чэшская пазізія у барацьбе з фашызмам. Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія, журналістыка, 1969, № 2.

Шахова Л. Г. Роман Е. Станева «Иван Кондарев» в болгарской критике. Учен. зап. Ульянов. гос. пед. ин-та, 1968, т. 21, вып. 2, Вопр. истории лит-ры, ч. I.

Щепаньский Я. Философская и социологическая концепция человека. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1969, № 5.

Шкаревская Н. Юбилейная выставка. («Современное болгарское прикладное искусство» в Софии и Москве в мае — июне 1969 г.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 7.

Шубертова И. Четверть века социалистической культуры музыкального искусства в народной Польше. Сов. музыка, 1969, № 7.

Янев С. 25 лет развития образования и педагогической мысли в Народной Болгарии. Сов. педагогика, 1969, № 9.

V МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

3—6 февраля 1970 г. в Харьковском ордена Трудового Красного Знамени Государственном университете имени А. М. Горького состоялась V межвузовская конференция историков-славистов, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Конференция была организована Министерством высшего и среднего специального образования СССР и УССР, Харьковским университетом и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

Конференция предшествовала активной научно-организаторской работе. В ходе ее подготовки в Харькове был издан библиографический справочник «Историки-слависты СССР», содержащий сведения более чем о 200 специалистах, исследующих историю южных и западных славян¹. Комиссия истории зарубежных славян объединенной исторической секции Научно-технического совета Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР подготовила «Сводную тематику научно-исследовательской работы в области славяноведения». В журнале «Советское славяноведение» (1969, № 2) была опубликована статья группы харьковских славистов, содержащая основные положения доклада о состоянии преподавания истории южных и западных славян в вузах страны, включенного в программу конференции. Вслед за этим в журнале (1969, № 6) появилась статья ленинградцев С. М. Стецкевича и В. А. Якубовского, в которой на основании опыта ЛГУ был высказан ряд соображений о совершенствовании преподавания курса.

В отличие от предыдущих конференций, в ходе подготовки к которым оргкомитетам представлялись лишь тезисы докладов и сообщений, перед нынешней конференцией были собраны тексты выступлений с полным научным аппаратом. Ознакомление членов оргкомитета с ними поз-

волило более аргументированно решать вопрос об их включении в программу.

Накануне конференции вышли в свет новый университетский учебник по истории зарубежных славян и доклады и сообщения предыдущей, четвертой конференции, состоявшейся в Минске в начале 1968 г.²

В V конференции историков-славистов приняли участие 185 специалистов из 50 городов страны. Наиболее представительными были группы московских, киевских и харьковских ученых. Прибыли слависты из столиц союзных республик: Минска, Алма-Аты, Ташкента, Риги, Вильнюса, Кишинева, Еревана. Значительно шире, чем на предыдущих конференциях, были представлены педагогические институты.

Активное участие в конференции приняли гости из зарубежных социалистических стран: научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук А. Након, старший научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук Ф. Мучи, первый секретарь Посольства Польской Народной Республики в Москве Т. Збойнский, старший научный сотрудник Института истории польско-советских отношений в Варшаве С. Лопатнюк, старший научный сотрудник Института современной истории в Белграде Д. Лукач. Зарубежные ученые выступили на конференции с теплыми приветствиями, огласили свои доклады и приняли участие в дискуссиях.

Участники конференции заслушали и обсудили 156 докладов, содокладов и сообщений. Иными словами, харьковская конференция была наиболее представительной по сравнению с предшествующими. 32 доклада, содоклада и сообщения были посвящены общеславянской

¹ «Историки-слависты СССР. Библиографический справочник». Харьков, 1969, 109 стр.

² «История южных и западных славян». М., изд. МГУ, 1969, 536 стр.; «Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов». (Минск, 31 января — 3 февраля 1968 г.) Минск, изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1969, 665 стр.

проблематике, 55 — истории Польши, 35 — Болгарии, 18 — Югославии и 16 — Чехословакии.

Посвященная ленинскому юбилею конференция сосредоточила внимание на связях В. И. Ленина и партии большевиков с рабочим и коммунистическим движением в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии, на ленинском анализе социально-экономических и политических процессов в этих странах, на значении идей В. И. Ленина для исторического развития зарубежных славянских народов и воплощении этих идей в практике социалистического строительства в братских славянских странах. Свыше 40 докладов, содокладов и сообщений были непосредственно посвящены ленинской проблематике.

Подавляющее большинство представленных на конференцию докладов и сообщений — оригинальные исследовательские работы, в которых использованы неизвестные или малоизвестные источники и сделаны новые выводы.

На первом пленарном заседании был заслушан содержательный доклад «В. И. Ленин и пути исторического развития зарубежных славянских народов», подготовленный сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР — А. Х. Клеванским, В. Д. Кобнеевым и Ф. Г. Зуевым³.

Ленинской проблематике были посвящены и четыре содоклада. Г. Н. Попов (Харьковский университет) познакомил участников конференции с выводами своего исследования о значении ленинского учения для осуществления культурной революции в зарубежных славянских странах. С интересным содокладом «Ленинская стратегия борьбы за социализм и путь к победе социалистической революции в Чехословакии» выступила И. Н. Мельникова (Институт истории АН УССР). Представитель того же института П. С. Сохань проанализировал много данных, свидетельствующих о воплощении ленинских интернационалистических принципов в советско-болгарском сотрудничестве. И. М. Белявская (МГУ) посветила свое выступление ленинской оценке польского национально-освободительного движения XIX в.

Второе пленарное заседание было посвящено вопросам преподавательской работы, организации научных исследований в области исторической славистики, состоянию научной информации. С докладом «О состоянии преподавания истории южных и западных славян в вузах страны» выступил С. И. Сидельников (Харьковский университет). В докладе были использованы данные по 15 уни-

верситетам и 9 педагогическим институтам, анализ которых позволил внести ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование преподавания курса. Были заслушаны также сообщения председателя Комиссии истории зарубежных славян объединенной исторической секции Научно-технического совета Министров высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР И. А. Воронкова (МГУ) о выполнении решений IV конференции историков-славистов, члена этой же комиссии В. Г. Карасева (МГУ) о тематике научно-исследовательской работы в области славяноведения и два сообщения (И. А. Калоевой и П. М. Пашаевой) по вопросам библиографии и научной информации.

Выступившие в прениях представители университетов и педагогических институтов Д. Л. Похилевич (Львов), С. М. Стецкевич (Ленинград), А. Ф. Кизченко (Киев), Е. Д. Голоденко (Ивано-Франковск) и другие остановились, главным образом, на преподавании истории зарубежных славян в своих учебных заведениях. Они поделились своими соображениями относительно повышения педагогического мастерства, усвоения знаний студентами, специализации, подготовки курсовых и дипломных работ и т. д. Состоялся, таким образом, весьма ценный обмен опытом.

Основная работа конференции проходила в секциях.

Секцией «Славянские страны в период феодализма (V — XVII вв.)» руководила — В. Д. Корольюк, А. Е. Москаленко и Д. Л. Похилевич. На заседаниях этой секции были заслушаны 3 доклада и 18 сообщений. С большим вниманием присутствовавшие выслушали доклад недавно скончавшегося профессора Харьковского университета А. П. Ковалевского «Аль-Масуди о славянских языческих храмах». Работа секции характеризовалась более разнообразной тематикой, чем на предыдущих конференциях, однако, как и раньше, основное внимание было уделено развитию социально-экономических отношений у славян. Аграрной тематике были посвящены доклады Д. Л. Похилевича «Изменения аграрных отношений в Белоруссии и Литве в первой половине XVI в.», Е. П. Наумова «Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII — XIV вв. (Динамика сельского хозяйства в рамках феодального земледелия)», а также сообщения А. Х. Соколовского, Е. А. Ефремова, М. М. Фрейденберга, Л. А. Шаферовой, Л. А. Маркарянц, В. А. Якубского и др. Особенно оживленный обмен мнениями вызвали сообщения М. М. Фрейденберга «Личность и сознание средневекового далматинского крестьянина» и Л. А. Маркарянц и В. А. Якубского «Количественные методы в разработке аграрной истории барщин-

³ Текст доклада опубликован в журнале «Советское славяноведение», 1970, № 2.

но-крепостнической Польши». Отмечая творческий характер этих работ, участники дискуссии в то же время выявили в них спорные положения.

Значительно меньшее внимание было уделено проблеме средневекового города. Эта тема затрагивалась лишь в нескольких сообщениях. Полностью же ей было посвящено только сообщение Л. В. Гориней «Социальный облик болгарского города в XIII — XIV вв.». Работа секции показала возросший интерес к истории международных отношений, к культурно-исторической проблематике, к историографии. С интересом были встречены сообщения Л. В. Заборовского «Восточная политика Речи Посполитой и Бранденбург в период первой Северной войны (1655—1658 гг.)», Г. М. Беззубца «Польско-молдавские отношения в конце XV — начале XVI в.», Н. С. Рапбы «К вопросу о причинах Хотинской войны и участия в ней казачества», посвященные внешнеполитической проблематике, Н. А. Гусаковой о белорусско-чешских культурных связях в эпоху средневековья, П. Ф. Лаптина, Т. Д. Бурдея, С. А. Беляевой, И. Р. Фишер, Г. И. Липатниковой, А. В. Сергеева по историографии. Лишь одно сообщение (В. К. Зайцева) связано было с историей общественной мысли. Особо следует выделить сообщение А. И. Рогова «Польские описания Москвы XVII в.», которое, как отмечали участники обсуждения, имеет не только чисто научное, но и непосредственно практическое значение, так как исследование автора могут оказать помощь в реставрации древних памятников Москвы.

В то же время на секции отмечалось, что по ряду важных проблем, в частности об этногенезе славян, доклады и сообщения представлены не были. Отсутствовали и доклады по вспомогательным историческим дисциплинам. Несмотря на определенные сдвиги, все еще мало было выступлений по культурно-исторической проблематике. На эти пробелы следует обратить внимание при подготовке следующей конференции.

Работа второй секции «Славянские страны в XVIII — середине XIX в.» проходила под руководством И. А. Воронкова и С. И. Сидельникова. Здесь заслушали и обсудили 3 доклада и 22 сообщения на темы историографии и источниковедения славянских народов этого периода, их социально-экономического развития, международных отношений, национально-освободительного движения, связей с Россией, развитием общественно-политической мысли. Историографическим и источниковедческим сюжетам был посвящен доклад С. И. Сидельникова «Русско-болгарские революционные связи середины XIX в. в советской и болгарской исторической литературе», сообщения О. Е. Ивановой «Аграрно-

крестьянский вопрос в сочинениях Стапица», З. П. Исаевой «Проблема польского города в творчестве Коллонтая в период четырехлетнего сейма (1788—1792 гг.)», Н. Ф. Филоненко-Алексеева «Чешские земельные кадастры как исторический источник», В. Г. Карасева «Роль сербского публициста Живоана Жуевича в развитии русского славяноведения 60-х годов XIX в.». Проблемы социально-экономического, политического развития славянских народов, их национально-освободительного движения рассматривались в докладе В. Д. Ковобеева «Аграрная программа болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в.», в сообщениях В. А. Пирко, Т. П. Брянцевой, Л. В. Баженова, В. М. Фоменковой, С. Ф. Ковала, И. И. Лещиловской, Д. Ф. Попылко, Н. И. Хитровой. Участники дискуссии отметили большой интерес, который вызвало проблемное сообщение А. И. Борзникова «К вопросу о периодизации и классовых направлениях в польском освободительном движении XIX в.».

На секции были заслушаны также сообщения, посвященные проблемам экономических, политических отношений, революционных связей южно- и западно-славянских народов с Россией и Украиной И. Г. Шульги, Л. А. Обушниковой, Б. С. Абалихина, Б. С. Попкова, Я. С. Мельничука, В. В. Палько, В. Е. Задорожного, К. А. Поглубко и И. С. Достян. Работа этой секции (как в меньшей мере и других) показала, что в изучении истории южных и западных славян наметились существенные диспропорции. Если истории Польши было посвящено 14 докладов и сообщений, то всем остальным славянским странам вместе взятым — всего лишь 9, причем история Словакии, например, в секции не освещалась вообще.

В ходе дискуссии были высказаны интересные оценки эпохи славянского Возрождения (И. И. Лещиловская, З. П. Исаева, А. С. Мыльников и другие). Указывалось на необходимость усиления внимания к вопросам методологии, историографии и источниковедения.

Секция «Славянские страны в период капитализма (вторая половина XIX в.— 1917 г.)» работала под руководством И. М. Белявской и В. А. Жебокрицкого. Участники ее заслушали 5 докладов и 22 сообщения. Наибольшее внимание в этой секции было уделено разработке В. И. Лениным вопросов социально-экономического развития славянских стран, рабочего и национально-освободительного движения, борьбе В. И. Ленина с ревизионизмом и оппортунизмом в социал-демократическом движении, связям Ленина с революционными деятелями славянских народов. Ленинской проблематике были посвящены четыре из пяти докладов. И. И. Белякевич по-

святил свой доклад разработке В. И. Лениным вопроса о независимости Польши в 1917 г. (до Великой Октябрьской социалистической революции), И. М. Теодорович — проблеме «В. И. Ленин о „культурно-национальной автономии“ и национально-обеднительные стремления славянских народов монархии Габсбургов в 1900—1914 гг.», Н. Н. Яковлев сосредоточил внимание на оценке В. И. Лениным национально-освободительного движения на Балканах.

С большим интересом был заслушан доклад венгерского историка Ф. Мучи, который остановился на значении ленинских идей по национальному вопросу для развития программных положений венгерской социал-демократии.

Различные аспекты ленинской тематики получили освещение в ряде сообщений. А. М. Орехов, И. Д. Фурсенко, С. М. Фалькович, Т. Ф. Федосова остановились на неисследованных или малоизученных сторонах контактов В. И. Ленина с польскими революционерами, И. М. Кулинич — на распространении ленинских идей в Болгарии в 1910—1914 гг., Е. И. Сливаковский выступил с сообщением «В. И. Ленин и некоторые вопросы истории болгаро-сербско-румынских революционных связей накануне и в годы первой мировой войны». Два сообщения (А. С. Шофмана и С. И. Магазиера) были также посвящены проблеме национально-освободительного движения на Балканах. Отмечая это, участники конференции указывали на необходимость в будущем избегать дублирования докладов.

На заседаниях секции были заслушаны также доклад А. Н. Горянинова об источниковедческом значении славяноведческих библиографий и ряд сообщений, посвященных рабочему, социалистическому и демократическому движению славянских народов (Н. А. Ратыч, Г. В. Бердников, Л. Е. Волькович, А. З. Нюркаева, Р. А. Вебра), экономическому и политическому развитию Болгарии (С. Ш. Гринберг и В. А. Жебокрийский) и Сербии (И. В. Чуркина), международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе (Н. Д. Ратнер, О. С. Мазурок, В. И. Адо, В. П. Султанов, В. В. Зайцев, Е. С. Позина, Б. Б. Кросс), проблемам историографии и источниковедения (К. Л. Струкова, М. М. Климюк).

На заседаниях секции развернулись оживленные дискуссии. Ее участники отмечали, что в некоторых сообщениях отсутствовали указания на степень разработанности проблемы, обзоры использованных источников и, таким образом, предложенные темы не всегда были в должной мере обоснованы. Отмечалось также отсутствие докладов и сообщений по проблеме аграрно-крестьянских движений, слабое освещение в секции воп-

росов развития культуры и общественной мысли славянских народов. На секцию не были представлены доклады и сообщения, посвященные историческому развитию чешского и словацкого народов. Подчеркивалась необходимость учесть эти недостатки при подготовке к следующей конференции историков-славистов.

Наиболее насыщенными по количеству докладов (5) и сообщений (26) были заседания секции «Славянские страны на первом этапе общего кризиса капитализма». Этот факт уже сам по себе является свидетельством того, что отмечавшееся ранее недостаточное внимание славистов к проблемам межвоенного периода начинает постепенно преодолеваться. Секцией руководили П. М. Каленченко, С. М. Стецкевич и Г. И. Червявский. Как и на предыдущей секции, основное внимание здесь было уделено ленинской проблематике. П. М. Каленченко в своем докладе подробно проанализировал освещение советской и польской историографией темы «В. И. Ленин и польское революционное движение». Весьма интересный материал содержался в докладе Г. М. Славина и М. М. Сумароковой «В. И. Ленин и борьба за укрепление Коммунистической партии Югославии». Ленинские оценки новейшей истории Болгарии были систематизированы и прокомментированы в докладе З. Р. Нуриджиднова. Различные аспекты значения ленинского учения для революционного движения в Польше и Болгарии получили освещение в сообщениях С. М. Стецкевича «В. И. Ленин и проблема независимости Польши в 1918—1919 гг.», И. Т. Лисевича «Польская историография о значении Октябрьской революции для восстановления независимости Польши», И. М. Гойло «Вопросы внутреннего и международного положения Польши в 1918—1919 гг. в трудах В. И. Ленина», А. С. Клевчени «Пропаганда идей ленинизма на страницах журнала «Новы шпегленд», В. Г. Дядькина «В. И. Ленин о некоторых вопросах рабочего движения в Болгарии в 1918—1921 гг.» и А. Н. Киршевской «Учение В. И. Ленина о средних слоях и Болгария». Интересные сведения о разнообразных путях распространения марксистско-ленинской, в том числе советской, литературы в Болгарии в 1934—1941 гг. сообщил Л. А. Пашковский.

Участовавшие в прениях высоко оценили эти доклады и сообщения, в то же время констатировали ряд спорных и недостаточно аргументированных положений в оценке И. М. Гойло начального этапа развития Коммунистической партии Польши. Отмечалось также отсутствие среди представленных на секцию работ докладов и сообщений, посвященных значению ленинского учения для развития революционного движения в Че-

хословакии и слабое внимание к этой проблеме в отношении Югославии.

На заседаниях секции были заслушаны доклады зарубежных гостей. Польский историк С. Лопатнюк посвятил свое выступление анализу советско-польских отношений накануне и после майского переворота 1926 г., отметив, в частности, усиление антисоветской линии в политике польских правящих кругов еще до переворота. Д. Лукач (Белград) рассказал в своем докладе о развитии программных положений КПЮ по национальному вопросу.

В ряде сообщений были рассмотрены вопросы экономического развития славянских стран в 20—30-е годы (А. В. Божук, У. Х. Хакимова), политики правящих кругов (В. С. Толстой), международного положения, внешней политики этих стран и подготовки фашистской агрессии против них (Т. А. Кургуныян, А. Ф. Кизченко, С. И. Рябоконь, В. И. Шихов, Д. С. Климовский, К. Я. Почс). О развитии советско-болгарских экономических связей после восстановления дипломатических отношений в 1934 г. рассказал Д. Б. Мельцер. Несколько сообщений были посвящены развитию революционного движения в Чехословакии и Болгарии. М. И. Копашева рассказала о результатах своего исследования, посвященного развитию прогрессивного молодежного движения Чехословакии в 1918—1920 гг., Н. Т. Сапронова — об участии болгарского учительства во всеобщей стачке железнодорожников 1919 г. Г. И. Чернявский дал анализ развития борьбы за единый фронт в рабочем движении Болгарии 1925—1929 гг., М. П. Черных посвятила сообщение статьям Ю. Мархлевского о проблеме независимости Польши.

На секцию было представлено несколько работ по проблеме движения интернациональной солидарности. Три из них (К. И. Познякова, Н. А. Кольги и А. М. Матвеева) осветили некоторые стороны участия интернационалистов из славянских стран в защите завоеваний Великого Октября в период гражданской войны. Два сообщения (М. Д. Дыхана и Л. П. Решетникова) содержали материал о пребывании в СССР болгарских политических эмигрантов в 20—30-е годы, об их участии в социалистическом строительстве и помощи им со стороны советского народа.

Как видно из тематики секции, межвоенная история Югославии продолжает разрабатываться крайне слабо. Отмечая в целом высокое качество представленных материалов, необходимо в то же время отметить, что некоторые заслушанные на секции сообщения страдали узостью тематики, в отдельных из них в достаточной степени не были учтены работы предшествующих авторов. Мало

докладов и сообщений было посвящено исторической и источниковедческой проблематике. Указывая на все эти моменты, присутствовавшие на заседаниях секции отмечали необходимость учета их в ходе подготовки к следующей конференции.

Расширившиеся в последние годы исследования по ближайшим к нашему времени периодам истории славянских стран и межславянских связей, а также опыт IV конференции обусловили разделение на нынешней конференции секции «Вторая мировая война и послевоенный период» на две секции: «Вторая мировая война и народно-демократические революции в славянских странах» и «Строительство социализма в славянских странах».

На заседаниях первой из них, проходивших под руководством Л. Б. Валева, Н. И. Леднева и В. П. Радькова, было заслушано и обсуждено 2 доклада и 18 сообщений. В. П. Радьков посвятил свое интересное выступление возникновению и развитию органов народно-демократической власти в Югославии в свете ленинской теории государства и права. Проблема народно-демократической революции в славянских странах, главным образом в плане их историографии, освещалась также в сообщениях Н. И. Леднева «БКП о природе и месте демократических задач революции 1944 г.», Е. П. Пугача «Словацкое национальное восстание в исторической литературе ЧССР», М. И. Леньшиной «Польская историография о революционных процессах в Польше в 1944—1947 гг.».

Наряду с этой центральной проблемой был затронут и ряд других. Одна из них — агрессия фашистской Германии против славянских стран и политика германского фашизма на оккупированных и поработанных территориях. Этой проблеме был посвящен доклад И. Н. Чемпалова «Экспансия фашистской Германии на Балканах (1940—1941 гг.)», сообщения И. В. Королькова «Германо-болгарский клиринг в советской историографии» и А. Ф. Носковой «О периодизации оккупационного режима в Польше». В сообщениях В. С. Парсадановой, Ю. И. Макара, И. И. Мельника, С. Л. Каирова освещались различные стороны движения Сопротивления в Польше и Югославии.

Но особенно широко на секции были представлены материалы, свидетельствующие о помощи Советского Союза народам славянских стран в их борьбе за освобождение от фашистского гнета и взаимоотношения СССР с этими странами в годы войны. Большой интерес присутствующих вызвал доклад болгарского историка А. Накова «Советская внешняя политика в отношении Болгарии в каун 9 сентября 1944 г.», содержавший подробный анализ мероприятий Совет-

ского правительства, способствовавших переходу Болгарии на сторону антигитлеровской коалиции. В сообщении Н. И. Туривненко были приведены некоторые неизвестные данные о налаживании культурных связей между народами СССР и Болгарии в момент вступления Советских Вооруженных Сил на территорию страны (сентябрь 1944 г.), а в сообщении В. Н. Кабачка проанализирована историография советско-югославских отношений на заключительном этапе второй мировой войны.

Особо следует отметить группу сообщений, объединенных темой боевого сотрудничества Советских Вооруженных Сил с новыми, народными армиями славянских стран, начавшими создаваться в годы войны. К ним относятся основанные на широком круге источников сообщения львовских и харьковских историков И. М. Мирошниченко «Ленинские идеи пролетарского интернационализма в идеологической работе в Первой польской армии в СССР (май 1943 — июль 1944 г.)», Л. А. Любимского «Помощь СССР в создании военно-воздушных сил народной Польши (1943—1945 гг.)», А. В. Кузьмина «О боевой деятельности советской авиагруппы генерала А. Н. Витрука в 1944—1945 гг. в Югославии», А. Д. Марченко «Помощь Советского Союза в создании Чехословацкой народной армии». В преддверии 25-летия разгрома фашистской Германии эти выступления звучали особенно актуально.

Наконец, в шестой секции «Строительство социализма в славянских странах», работой которой руководили И. Н. Мельникова и Г. Н. Попов, были заслушаны 3 доклада и 17 сообщений. А. Ф. Кизченко выступил с докладом «Осуществление идей ленинизма в социалистическом развитии стран Центральной и Юго-восточной Европы», подготовленным им совместно с И. С. Дзюбко. Одной из важных тем этой проблемы был посвящен доклад Г. И. Копанева «В. И. Ленин о пути крестьянства к социализму и исторический опыт славянских стран». Вопросы создания материально-технической базы социализма в славянских странах, главным образом кооперирование сельского хозяйства, рассматривались в ряде сообщений (Д. Г. Пестяный, Ю. А. Поляков, Р. Ачегу). Ставились также вопросы об экономических преобразованиях Болгарии в первые годы социалистического строительства (А. И. Черный), об изменениях в численности и составе промышленных рабочих Чехословакии в 1948—1960 гг. (В. В. Сухарев), о борьбе ПОРП за упрочение союза рабочего класса и трудового крестьянства (М. Д. Куликовский), о социально-экономическом и культурном развитии украинского населения в Польской Народной Республике (И. Ф. Евсеев).

Специальное заседание секции было

посвящено идеологической работе коммунистических и рабочих партий. Присутствовавшие заслушали доклад В. Н. Белановского «Основные этапы развития марксистской историографии в народной Болгарии», а также сообщения Н. Т. Чижевского об издании и распространении произведений В. И. Ленина в Болгарии, И. Г. Будимировой о борьбе ПОРП против ревизионистских извращений социалистической демократии в 1956—1969 гг., Э. И. Легурова «Некоторые проблемы идеологической деятельности ПОРП на новом этапе социалистического строительства» и В. П. Мисюры «О ревизионистских извращениях некоторых вопросов новейшей истории Чехословакии», в которых был дан объективный научный анализ идейных процессов жизни социалистических славянских стран.

В ряде сообщений были рассмотрены различные вопросы экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между СССР и отдельными советскими республиками, с одной стороны, и Болгарией и Чехословакией — с другой (Е. П. Бахмат, В. В. Бойко, Ш. Файзиев, А. И. Доронченков, В. У. Павелко).

Одно заседание секция провела совместно с секцией «Вторая мировая война и народно-демократические революции в славянских странах». На нем был заслушан доклад А. Накова (Институт истории Болгарской академии наук) о ходе работы и итогах конгресса Болгарского исторического общества, состоявшегося в Софии в конце января 1970 г.

В дискуссии, происходившей в секции, отмечалась успешная разработка ряда проблем социалистического строительства в славянских странах и мирового социалистического сотрудничества и в то же время подчеркивалась необходимость дальнейшего повышения теоретического уровня исследований, постановки проблемных тем, расширения исследования истории послевоенной Югославии (о ней на секцию не была представлена ни одна работа).

На заключительном заседании конференции были представлены сообщения о работе журнала «Советское славяноведение», с которым выступил главный редактор И. И. Костюшко, и о начавшем недавно выходить межведомственным республиканском научном сборнике «Українське слов'язнавство»; о нем рассказал главный редактор Д. Л. Похилевич.

Конференция приняла решение, в котором отмечается, что за последние два года советскими историками-славистами проделана значительная работа по исследованию истории и культуры зарубежных славянских народов, опубликован ряд коллективных работ, монографий и других научных исследований. Многие актуаль-

ные вопросы славистики нашли отражение на страницах журнала «Советское славиеведение».

В решении отмечены достижения в области научно-методической работы, выражена благодарность славистам Белорусского университета за выпуск докладов и сообщений IV конференции, а также славистам Харьковского университета за подготовку и выпуск ротапринтного издания библиографического справочника «Историки-слависты СССР».

Конференция обратила внимание историков-славистов на необходимость дальнейшего повышения идейно-теоретического уровня научных исследований и сосредоточения внимания на разработке наиболее актуальных проблем истории зарубежных славянских народов, становления и развития мировой системы социализма. В целях повышения уровня преподавания истории зарубежных славянских народов в вузах необходимо подготовить учебные пособия по историографии, источниковедению и истории южных и западных славян. Существенное значение имеет дальнейшее улучшение работы по подготовке научных и педагогических кадров по истории славянских народов. На конференции говорилось о необходимости уделять больше внимания истории зарубежных славянских народов в курсах, читаемых в педагогических институтах, и в средней школе. Было признано целесообразным введение самостоятельного курса южных и западных славян на исторических факультетах педагогических институтов. Конференция обратилась к Министерству высшего и среднего специального образования СССР с просьбой восстановить специализацию по истории южных и западных славян в Львовском университете и ввести ее в тех университетах, где для этого имеются необходимые условия.

Участники конференции сочли целесообразным провести очередную VI научную межвузовскую конференцию историков-славистов через три года в г. Львове при Львовском государственном университете имени И. Франко, в порядке подготовки к VII международному съезду славистов. На конференцию выдвигается в качестве центральной тема «Актуальные проблемы истории славянских народов в советской и зарубежной историографии». Предусмотрены и такие темы, как возникновение строя на-

родной демократии и строительство социализма; национально-освободительное движение в славянских странах; деревня и город в эпоху феодализма; этногенез славянских народов; межславянские исторические связи; история международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе; методика изучения исторического источника и др. Комиссии истории зарубежных славян объединенной исторической секции Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР и оргкомитету поручено определить тематику докладов и порядок работы конференции.

Участники конференции обратились к ректорату Харьковского университета с просьбой об установлении на здании университета мемориальной доски в память о более чем 30-летней деятельности в университете выдающегося слависта М. С. Дринова.

Конференция высказала также просьбу о том, чтобы Харьковский университет издал заслушанные на ней доклады и сообщения и выпустил типографским способом библиографический словарь «Историки-слависты СССР», распирирав и уточнив имеющееся ротапринтное издание.

В решении выражена благодарность Харьковскому университету, его руководству и непосредственным организаторам за хорошую, четкую подготовку и проведение конференции. Выражена благодарность Комиссии истории зарубежных славян объединенной исторической секции Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР и ее председателю И. А. Воронкову за большую и плодотворную работу по координации научно-исследовательской деятельности в области исторической славистики и за активное участие в подготовке конференции.

Пятая межвузовская научная конференция историков-славистов содействовала дальнейшему совершенствованию научно-исследовательской работы, ее координации, повышению уровня преподавания истории южных и западных славян в вузах страны и, таким образом, еще раз продемонстрировала жизненность и необходимость таких общесоюзных встреч специалистов.

*С. И. Сидельников,
Г. И. Чернявский*

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В КРАКОВЕ

9—10 марта 1970 г. в Кракове состоялась научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Ленина. Сессия была организована Советско-польской исторической комиссией при участии Ин-

ститута истории партии при ЦК ПОРП, Института польско-советских отношений ПАН и краковского Ягеллонского университета. В сессии приняли участие польские и советские ученые, студенты

и аспиранты Краковского университета.

С приветственными речами перед собравшимися в актовом зале Ягеллонского университета участниками сессии выступил ректор университета проф. М. Климашевский и секретарь Краковского воеводского комитета ПОРП З. Китлиньский. Интересные доклады и сообщения были подготовлены польскими учеными-историками. Так, руководитель кафедры истории народов СССР Краковского университета проф. А. Подраза выступил с докладом «Ленин в Польше» — о жизни и деятельности В. И. Ленина в Кракове, Поронине в 1912—1914 гг. и его многообразных связях с деятелями польского революционного движения. Преподаватель истории СССР этого университета З. Лукавский сделал сообщение о контактах В. И. Ленина с поляками — студентами Казанского университета в период пребывания молодого Ленина в стенах этого учебного заведения.

Несколько докладов и сообщений сделали научные сотрудники Института истории партии при ЦК ПОРП: д-р Я. Томицкий («Влияние идей Ленина на формирование программы социалистической левизы в межвоенный период»), д-р В. Топорович («Сотрудничество польских революционеров с В. И. Лениным в деле создания III Интернационала в годы первой мировой войны»), д-р Л. Калестыньская («Ленин и польские коммунисты в Советской России в 1917—1921 гг.»), д-р М. Малиновский («Идейная эволюция польского и международного коммунистического движения после VII конгресса Коминтерна и в первые годы второй мировой войны»), д-р Я. Собчак («Ленин и левое крыло польского рабочего движения в период до 1918 г.»), преподаватель Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской В. Волчев («Ленин о ППС»), магистр В. Мрочковский рассказал о том, как трудящиеся массы Польши чтят память Ленина в период буржуазной диктатуры.

Директор Института истории польско-советских отношений ЦАН проф. Т. Цесляк выступил с сообщением о борьбе В. И. Ленина за мирное урегулирование отношений с Польшей в период польско-советской войны 1920 г.

С сообщениями выступили польские военные историки: подполковник Ф. Збиневич (Военно-исторический ин-

ститут) — о деятельности Ленина как военного теоретика и руководителя вооруженного восстания в октябре 1917 г.; полковник Т. Равский (Военно-исторический институт) — о ленинской концепции вооруженных сил социалистического государства и др.

Интересными и содержательными были также доклады и сообщения советских историков. Чл.-корр. АН СССР, зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Д. М. Кукин сделал доклад на тему «Ленин как вождь международного рабочего движения». Чл.-корр. АН БССР, директор Института истории АН БССР И. М. Игнатенко выступил с докладом «Ленин и создание компартии Белоруссии и Белорусской ССР». «Ленинская концепция революционных преобразований и Польша» — такова тема доклада канд. ист. наук И. С. Яжборовской (Институт истории международного рабочего движения АН СССР). Борьбе В. И. Ленина и партии большевиков за мир и восстановление независимости Польского государства в 1918 г. было посвящено сообщение д-ра ист. наук Р. Г. Симоненко (Киевский университет им. Шевченко).

От Института славяноведения и балканистики АН СССР с сообщениями выступили д-р ист. наук В. Д. Дьяков («Ленин о польском освободительном движении в XIX в.»), научный сотрудник А. М. Орехов («Из истории контактов петербургских социал-демократов с польскими революционерами в середине 90-х годов XIX века»), д-р ист. наук И. А. Хренов («Ленин и польское революционное движение в 1905—1907 гг.»), канд. ист. наук П. Н. Ольшанский («Ленинские принципы внешней политики Советского правительства и советско-польские отношения в 1919—1920 гг.»).

Всего на сессии было сделано свыше 30 докладов и сообщений, представляющих значительный вклад в разработку ленинского наследия, связей Ленина с польским рабочим движением, его влияния на развитие революционной борьбы польских трудящихся за свободу.

Участники сессии посетили Поронино, Белый Дунаец, где жил и работал В. И. Ленин в 1912—1914 гг., а также места в Кракове, связанные с пребыванием В. И. Ленина.

П. Ольшанский

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

25 марта 1970 г. в Малом зале Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы состоялась научная сессия, посвященная 25-летию освобождения Венгрии от фашизма, организованная Институтом славяноведения и бал-

канистики АН СССР совместно с Обществом советско-венгерской дружбы. В работе сессии приняли участие ученые из Венгерской Народной Республики.

Сессия открылась вступительным словом директора Института славяноведения

и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова, подчеркнувшего историческое значение побед Советской Армии над гитлеризмом, давших возможность венгерскому народу свергнуть фашистский режим и пойти по пути свободного развития.

С докладом «Об общих закономерностях и национальных особенностях социалистического строительства в Венгрии» выступил канд. ист. наук Л. Н. Нежинский. В докладе была сделана попытка проследить конкретное предомление общих закономерностей социалистического строительства в период перехода от капитализма к социализму в Венгрии, а также определить специфические национальные черты, проявившиеся в ходе социалистического преобразования венгерского общества.

Доклад канд. филол. наук О. К. Россиянова был посвящен малоисследованной в науке теме — литературе антифашистского Сопротивления в Венгрии. О. К. Россиянов рассказал о некоторых итогах своих изысканий в области изучения творчества венгерских поэтов-антифашистов. В частности, весьма подробно были проанализированы стихи видного поэта-антифашиста Миклоша Радноти.

С интересом было встречено собравшимся выступление канд. искусствоведения А. А. Гершковича, рассмотревшего некоторые проблемы развития социалистического искусства в Венгрии. Отме-

тив основные вехи в истории искусства послевоенной Венгрии, докладчик сосредоточил главное внимание на итогах и перспективах современной венгерской драматургии и кинематографии.

Профессор Будапештского университета Шандор Балог посвятил свое выступление некоторым политическим вопросам внутренней ситуации в Венгрии летом 1945 г. В частности, был рассмотрен вопрос об обострении противоречий в правительственной коалиции летом 1945 г., что явилось отражением общего обострения классовой борьбы в стране.

Канд. ист. наук Шандор Орбан рассмотрел в своем выступлении проблему классового расслоения венгерского крестьянства накануне социалистического преобразования сельского хозяйства. Докладчик подчеркнул значение всестороннего учета отмеченного расслоения при формировании политики ВСРП по отношению к крестьянству.

Научный сотрудник Института истории партии при ЦК ВСРП Миклош Хабуда избрал темой своего доклада политику коммунистической партии в отношении профсоюзов после освобождения. В выступлении было, в частности, показано сколь большую роль придавала компартия профсоюзам в борьбе за упрочение и расширение позиций пролетариата в органах государственной власти.

Л. Н.

О ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЯХ ИМЕНИ КАРЛА МАРКСА

Секция общественных наук Президиума АН СССР сообщает об учреждении двух золотых медалей имени Карла Маркса, которые присуждаются Академией наук Союза ССР — одна советским и одна иностранным ученым — с целью отметить выдающиеся работы в области общественных наук.

Золотые медали имени Карла Маркса являются высшей наградой Академии наук СССР и присуждаются Президиумом как за отдельные научные достижения, так и по совокупности научных трудов по единой тематике.

Медали присуждаются один раз в три года ко дню рождения Карла Маркса и присуждаются отдельным лицам персонально.

Кандидаты на соискание золотой медали имени Карла Маркса после предварительного рассмотрения всех предложений Экспертной комиссии представляются Комиссией Президиуму Академии наук СССР.

Выдвижение кандидатов на соискание медалей имени Карла Маркса осуществляется:

а) научными учреждениями АН СССР, АН союзных республик, высшими учебными заведениями;

б) действительными членами и членами-корреспондентами Академии наук СССР и академий наук союзных республик;

в) научными советами по проблемам науки.

При выдвижении кандидата на соискание медали необходимо представить в Академию наук СССР (Москва В-71, Ленинский проспект, 14) соответствующие материалы с надписью «На соискание золотой медали имени Карла Маркса».

Работы, ранее удостоенные Ленинской премии, Государственной премии, а также именных премий АН СССР и АН союзных республик и отраслевых академий, на соискание золотых медалей не принимаются.

Золотые медали имени Карла Маркса вручаются на годичном общем собрании Академии наук СССР. Ученые, удостоенные золотых медалей имени Карла Маркса, выступают на этом собрании с научными докладами.

CONTENTS

<p><i>V. V. Marjina</i>. The first attempt to create a workers' state in Czechoslovakia. <i>Mito Isusov</i> (Bulgaria). The structural changes in Bulgaria's economy (1944—1947). <i>Walenty Daszkiewicz, Włodzimierz T. Kowalski, Stanisław Lopatniuk</i> (Poland). A study in the periodization of the history of the Polish-Soviet relations (1917—1968). <i>K. L. Strukova</i>. From P. D. Draganov's epistolary heritage. <i>N. Bogomolova</i>. Revival of classicist tendencies in the Polish poetry of the early XX century. <i>Ju. A. Karpenko</i>. Linguistics — geography — history (Problems of toponymic etymology)</p>	3
---	---

*Towards the XIII International Congress of Historical Sciences.
Reports for the international slavic commission of the Congress*

<p><i>A. S. Mylnikov</i>. The general state and cultural political role of the Czech city in the post-Bělá Hora period. <i>I. I. Leščilovskaja</i>. The role of the city in the formation of the Croatian national liberation movement ideology in the first half of the XIX century.</p>	71
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>S. M. Steckevič, P. Kaleniczenko</i>. Polacy w Rewolucji Październikowej i wojnie-domowej na Ukrainie 1917—1920. <i>I. Jažborovskaja</i>. «Упаństwowanie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948)». <i>A. M. Pančenko, I. P. Smirnov, Mari-na Cvetaeva</i>. Letters to A. Tesková</p>	90
--	----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples, published in the Soviet periodicals at the end of 1969 — the beginning of 1970.</p>	95
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>S. I. Sidelnikov, G. I. Čern'avskij</i>. The fifth intra-college scientific conference of the Slavist historians Scientific sessions devoted to the 25th anniversary of People's Hungary. <i>P. Ol'sanskij</i>. A scientific session in Krakov. <i>L. N.</i> At the Institute for Slavonic and Balkan Studies. The golden Karl Marx medals</p>	103
--	-----

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 24/IV—1970 г. Подписано к печати 26/VI—1970 г. Т-11206 Тираж 1175 экз.
Зак. 499 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,8 Бум. л. 3¹/₂ Уч. изд. л. 11,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Р

В ОРДЫНКА

Д 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891